

Annotation

Юноша-туземец Ако, плененный нападшими на остров захватчиками, волею обстоятельств оказывается на яхте путешествующих богатых бездельников. Все его помыслы сосредоточиваются на том, как помочь своему маленькому, но отважному народу освободиться от власти белых колонизаторов.

- [Вилис Лацис](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вилис Лацис
Потерянная родина

ОТ АВТОРА

Большая часть романа «Потерянная родина» написана мною в 1940 году. К середине июня из задуманных шестнадцати глав были готовы четырнадцать.

После свержения ульмановской фашистской диктатуры, которое совершилось 21 июня 1940 года, мне пришлось на время прервать свою литературную деятельность и работать в Министерстве внутренних дел демократического Народного правительства, а после установления в Латвии советской власти — в республиканском Совете Народных Комиссаров. Это был период исключительно напряженной и захватывающей работы, когда большинству наших партийных и советских работников, как говорится, не хватало часов в сутках, чтобы сделать все, связанное с перестройкой нашей жизни на новый, советский лад, и приходилось работать ночами, зачастую — по нескольку дней не смыкая глаз. Вполне естественно, что о писательской деятельности и об окончании романа в то время и думать не приходилось.

В 1941 году написанные ранее четырнадцать глав были изданы отдельной книжкой, и я не видел иного выхода, как закончить их словами «Конец первой части», хотя никогда и не думал писать этот роман в двух частях.

Когда обстоятельства позволили мне снова заняться литературой, я неоднократно откладывал работу над «Потерянной родиной», и лишь совсем недавно, когда была написана «Буря» и близился к завершению роман «К новому берегу», я снова взялся за неоконченную книгу. Вместо двух, как предполагалось прежде, заключительных глав, я написал четыре, кроме того, частично переработал предыдущие главы и пополнил их некоторыми новыми эпизодами. По окончании работы над романом мне стало ясно, что нет никаких причин делить его на две части, поэтому в настоящем, дополненном издании «Потерянной родины» такое деление отсутствует.

Я счел своим долгом сообщить об этом, чтобы предупредить возможное недоумение читателей, многие из которых уже давно обращались ко мне с просьбой написать вторую часть «Потерянной родины».

12 февраля 1953 г.

Вилис Лацис

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В то утро Ако бесшумно выскользнул из хижины, опустил плетеную из коры цыновку, заслонявшую выход, и, на миг затаив дыхание, прислушался. Слух уловил спокойное дыхание спящих и тихий, далекий шум. Это был рокот волн, отзвук дыхания шумевшего океана. В хижине никто не проснулся.

Ако тихо, на цыпочках миновал хижины Ловаи и Манго, ближе других расположенные к его жилищу. Стройная, слегка наклоненная вперед фигура юноши напоминала одну из тех кокосовых пальм, которые согнул на своем пути пассат. Но Ако шел в противоположную сторону, и тут, в лесу, воздушное течение вовсе не чувствовалось. Осторожно шагая, Ако знал наперед, куда ступит его нога, и, хотя ночь еще не прошла, он всегда чувствовал, где надо пригнуться, когда путь ему преграждала какая-нибудь низко растущая ветка.

Над верхушками леса мерцали звезды. Они все еще довольно яркие, как обычно по ночам, небосвод еще нигде не поблек и не потускнел, — стало быть, Ако не опоздал. Сегодня он убедится... узнает то, чего не знает еще никто — ни отец, ни Хитахи, да, даже Хитахи, хотя он прожил на свете так много дней и ночей и нет ему равного на острове по уму.

Упругий и гибкий, как молодая ветка, пробирался он через заросли, и все время дорога вела его вверх по холмам, острые вершины которых высились над макушками самых высоких прибрежных пальм. В этом лесу он знал каждое дерево, каждый куст, каждую заросль тростника. У некоторых старых деревьев были свои имена. Там, где кончалась поросль бананов, исчезла и лесная тропинка, и Ако пришлось продолжать свой путь без дороги. Здесь начинался самый крутой подъем. Он остановился у подножия горы и, прежде чем идти дальше, передохнул. Нет, он не чувствовал усталости, это просто привычка отдыхать именно здесь: ведь, чтобы преодолеть поросшую кустарником крутизну горы, нужны свежие силы.

Справа в темноте слышался плеск воды. Там журчал маленький водопад, горный ключ — живительная влага, столь же необходимая для жизни островитян, как съедобные плоды, рыба, птица и солнце. Ако

взглянул на небо. Темная, почти лиловая синева над головой была такой же, как в полночь. Пожалуй, она и не исчезнет, пока он не доберется до самой вершины горы.

Им овладело сильное нетерпение, сладостное волнение. Что-то затрепетало в душе Ако, как будто бы океанский ветер вдруг зашумел в дремлющей чаще. Все тело его напряглось, и, влекомый радостным возбуждением, он двинулся дальше. И постепенно будто все ниже опускались макушки деревьев, все глубже погружалась чаща и исчезала где-то в темноте под Ако, а сам он подымался все выше и выше. Окончились кусты, теперь кручу покрывала лишь трава да горные цветы, а потом исчезли и они. Ако карабкался вверх по голой каменной стене, напоминая огромную птицу, взбирающуюся по стволу дерева. Эта каменная стена была пологой ровно настолько, чтобы человек мог сохранять равновесие. Утес достигал высоты десяти-двенадцати человеческих фигур, затем вершина горы постепенно сплющивалась и заканчивалась маленькой площадкой, шагов в шесть шириною; а посреди нее лежал замшелый камень — такой гладкий и круглый, словно его отшлифовала рука человека.

Ако встал на круглый камень и долго глядел вниз. Это было самое высокое место на острове. Все, решительно все находилось ниже его. Теперь Ако возвышался над островом, горой, океаном... над всем миром. А мир — это все, что можно видеть, окинуть взглядом, все, что знал или мог вообразить человек, — совокупность вещей и представлений. Для Ако и его племени весь мир заключался в этом острове, водном просторе вокруг него, в небосводе с солнцем, месяцем, звездами и тучами — во всем том, что было доступно взору и чувству. К его миру принадлежали и водные пучины: темное, укрытое от глаз дно морское с его тайнами, неведомыми и непостижимыми чудесами.

Но все ли это? Вот этого Ако не знал. А ему хотелось знать, и потому-то он вскоре после полуночи оставил свое ложе и взобрался сюда наверх — впервые в жизни. Он был молод; семнадцать раз в своей жизни встречал он весну; тело его вполне развилось, и он по выносливости не уступал любому взрослому мужчине острова.

В звездном сиянии голое тело Ако лоснилось, под золотисто-коричневатой кожей играли упругие, еще не окрепшие мускулы. Высокий и стройный, стоял он на камне, подобно бронзовому изваянию, созданному опытной рукой скульптора. Длинные черные волосы блестящими прядями ниспадали ему на плечи, а чуть продолговатое лицо отличалось столь правильными чертами, что даже европейцы сочли бы его красивым. Взгляд

глубоких черных глаз был задумчивым и мечтательным. Единственное, что могло назваться одеждой, была небольшая травяная набедренная повязка и кровавого цвета кораллы на шее.

Весь мир лежал у ног Ако — тот мир, который его обитатели называли Ригондой, — зеленый цветущий сад посреди океана. Хороший ходок мог с восхода до заката солнца не спеша обойти вокруг всего острова. С вершины горы Ако обозревал весь остров — продолговатый бугор среди бескрайнего водного пространства с белым кольцом песчаного побережья, с группами пальм на берегу, зарослями тростника, холмами и долинами. Остров опоясывает спокойная прозрачная лагуна, за которой выступает естественный мол — низкий коралловый риф с проливом на восток и двумя проливами на запад. Кое-где на рифе виднеются стройные силуэты отдельных кокосовых пальм. Расплавленным серебром отливает вода в лагуне; в первых лучах восходящего солнца сверкает и трепещет листва на кустах и деревьях; и защищенные от ветра хижины островитян, будто затаив дыхание, прислушиваются к отдаленному гулу, доносящемуся со стороны моря. Но никогда этот грохот не докатывался до самого острова, а вода и бескрайнее небо ничем не угрожали. Старики не запомнят случая, чтобы кто-то чужой, не принадлежащий к их миру, приблизился к острову оттуда, где небо сходилось с водой. Иногда, подстрекаемые любопытством, островитяне пытались доплыть на своих лодках до того места, где небо встречается с морем, но никак не могли до него добраться.

Однажды Ако поднялся на один из самых высоких холмов и убедился, что оттуда можно увидеть все, что скрывается за холмами пониже. Теперь он знал, что с высокого места видно дальше, чем с низкого, знал и то, что скрывают от взора ближайшие окрестности. В тот час его охватило страстное желание увидеть, что же скрывается за краем света, откуда на заре выходит солнце. Может быть, там, за этой чертой, находится жилище солнца, просторная хижина, где оно отдыхает по ночам, так же как жители острова в своих тростниковых хижинах.

Единственным местом, откуда, пожалуй, удалось бы увидеть это, была вершина высокой горы. И вот этой ночью, после целого месяца раздумья и колебаний, Ако поднялся сюда. Но напрасно глядел он на край света: так же, как и снизу, отсюда можно было лишь смутно различить неясную черту, где небо соприкасается с водой... и больше ничего. Край неба зарделся, над горизонтом стало подниматься огненным диском солнце, и море в том месте будто зажглось. Все выше поднималось солнце, водный простор зажигался вширь и вдаль, огненная полоса быстро приближалась к острову. Засверкали рифы, вершины пальм, все побережье.

Ако увидел солнце чуть раньше других обитателей острова. А будь на острове гора выше этой и поднимись он на нее, — может быть, он и впрямь узрел бы жилище солнца? А если сесть в лодку и долго плыть на край света, — гораздо дольше и дальше, чем те островитяне, которые уже делали это, — может, тогда он подплыл бы к самому солнцу?

Ако присел на камень и стал смотреть вдаль. Как хотелось ему добраться туда... далеко, далеко... за край света! «Что там? И есть ли там вообще что-нибудь? Неужели то, что я вижу и знаю, — это все?»

И снова неизвестность томила Ако. Но внизу уже слышались голоса птиц и людей, начала пробуждаться жизнь... В мире Ако наступил новый день. Он встал и направился вниз.

2

Хижины островитян были расположены скопом, хотя и не слишком лепились друг к другу; полукругом стояли они у восточного залива, против которого на рифе пенился пролив.

Всего насчитывалось немногим более ста хижин — у каждого рода свое жилище. Жилье старейшины острова Хитахи было выстроено в центре селения, там, где сходились берега обоих заливов, достаточно высоко, чтобы его не касались воды прилива, и на вполне надежном расстоянии от ближайшей рощи кокосовых пальм, чтобы в бурю падающие орехи не угрожали обитателям хрупкой постройки.

Хижины представляли собой легкие строения из тростника и широких листьев тропических растений. Здесь, в царстве вечной весны, главным назначением жилищ было укрывать людей от палящего зноя и ливней.

Когда Ако спустился вниз, женщины уже грели кокосовое молоко, положив скорлупы орехов между раскаленных камней. Его отсутствия никто не заметил. Сидя перед своими хижинами на разостланных свежих листьях бананов, семьи островитян ели обернутую в листья, изжаренную на раскаленных камнях рыбу, лесные плоды, запивая их сладким теплым кокосовым молоком.

В лучах утреннего солнца блестели статные смуглые фигуры. Раздавался гомон детей и голоса взрослых. Девушки с цветами в волосах бродили по рощам. Звуки их песен, песен без слов, простодушных и веселых, говорили о радости жизни и красоте мира.

Властелину этого маленького мирка, человеку, сильному даром рассудка, природа по доброте своей дала прекрасную родину и самое

необходимое для поддержания жизни: пищу на земле, в воздухе и в воде, солнечное тепло, морскую прохладу и нежную душу, которая умела любить и радоваться жизни. Его потребности и запросы были столь же узки и ограничены, как узок был ведомый ему мир; но он не знал, что по сравнению с жизнью других племен и народов, жизнь его была жалкой — полной тяжкой нужды и лишений. Зависимый от всех сил природы, суровости океана, ливней и ужасных тропических ураганов, каждый год подолгу живя впроголодь, — когда суровые природные условия неделями лишали его возможности добывать себе пропитание и на земле и в море, а старые запасы иссякали, — он считал это естественным и неотвратимым и свyksя со всеми трудностями. С терпением, свойственным детям природы, переносил он все невзгоды и радовался, точно дитя, когда тяжелое испытание оставалось позади и наступали беспечальные дни.

Живя среди богатой природы острова, люди уподобляли себя цветам, птицам и обитателям морских глубин. Прекрасные цветы, роскошные ракушки и куски кораллов украшали их волосы, шею, руки и бедра. Мужчины носили украшения из зубов акулы; старому Хитахи, чьим советам внимали все жители острова, принадлежала самая красивая раковина для питья и опахало, сплетенное из волокон коры и самых тонких корней.

Стар и умен был Хитахи — мудрый наставник своего племени и вождь Ригонды. Когда то в молодости он делал самые легкие и быстроходные челны. Теперь всякий, кто долбил челн, обращался к нему за советом. Он учил юношей, как из рыбьих костей делать крючки для удочек, как изготавливать копья и остроги для ловли крупной рыбы. Много лет прожив на свете, он за свой долгий век впитал в себя все, что должен знать человек, чтобы уметь предвидеть события и нужды грядущего дня. Следуя поручениям Хитахи, жители вовремя делали запасы сухих плодов, фруктов и вяленой рыбы, так как период ливней иногда затягивался, и рыба в лагуне отравлялась пресной водой. Хитахи умел предсказывать и шторм, — тогда ни один островитянин не выезжал в море дальше рифа, а с приближением бури все вытягивали свои пироги высоко на берег и накрепко привязывали их к деревьям.

Люди верили и потому слушались Хитахи. Благодаря его влиянию все люди племени были живого и приветливого нрава. Когда в какой-нибудь хижине злые духи мучили человека и он, одержимый недугом, не мог добывать себе пищу, Хитахи умел отыскивать такие травы, сок которых снова делал несчастного здоровым и жизнерадостным. А если малые дети или немощные старики оставались без кормильцев, Хитахи все устраивал

так, чтобы они тоже не терпели недостатка в пище. Когда юноша выбирал себе среди девушек острова жену, племя выстраивало для молодых жилище на берегу залива, выдалбливало для них маленькую рыбацкую лодку и дарило разную утварь.

Простой, неприхотливой, трудной и все-таки дружной была их жизнь. Веселыми песнями и играми приветствовали жители Ригонды появление новой жизни и так же беспечно и весело провожали они своих ушедших в подземный мир, который находился тут же, в лагуне под коралловой скалой. Они не ведали, что такое зло, им самим было чуждо все темное и враждебное в душе человека, поэтому они не имели понятия о тех посмертных муках и ужасах, которыми наделило загробную жизнь воображение других племен. Злыми силами в природе были акула и осьминог, но они боролись с ними всегда, когда те встречались им на пути. Злыми и разрушительными были также свирепые ураганы, которые иногда проносились над островом, но там, на дне лагуны, они уже бессильны. Когда на побережье наступает ночь, солнце опускается в подземный мир и отдыхает там до утра — вместе со всеми, кто сошел туда, чтобы в полном блаженстве продолжать свой прерванный путь. Иногда там, внизу, им делается скучно и хочется узнать, что нового случилось на свете. И нет в том ничего дурного, если, купаясь в лагуне, кто-либо из островитян не выплывет на берег, — в дружественной толпе предков ему, конечно, не будет плохо.

Находясь так далеко от всех других островов и земель, что даже мысль о каком-нибудь другом мире не закрадывалась в сознание островитян, ригондское племя вело свою жизнь по обычаям прадедов и пребывало в полной уверенности, что это и есть само совершенство.

Никогда ни один парус не белел еще на горизонте. Никто ничего и не ждал оттуда. Только Ако однажды ночью взобрался на вершину большой горы и хотел заглянуть за край света. Но он ничего не увидел.

— Нелима..., — произнес Ако, остановившись возле смуглой девушки, которая пришла на берег посмотреть, как мужчины-островитяне выезжают на рыбную ловлю. — Нынче вечером, когда месяц подымется выше большого камня, будешь ты вместе со всеми?

— Я буду одна за холмом, там, где растет старое хлебное дерево, — ответила девушка. В улыбке блеснул ряд красивых зубов, крепкая фигура

слегка наклонилась вперед, и стройные упругие ноги унесли ее в ближнюю рощу.

— Я приду туда же! — крикнул ей вслед Ако.

— Ха-ха-ха! — послышался в ответ смех Нелимы. Но Ако долго еще смотрел в ту сторону, куда она убежала. Ему было хорошо — хорошо оттого, что на свете жила Нелима, с которой ему больше всего нравилось бывать вместе. Она казалась Ако самым красивым и дорогим ему существом на всем острове. Ни у одной девушки не было такой осанистой походки, таких лучистых глаз, такого чистого и нежного голоса, который порою звучал подобно шелесту ветра в чаще, порою журчал подобно маленькому водопаду, струившемуся по выступам камней.

Хорошо становилось от ее взгляда. Приятно было издали услышать ее голос. А когда Нелима находилась рядом и Ако мог слегка коснуться локтем ее нежного плеча, приятно было закрыть глаза и предаваться величайшему блаженству, которого не могли доставить ему даже самые вкусные плоды или испеченная в горячей золе птица.

Ако плыл в одной пироге со своим младшим братом Онеагой. Это был еще подросток, и Ако гордился тем, что отец доверил ему обучить Онеагу разным промыслам. Так же как их отец Оно когда-то показывал Ако, как оснастить удочку и как лучше выманить из водных глубин рыбу, так и Ако теперь обучал брата.

— Прoshлый раз Ловаи привез самый большой улов, — заметил Онеага, когда они вытащили первую рыбу.

— Ловаи славный парень, — отозвался Ако. — Если сегодня у нас окажется больше рыбы, он не станет завидовать, а придет посмотреть, сколько мы наловили. Улыбнется и скажет: «Вам повезло».

— Ако, у тебя клюет!

— Подверни лодку поближе.

Они вытаскивали рыбину за рыбиной. Когда они вытянули из воды особенно красивую рыбу, Онеага дал волю восторгу.

— Погляди, Ако, что за чешуя! Пожалуй, тут выйдет новое ожерелье на шею.

«Нелима прекраснее самой сверкающей рыбы, — подумал Ако. — Но если Нелима захочет, то пусть берет себе всю чешую — она величиною с ноготь и переливается так же, как внутренность раковины».

Когда на дне пироги накопилась такая грудa рыбы, что верхние рыбины, трепыхаясь, могли выпрыгнуть за борт, Ако закончил лов.

— Хао! — закричал он, и через мгновение эхо отдалось в другом конце лагуны. — Хао! Ловаи! Манго!

— Хао! — отвечали с других лодок. Это были друзья Ако. Скользя по прозрачным водам лагуны, пироги направлялись к берегу. Манго, молодой парень в возрасте Ако, затянул песню о скупом старике водяном, который не хотел отдавать ни одной из своих рыб, но прибрежный человек умен, — он умиловил брюзгливого скрягу и везет домой полную лодку вкусной снеди. Теперь старики смогут сидеть у костра и присматривать, чтобы рыба хорошо испеклась, а молодые петь песню и плясать в тени зеленых деревьев. Всем будет хорошо.

Песню подхватили на других лодках, и молодые голоса понеслись над водной гладью. И с берега ответили песней, оттуда звучали голоса девушек и женщин.

С песней вытащили они пироги на берег, под звуки песен принялись за дележ улова. Ветер с моря доносил нежную мелодию волн, и деревья в лесу, песок под ногами идущих, птицы и люди вторили этой песне. Радостно светились лица людей; они двигались странным раскачивающимся шагом, поводя плечами, ноги их в такт поднимались и опускались — все быстрее и быстрее. Словно опьяненные запахом солнца и зелени, они кружились, брались за руки, подбрасывали вверх орудия лова. Вскоре некоторые из них взяли в руки большие, нежно звучащие раковины, дудки из бамбука, деревянные трещотки и костяные погремушки. С изумлением смотрели птицы на ликование людей, а когда шум слишком усилился, они взмахнули крыльями и улетели в глубь острова.

...Ако шел рощей, озаренные лунным светом стволы пальм отбрасывали на землю длинные переплетающиеся тени. Слева за прогалинами сверкали серебристые воды лагуны. Ако дошел до холма и несколько мгновений напряженно вглядывался в полумрак. Старое хлебное дерево, словно почтенный родоначальник, кряжистое и могучее, стояло среди молодой поросли. В тени дерева Ако заметил неподвижную фигуру девушки. Она стояла не шевелясь, молча прислонившись к дереву, застыв в напряжении. Когда на холме показался юноша, внизу послышался приглушенный смех и трава зашуршала под легкими торопливыми шагами. Нелима убегала от Ако.

Он бросился вдогонку. Это было захватывающее состязание. Когда Ако почти было догнал девушку, она вдруг метнулась в сторону, и, пока он менял направление, Нелима была уже далеко. Тогда Ако пустился на хитрость: он сделал по лесу крюк, чтобы пересечь ей путь. Но девушка разгадала намерение Ако и легко избежала ловушки. «Ничего, пусть себе побеждает, — думал Ако. — Все равно Нелима первая устанет. Ако спешить

некуда». К тому же эта игра ему нравилась.

Заметив, что Ако не гонится за ней, Нелима замедлила бег. А юноше только того и надо было: неожиданно рванувшись вперед, он настиг девушку, подхватил ее за локоть и больше уж не выпускал. Тогда она покорила.

— Ты обещала ждать меня у хлебного дерева, — заговорил Ако.

— Я только сказала, что буду там, — отвечала Нелима, запыхавшись от усталости. — Ты что-нибудь искал в лесу?

— Искал. Но теперь уже нашел.

— Это что-нибудь хорошее? — она лукаво заглянула ему в глаза.

— Да, хорошее, — улыбнулся Ако. — Присядем вон там, на берегу, оттуда видна большая вода. Там я тебе расскажу.

— Мне хочется знать, — сказала Нелима. Взявшись за руки, они стали пробираться сквозь заросли бананов и вскоре вышли на берег к тому месту, где суша особенно глубоко вдавалась в море. Отсюда был виден крутой изгиб ригондского побережья по обе стороны от мыса, в одну сторону — до излучины залива, где находились хижины островитян, в другую — до пустынного берега, куда живые ходили остерегались, так как там было место наземных сборищ душ умерших. Два раза в году выходили они на берег из подземного мира и пировали. Обитатели острова знали, когда будет пир, и заранее приносили на опушку леса к Тихому берегу рыбу, плоды и сосуды с добрым напитком ава; вкушающие его приходили в веселое расположение духа.

— Ако, что ты хотел мне сказать? — напомнила Нелима. Они сели на песок и слушали тихую возню крабов в лагуне. Глубоководные жулики вылезли на мелководье пожить.

— Через два полнолуния мужчины Ригонды построят новую хижину, — заговорил Ако. — Ее отдадут мне. И новая лодка будет у меня, и удочки, и свои остроги, и посуда для хранения пищи. И в этой хижине нужна будет подруга, которая бы разводила огонь и ожидала возвращения Ако с рыбной ловли.

— Да, она будет нужна.

— Ако хочет знать, пойдет ли Нелима в его хижину, если он ее пригласит:

— Нелима хочет знать, приглашает ли ее Ако?

— Он делает это.

— Нелима хочет подумать, будет ли Ако для нее самым лучшим другом.

— Она может думать. Ако будет ждать до утра. Он никуда не уйдет, и

Нелима тоже не уйдет, пока не решит.

Прошло всего несколько мгновений, и Ако снова спросил:

— Решила Нелима?

— Да, теперь она знает. У Ако ей будет лучше, чем у другого.

— Это хорошо, Ако рад, что Нелима придет в его хижину.

Серебристый свет луны разливался над океаном, заснувшим островом, над пальмами, белым побережьем и детьми природы, сидевшими на опушке леса, нежно прижавшись друг к другу. Они молча смотрели перед собой, и взор их был серьезным, словно бы полным опасений. Возможно, что им представлялась их будущая жизнь, — полная детских мечтаний, упорного труда, солнечного света, и порывов бури... Много в их жизни будет забот и страданий, но хватит на их долю и радости и счастья. Незаметно промчались часы в этих мечтах. Спрятался месяц, погасли звезды, золотым огнем озарилось на востоке море...

Мечты Ако и Нелимы были внезапно прерваны громким шумом в селении островитян. Взволнованные голоса людей слышались над заливом, во всех хижинах раздавались тревожные вопли и возбужденные возгласы.

— Ако, ты слышишь?! — Нелима вскочила.

— Что-то случилось, — проговорил Ако и тоже поднялся.

Они поспешили в поселок.

4

В то утро женщины Ригонды позабыли развести огонь в очагах и самые большие любители покушать не думали о еде. Ни одна пирога не вышла в море. Собравшись возле хижины Хитахи, люди окружили старейшину острова и возбужденно шумели, засыпая вопросами Хитахи и других стариков, растерянно стоявших среди толпы.

— Что случилось? Отчего люди так взволнованы? — спросил Ако у своего отца. Но тот был до того взбудоражен, что не обратил внимания на вопрос сына, и Ако пришлось повторить его еще раз.

Оно махнул рукой в сторону моря, его голос дрожал.

— Там, на большой воде, за рифом...

Ако посмотрел вдаль и в нескольких милях от берега увидел нечто необыкновенное, послужившее причиной волнений и опасений островитян. Это было что-то доселе невиданное, такое, о чем не упоминалось даже в самых древних преданиях и сказках Ригонды. Отделившись от горизонта, по направлению к острову плыл какой-то

странный большой предмет. Это была не лодка и не подмытое морем дерево, не огромная рыба, не птица. Больше всего походил он, пожалуй, на плывущую птицу, которая, привольно распластав крылья, позволяла ветру гнать ее по поверхности воды.

— Хитахи, это птица? — не унимались любопытные. — Видал ли ты когда-нибудь такую диковину?

— Никогда, — задумчиво промолвил Хитахи. — И не слышал от своего отца и деда, что на свете бывают такие вещи.

— Что же нам делать? — волновались островитяне.

— Посмотрим, что будет, — решил Хитахи. — Не кричите и не толпитесь на берегу. Если у него есть уши, то лучше пусть он не слышит наших голосов. Может быть, проплывет мимо.

Вняв совету Хитахи, люди отошли подальше от берега и спрятались в пальмовой роще. Но странное существо, наверно, уже услышало голоса людей на острове, оно все приближалось к рифу и становилось все лучше видимым. Сходство с плывущей птицей понемногу исчезало, незнакомый предмет начинал все больше напоминать лодку — большую, огромную лодку, каких островитяне никогда не строили, она была раз в десять длиннее их рыбацких челноков, выше хижины Хитахи, а на обоих концах у этого предмета росло по раскидистому дереву — дереву с широко распластанными крыльями, которые несли эту диковину по поверхности воды.

— Хитахи, я вижу там людей! — воскликнул Ако. — Много людей, они ходят и копошатся.

— Уйдемте поглубже в лес, — сказал старейшина племени.

Все племя последовало за Хитахи. Женщины унимали малышей, мужчины переговаривались шепотом. В прибрежной роще осталось лишь несколько наблюдателей из тех, у кого были самые зоркие глаза. Среди них находился и Ако. Странно, его больше мучило любопытство, чем страх, — ведь это нечто такое, чего не увидишь даже с вершины горы. Оно скрывалось за краем света, там, где ночью отдыхает солнце. Может быть, это души умерших из подземного царства, выехавшие в своей лодке осматривать свет? А если не души, то, стало быть, люди, которые передвигаются в большой лодке, — живые. Значит, на свете существует не только то, что можно разглядеть с берегов Ригонды, — где-то еще есть другие миры, другие острова и рифы, на которых обитают живые существа. А если это так, то надо туда добраться. Ако задрожал от нахлынувшего восторга. Он хотел одного — чтобы диковинный предмет не миновал острова; если бы Хитахи не запретил шуметь, он кричал бы, выбежал бы на

берег и знаками зазывал бы сюда чудо.

Словно выискивая что-то, чудо спокойно скользило вдоль рифа. Потом вдруг люди на нем забегали и засуетились. Дерево на заднем конце его опустило крылья, они вяла обвисли вдоль ствола, а на переднем дереве распростертым осталось лишь одно-единственное серое крыло. Огромная лодка взяла направление на остров, проплыла через расселину рифа и вошла в лагуну. Что-то загромыхало, что-то упало в воду. Диковинный предмет совсем сложил крылья и остановился, будто застыв на прозрачных водах лагуны.

Затем раздался оглушительный грохот, подобный раскатам грома, через мгновение грохот этот снова повторился, глухо отдаваясь по всему острову. Наблюдатели бросились бежать. Лишь Ако, словно зачарованный, все еще оставался в роще, прячась за стволами деревьев. Он видел, что пришельцы спускают лодку и несколько мужчин со странными длинными предметами в руках усаживаются в нее. Один из них поднял длинный предмет вверх. Раздался треск, и мгновенье спустя какая-то птица замертво плюхнулась в воду. Теперь и Ако сделалось жутко. И он пустился догонять своих убежавших товарищей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Диковинный предмет, так сильно взбудораживший жителей Ригонды, носил красивое, но неподходящее название — «Сигалл», что означает «чайка». Как известно, чайка красивая, изящная и чистая птица, но о китобойном судне мистера Мобса этого нельзя было сказать. Это была мрачная вонючая коробка с шайкой проходимцев на борту. Когда «Сигалл» после охоты зашел на обратном пути в один из новозеландских портов, чтобы сдать груз и пополнить запасы продовольствия, весь экипаж, за исключением капитана, штурмана Гопкинса и боцмана Иварсена, потребовал расчета и сошел на берег. Само собой разумеется, что они не преминули рассказать другим морякам о собачьих условиях жизни на корабле, расписав при этом капитана Мобса в самых мрачных красках. Жмот, живодер, людоед... Его помощник Гопкинс и верный цепной пес Иварсен по части любого свинства не уступали своему хозяину.

Нелегко было мистеру Мобсу завербовать экипаж для нового плавания. Но в такое положение капитан Мобс попадал не впервые, и у него накопился солидный опыт в преодолении трудностей подобного рода. В какой же гавани нет кабаков и в каком уголке земли не найдется неудачников, опустившихся искателей счастья, людей с темным прошлым или простаков, жаждущих приключений? Мобс переговорил с некоторыми кабатчиками, вечером завернул со своими помощниками в одну-другую подозрительную пивнушку и не поскупился на угощение. — Эй, вы, джентльмен с красным носом, — не тоскует у вас сердце по морю? Мы отчаливаем загребать деньги, и, если кто из вас не такой богач, чтобы жить на проценты, тому сейчас улыбается фортуна — он может разбогатеть...

Песенка эта была не нова, но когда в голову ударит виски, людям малость отшибает память и они принимают фальшь за чистую монету. Великолепный корабль, хорошие харчи, большая команда, сравнительно мало работы и, кроме твердого жалования, проценты с прибыли — это звучало весьма заманчиво. Иной оскудевший моряк задумывался, в ином неудачнике опять оживала надежда поправить свои дела. В одном кабаке орудовал сам Мобс и не скупясь выставлял бутылку за бутылкой, в другом его удачно замещал Гопкинс, а где-то еще с таким же успехом действовал

Иварсен.

Дошлый шкипер бросал семена, и семена эти упали не на камень. Поздно ночью к судну пристала шлюпка и на палубу взобралась орава пьяных людей. Немного погодя от берега отчалила другая шлюпка. Тогда «Сигалл» поднял якорь и распустил паруса. Несколько ранее завербованных матросов, не успевших в тот вечер напиться, стали на вахту. И когда утром, протрезвившись, остальные сползли со своих коек и выглянули за двери кубрика, вокруг корабля уже колыхался безбрежный океан. Поднялась кутерьма. Большинство моряков не взяли с собой ничего из вещей, другие вспомнили, что они подрядились плавать совсем на другом судне. Но больше всего эта оказия огорчила молодого парня по имени Джек Першмен. Боцман Иварсен напел ему, будто «Сигалл» — экспедиционное судно и направляется искать клад на одном из островов в восточной части Океании. Грязное судно, смердящий запах ворвани и жестокие люди на палубе совсем обескуражили юношу.

— Мы обмануты! — возмущенно говорил он своим товарищам по несчастью. — Мы имеем право потребовать, чтобы судно зашло в ближайший порт и высадило нас на берег.

— Сходи, потолкуй об этом с капитаном, — подбивали Першмена пожилые и выдавшие виды матросы. — Может, он примет во внимание наши претензии.

— Пойдемте все, — предлагал Першмен. — Если старик не уступит по хорошему, заставим силой.

— Лучше поговори ты сам. А то он, чего доброго, сочтет наше выступление за бунт, а в таких случаях, сам знаешь, шкипер волен применять всякие каверзные средства.

Першмен ушел. Минуту спустя люди услышали свирепый рев, на палубе прогремел револьверный выстрел, и до матросского кубрика долетели истошные вопли Першмена. Мистер Мобс собственной персоной взял на себя труд вышибить из этого молодца вредные замашки. С помощью Гопкинса и Иварсена он превратил лицо Першмена в окровавленный кусок мяса. Узловатый конец веревки, которым мастерски умел пользоваться Иварсен, до тех пор плясал по спине парня, пока к Першмену не вернулось сознание и он не пустился наутек.

— Эй, ты! — заорал Мобс вслед беглецу. — Скажи остальным, если найдутся еще субъекты, которые думают так же, как ты, пусть приходят на переговоры! Голодная акула велит им кланяться.

Поднялся ропот, хмурыми взглядами люди издали проводили капитана, но никто больше не утруждал хозяина «Сигалла» разными

досужими выдумками. Целую неделю залечивал Першмен свои раны. А грязная посуда с несколькими десятками людей из отбросов цивилизованного общества, которые с невероятным самомнением и еще более невероятными претензиями носили имя белого человека, неслась вперед, навстречу океанскому простору.

Поняв, что онн бессильны против капитана Мобса и его подручных, на стороне которых стоял закон — этот верный союзник эксплуататоров и насильников, — одураченные моряки старались выместить свою злость друг на друге. Неуступчивость в ничтожных мелочах, грубая ругань, бесконечные перебранки и потасовки спасали жизнь на «Сигалле» от чрезмерного однообразия. Сильные безжалостно помыкали своими более слабыми товарищами, взваливали на них всю тяжелую работу. Наглецы подчиняли себе слабовольных, в матросском кубрике появились свои господа и слуги. Молодой Першмен с самого начала показал себя безнадежным простаком — ему и доставалось больше всех. И как только он мало-мальски оправился от побоев, верховоды из экипажа взяли его в оборот. Помимо непосредственных обязанностей, на него одного взвалили ответственность за чистоту в кубрике, он должен был приносить пищу, мыть посуду и заниматься всеми прочими мелочами. Более пронирыливые стали лебезить перед Иварсеном и Гопкинсом, таким же путем заручились благосклонностью самого Мобса, ибо ему по душе были покорность, эгоизм и несогласие среди подчиненных. В остальном капитану не было дела до того, что происходит в матросском кубрике. Лучше всего, если они не ладят между собой, — это укрепляет власть капитана.

Несмотря на подобные моральные качества, экипаж «Сигалла» вполне соответствовал своему назначению. Большинство этих опустившихся и деклассированных людей прилично знали свое дело. Среди них были отличные гарпунеры, такелажники, бывалые штурманы, гребцы, или же просто физически сильные люди, привычные к тяжелой работе и скверным условиям жизни. И хотя многие из них долгое время шатались без дела и кое-как перебивались на чужой счет, они все же считали предстоящий промысловый рейс только суровым и неизбежным испытанием — не больше.

Один лишь Першмен не мог примириться со своей судьбой. На берегу он жил в сравнительно сносных условиях. Его отцу принадлежала небольшая ферма. Никогда ни один человек не унижал его так грубо, как здесь, на корабле. Ему были противны эти люди и их обычаи, противно само соприкосновение с ними, один лишь вид капитана Мобса заставлял кипеть кровь в жилах юноши. В отчаянии он часто смотрел на море: не

покажутся ли где-нибудь паруса другого корабля, верхушки пальм — предвестники земли? В одной из корабельных шлюпок Першмен запрятал бочонок с водою и краденые сухари. При первой же возможности он собирался бежать.

А «Сигалл», будто нарочно, избегал близости островов. Дни и ночи мчался корабль по безжизненной водной пустыне.

Наконец они заметили первых китов. Началась работа. В первый день удалось убить двух матерых самцов, из которых заготовили девяносто бочек жира. К третьему кашалоту капитан Мобс никак не мог подогнать корабль на такое расстояние, чтобы выстрелить по нему гарпуном. Были посланы две шлюпки охотников. Загарпунить-то кашалота удалось, но разъяренное животное оборвало трос и бросилось на лодку. Молодой Першмен видел, как чудовище одним ударом хвоста вдребезги разнесло лодку. Этот случай произвел на него глубокое впечатление. Погибло трое матросов, и хотя они не были ни друзьями Першмена, ни вообще хорошими товарищами, их внезапная смерть потрясла юношу.

Это было только начало охоты. В трюме «Сигалла» лежали еще сотни порожних бочек. Разве участь тех троих не могла в будущем постичь других, в том числе и его, Першмена? Нет, он не желал испытать такое, не хотел ждать. Судно должно немедленно прервать свой рейс и возвратиться в Новую Зеландию или на какой-либо другой остров.

Наутро кок тщетно пытался начерпать воды для кофе из цистерны. Цистерна была пуста. И бочонки в спасательных шлюпках повеяли досуха. Лишь в одной лодке нашли небольшой бочонок с водою и ящик сухарей, но этого запаса влаги могло хватить экипажу всего на пару дней. Во всех сосудах для хранения воды были пробурены дырки и драгоценная, незаменимая жидкость спущена в море. Капитан Мобс неистовствовал, как бешеный. Он понимал, что тут налицо злой умысел и охоту на китов придется на время прервать, пока корабль на каком-нибудь острове не возобновит запаса воды.

— Это работа Першмена! — во всеуслышание заявил Мобс команде. — Но он грубо просчитался, ему самому же придется расплачиваться за свою проделку. В этой части океана ближе пятисот миль нет ни одного острова. Пока доберемся до суши, мы все подохнем от жажды.

«Сигалл» тотчас же взял курс на ближайшие острова Восточной Полинезии. По расчетам капитана, до них можно было добраться не раньше, чем через девять дней пути. При жестком расходовании оставшегося запаса воды его могло хватить дня на два. А потом? Южное

солнце палило немилосердно — ветром не напьешься, а на дождь в такое время года надеяться не приходилось. Положение рисовалось поистине жутким. Люди с мрачными лицами наблюдали за горизонтом. Ненавистью и жаждой крови загорались глаза матросов, когда на палубе показывался Першмен.

— Жажда мучит? — донимал Мобс. — Требуйте у Першмена. Пусть раздобудет воды.

В ту чудесную южную ночь, когда Ако мечтал с Нелимой об их будущей жизни, с палубы «Сигалла» без вести пропал молодой Першмен, сын фермера-скотовода, пустившийся на поиски клада в даях Океании. Все знали, что с ним произошло, но никто по этому поводу не обмолвился ни словом. Капитан Мобс сделал в корабельном журнале лаконичную запись: «Утром Джека Першмена не обнаружили на корабле. Следует полагать, что он упал в море, так как и раньше замечали, что Першмен страдает лунатизмом».

2

Это была не единственная запись, сделанная в тот день капитаном Мобсом в корабельном журнале, но остальные были подробнее и бодрее. По правде говоря, об исчезновении Джека Першмена в корабельном журнале не значилось еще ни слова, а командир «Сигалла» знал уже, какими славными делами ознаменуется этот день в его биографии.

Началось это на рассвете, в четыре часа утра, когда на палубе сменилась очередная вахта. Погруженный в дрему, в марсовой бочке на фок-мачте изнывал от скуки матрос по прозвищу Маленький Сам. У штурвала стоял пожилой швед, долговязый Эрик Свенсон. Вперив взгляд в компасную стрелку, он, так же как и Сам, боролся со сном. Штурман Гопкинс, который тоже, считалось, стоял на вахте, спустился в свою каюту. Там он, наверно, засиделся за бутылкой рома. «Да, ему-то хорошо... — мрачно подумал Свенсон. — А разве у нас меньше жажда, разве нам не пригодился бы глоток чего-нибудь покрепче? Эх, приложиться бы разок к бочонку...» Блаженные размышления Свенсона прервал голос Сама. Перегнувшись через край марсовой бочки, он показывал куда-то влево.

— Свенсон, ты ничего не видишь? Мне кажется, там земля!

— Очнись, Сам, не сдобровать тебе, если штурман застанет тебя спящим, — недовольно ответил Свенсон.

— Свенсон, я ясно вижу что-то похожее на вершину горы...

— Что? Какая вершина?

— Если это в самом деле гора, то не доложить ли капитану? Может, нам вовсе и не надо плыть восемь дней, чтобы добраться до земли и пресной воды.

— Ты слышал, что говорил старик, — ближе пятисот миль нет ни одного острова. В этом деле он, пожалуй, больше нас с тобой смыслит.

— Но сказать ему все-таки можно.

— Если у тебя зудят лопатки, то спустись вниз и расскажи старику, что тебе там померещилось.

Однако Маленький Сам не мог успокоиться. Хорошо зная, какому риску себя подвергает, осмеливаясь потревожить самый сладкий сон Мобса, он спустился на палубу и постучал в дверь капитанской каюты.

— Капитан... хэлло, капитан!

После долгого стука и многократных «хэлло» внутри наконец стали подавать признаки жизни.

— В чем дело? Чего надо? — грозно пробурчал мистер Мобс.

— Земля, капитан! С марсовой бочки видна вершина какой-то горы.

— И больше ничего? А Эйфелеву башню или Хеопсову пирамиду ты не видишь? Ну, сукин сын, твое счастье, что я не могу найти свои туфли, не то твоя мерзкая рожа превратилась бы в отбивную котлету.

Однако в этот момент Мобсу, видно, все же удалось разыскать свои шлепанцы. Дверь каюты внезапно распахнулась, и не успел матрос отпрянуть на надежное расстояние, как толстая волосатая рука сгребла его за ворот рубахи и держала до тех пор, пока Мобс сам не вышел на палубу.

— Обезьяна, я научу тебя ценить ночной покой старших! — ревел Мобс. — Идиот, кретин этакий! Ты еще будешь среди бела дня дурачить старого морского волка? Вот тебе, получай!

Одной рукой держа матроса за грудь, другой мистер Мобс награждал его увесистыми оплеухами. Привлеченные шумом, на палубу выскочили Гопкинс и Иварсен.

— Да я же ясно видел землю! — кипятился Маленький Сам, норовя перекрыть рев капитана. — У меня зрение что надо, в этом уж будьте уверены. А ежели сомневаетесь, полезайте на мачту.

«Полезайте на мачту...» Это было новым оскорблением, которое вызвало у почтенного джентльмена Мобса еще более яростный приступ гнева. Давно канули в вечность те времена, когда командир «Сигалла» мог самолично взбираться на мачту, во всяком случае он уже не пытался делать это лет пятнадцать.

— Стой, подожди! — воскликнул капитан. — Мотайте себе на ус, что

я буду говорить. Пусть Иварсен залезет на марс и посмотрит кругом. Если и он увидит землю, Маленький Сам получит кружку рома, а если нет, то я прикажу обвязать этого идиота канатом и выбросить за борт. И там ты будешь болтаться до тех пор, пока мы не увидим настоящую землю. Приготовься, Иварсен. А ты, Гопкинс, разыщи канат.

— Капитан, благодарю за отличный ром, который в скором времени забулькает в моей глотке! — издевался Маленький Сам.

— Акула обрадуется лакомому кусочку, который мы через несколько минут выбросим в море, — ответил Мобс. — Ну, Иварсен, ты что-нибудь видишь?

— Гляди налево, боцман! — поучал Иварсена Сам. С марсовой бочки донесся смущенный голос:

— На северо-западе видна земля, капитан. Гора... еще две пониже... и макушки пальм!

— Гопкинс! — растерянный капитан выпустил Сама. — Разве мы находимся в пустыне Сахаре?

— Насколько мне известно — нет, — промолвил штурман.

— Разве в этой части Тихого океана бывают миражи? — продолжал Мобс.

— Для такого явления здешний воздух слишком влажен, — ответил Гопкинс.

— Так что же это значит?

— По-видимому, то, что мы открыли неизвестный остров.

И тут капитана Мобса осенило, что он может стать знаменитым. Имя его, бессмертное навеки, войдет в историю мореплавания. Капитан Мобс открыл новую землю!

— Ты получишь не одну, а две кружки рома, — в порыве великодушия сказал он Саму. — Изменить Курс *держат* на новую землю! Спускайся, боцман, да разыщи английский флаг. Поживей смастери новый флагшток — мы водрузим этот флаг на самой возвышенной точке острова... конечно, если она не окажется слишком высокой.

«Сигалл» взял курс на Ригонду.

Предстоящие события были достаточно важны, чтобы капитан Мобс надел свой украшенный галунами мундир и фуражку с окантованным золотом козырьком. Он, так сказать, уже чувствовал себя в роли будущего

губернатора острова. Иварсен разыскал флаг и соорудил из запасного весла довольно приличный флагшток. Когда «Сигалл» вошел в лагуну, весь экипаж находился на палубе. Открыватель новых земель Мобс стоял на капитанском мостике, зажав подмышкой облупившуюся морскую карту.

— Отдать якорь! Убрать паруса! Гарпунеры к пушке! — торжественно гремел голос капитана.

Через несколько секунд прогрехотали два пушечных выстрела. Мобс решил, что больше не стоит переводить порох. Вполне достаточно и двух выстрелов, чтобы нагнать страху на этих темных людишек, которые, подобно воробьям, завидевшим тень ястреба, попрятались в кусты. Спустили на воду шлюпку, в нее сошел капитан с восемью матросами, вооруженными винтовками. Девятый держал в руках флаг. Захватили с собой и несколько пустых бочонков.

Пока лодка приближалась к острову, Мобс наблюдал за побережьем: не покажутся ли где-нибудь жители, о существовании которых свидетельствовали хижины и лодки на взморье. Но остров казался вымершим.

«Они впервые видят белого человека, — размышлял Мобс. — С этими обезьянами следует обращаться со всей» строгостью. Пусть уразумеют, что явилась высшая сила и могучая власть».

Когда нос лодки ткнулся в прибрежный песок, Эрик Свенсон хотел выскочить на берег и придержать лодку, пока сойдут остальные.

— Назад! Всем оставаться на своих местах! — приказал мистер Мобс. — Разве вы не знаете, кто должен первым ступить на эту неизвестную землю?

Только теперь люди осознали, что Мобс является наместником короля и главнокомандующим армии завоевателей, осуществляющей высокую историческую миссию. Покорно, обмениваясь исподтишка веселыми ухмылками, они расступились и дали капитану дорогу. С раскрасневшимся от важности лицом, добрался он до носа шлюпки и сошел на берег. С морской картой в руках, гордо откинув голову, смотрел он на пальмовые рощи, на горы и хижины, в молчании стоявшие перед своим новым повелителем.

— Подать сюда флаг! — приказал Мобс.

И когда знаменосец сошел на берег, капитан велел остальным тоже выйти из лодки, построиться и дать залп в воздух. Так ознаменовалось завоевание острова, не встретившее сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны туземцев. Однако Мобсу и этого было мало. — Вперед! — скомандовал он, становясь во главе своего героического войска,

и смело двинулся в глубь острова, чтобы подыскать наиболее подходящее место для водружения английского флага и провозглашения исторической декларации, уже складывающейся в голове Мобса. Этот героический маневр, по видимому, возымел действие на туземцев: движимые страхом и любопытством, они из своих укрытий наблюдали за действиями чужих бледнолицых людей, а когда отряд завоевателей двинулся в их сторону, старый Хитахи понял, что скрываться дальше бесполезно. Сбившись в кучу, островитяне стояли за кустами; до Мобса донесся плач детей, и он тотчас догадался, где прячутся туземцы.

Мобс приказал матросам остановиться. Завоевателей и покоренный народ Ригонды разделяла небольшая лужайка. По обе ее стороны стояли две неприятельские армии и с любопытством разглядывали друг друга. Мобс сделал несколько шагов и жестом предложил островитянам приблизиться к нему. После длительного взволнованного перешептывания и приглушенных споров от толпы островитян отделился какой-то почтенного вида старик и сделал несколько шагов по направлению к Мобсу. Это был Хитахи.

Тогда Мобс еще больше подвинулся к середине лужайки и снова замахал рукой, чтобы туземцы выходили из кустов. Наконец стали показываться другие темнокожие островитяне с простодушными лицами, объятые изумлением и робостью. Все еще мешкая, высовывались они из-за кустов, прячась друг за друга, но страх их уже стал проходить, так как пришельцы, по-видимому, не собирались делать им ничего дурного. Вскоре вокруг Хитахи уже стояла довольно большая группа наиболее уважаемых людей Ригонды. Немного поодаль, в виде живого щита, впереди женщин и детей стала цепь юношей с легкими копьями в руках.

Мобсу показалось, что наступил подходящий момент для произнесения торжественной декларации. Выйдя на середину лужайки, он подозвал к себе матроса с флагом и стал так, чтобы его одинаково хорошо могли видеть и слышать все присутствующие. Затем он с достоинством откашлялся и сказал:

— Именем его величества короля Великобритании объявляю этот остров, лично мною открытый и никому ранее не принадлежавший, собственностью и составной частью Великобритании. Это означает, что с данной минуты, вы, темнокожие скоты, являетесь собственностью короля Великобритании, подвластны его законам и находитеесь под покровительством его величества. Подтверждением этому служит сей флаг, который я прикажу установить вон там, наверху — на самой вершине горы. Будучи здесь законным наместником его величества, объявляю, что,

начиная с сегодняшнего дня, этот остров будет называться моим именем, островом Капитана Мобса, как это и будет обозначено на всех картах мира, во всех лоциях и записано во всех без исключения книгах по географии. Одновременно довожу до сведения жителей острова, что впредь, до дальнейших указаний правительства его величества, вся законная власть на острове Капитана Мобса принадлежит мне и я возлагаю на себя обязанности губернатора. Это означает, что вам надлежит слушаться меня во всем и что в моей власти судить и миловать и распоряжаться вашим имуществом и жизнью. До сих пор вы жили, как скоты, по своим обычаям и нравам; теперь вы обязаны жить так, как велят наши законы и за малейшее непослушание вы будете отвечать перед королевским судом, который я здесь представляю. Тысячелетия вы жили, не платя никаких налогов. Теперь вы должны будете платить различные подати, в вознаграждение за которые получите всевозможные блага цивилизации. Желая вам быть достойными гражданами и покорными подданными его величества. Да возгорится ярко солнце цивилизации над этой землей! «Губернатор» умолк и вытер пот.

— А теперь покажите, где тут питьевая вода, — продолжал он, когда официальная часть была закончена. Чтобы сделать понятной свою просьбу этим детям природы, познания которых в английском языке ничуть не превышали нашего знания говоров птиц, рыб и других живых тварей, Мобс знаками объяснил свое требование: сложил ладони лодочкой и изобразил, будто черпает воду, затем стал жадно лакать воображаемую жидкость.

. Ако первый догадался, чего желал чужеземец.

— Хитахи, они хотят пресной воды, — сказал юноша.

— Покажи им родник, — велел старейшина острова. Ако помахал чужеземцам рукой и через банановую рощу направился к водопаду. Несколько моряков последовали за ним. Когда пресная вода была найдена, Мобс приказал наполнить бочки и свезти их на корабль. Такие поездки пришлось повторить несколько раз, пока все бочки и цистерна не были наполнены водой. Тем временем Мобс позаботился, чтобы флаг отнесли наверх и водрузили на вершине горы. И сам он забрался на такую высоту, что мог оглядеть весь остров. Там «губернатор» набросал план острова Капитана Мобса и подсчитал, что площадь вновь открытой земли равна примерно 24 квадратным милям. Это не какой-нибудь коралловый риф среди океана и не какая-нибудь голая скала, а цветущая земля с населением более четырехсот человек. Пальмовые рощи можно значительно расширить и банановые заросли — тоже. Предприимчивые плантаторы на этом деле могут в несколько лет разбогатеть. Возможно также, что в лагуне

скрываются жемчужные раковины, о ценности которых эти чумазы простофили даже не подозревают.

«Этот идиот Першмен, в конце концов, оказал мне большую услугу, — подумал „губернатор“. — Если бы он не выпустил воду, мы не наткнулись бы на этот золотой самородок, и он еще долгие годы оставался бы неизвестным, подобно затерявшейся в навозной куче жемчужине. А теперь она в наших руках, а мы уж сумеем воспользоваться этой находкой».

Плодородная земля и даровой труд миролюбивых простаков — много ли тут ума нужно, чтобы при таких условиях разбогатеть.

И «наместник его величества» начал действовать.

4

Как и подобает высокопоставленному лицу, Мобс уселся на бочонок с водой и собрал вокруг себя всех островитян, осмелившихся приблизиться к «губернатору».

— Ну, старая обезьяна, подойди-ка поближе и слушай мой приказ, — и он знаками подозвал Хитахи. Старейшина, хотя и с опаской, но не теряя своего достоинства, остановился неподалеку от Мобса. — Мы только что завоевали этот остров. Это значит, что мы — победители, а вы — эти самые... побежденные. Что делает победитель в покоренной стране? Он требует вознаграждения. Вот и я сейчас требую, чтобы ты со своими обезьянами заплатил контрибуцию. Понимаешь?

Хитахи в смущении вертел головой. Мобс продолжал:

— Я и мои люди проголодались. Нам хочется ням-ням. Чего-нибудь хорошенького и как можно больше — одну лодку, две лодки, много-много лодок с ням-ням. Ты сейчас же сбегай в свою халупу, и пусть все твои люди бегут домой и захватят с собой самую лучшую еду и питье, ням-ням и буль-буль. Несите сюда и складывайте здесь, у моих ног. Если живо да много притащите, — я буду добрый и ласковый, а если станете медлить да скупиться, губернатор возьмет в руки палку и будет лупить черномазых скотов по спине. Понял? — Мобс причмокнул губами и облизнулся.

Хитахи наклонил голову в знак того что понимает. Он что-то сказал своим людям, те радостно и приветливо улыбнулись чужеземному повелителю. Белые люди проголодались? О, пусть они только немного обождут, у нас много хорошей пищи, рыбы, кореньев, орехов и плодов. Одни поспешили к своим хижинам, другие направились в лес и скоро возвратились со всякою снедью. Здесь были кокосовые орехи, связки

бананов, печеная в золе и вяленая на солнце рыба сосуды с вкусным напитком ава, который освежал и веселил душу. Подростки несли птичьи яйца и сладкие коренья.

Мобс приказал все сложить в лодки и доставить на корабль, за исключением напитка, выпитого тут же на берегу.

На «Сигалле» остались нести вахту лишь несколько человек — все остальные находились около своего начальника. «Наместник его величества» тянул аву, чувствуя себя все лучше и лучше. Он уже не напускал на себя важности, а улыбался, хохотал, и язык у него заплетался.

— В честь сегодняшнего дня я устраиваю праздник. Пусть веселится, пляшет и поет народ острова Капитана Мобса! Ну, в чем дело, старая обезьяна? Разве у вас на острове не на чем играть? Трам-тад-рам-тад и бум-бум! — горланил он, прихлопывая в ладоши. — Маленький Сам, Эриксон, за чем дело стало? Почему не прыгают! Плясать надо! Петь! Хватай этих черномазых коз! Все тут наше и все, что мы делаем, — хорошо!

Вскоре ригондские музыканты притащили из хижин свои барабаны, дудки и погремушки. На берегу поднялся невероятный шум. Убедившись, что белые люди не делают ничего дурного, дети природы дали волю своему ликованию.

Немного посмотрев на их пляски, «губернатор» подозвал Гопкинса и старого Хитахи и пошел осматривать, что имеется в хижинах островитян. Всюду он совал свой нос, и если видел что-либо интересное, такое, что ему нравилось или за что после можно будет выручить деньги, — он прибирал к рукам. Таким путем он прикарманил самую красивую посуду туземцев, веера и другие вещи, бывшие для иных мужчин величайшей гордостью, а для некоторых женщин единственным украшением.

— Благодарите бога, что эти безделушки доставляют мне удовольствие! — заявил Мобс островитянам. — Но если бы у вас нашлось золото и жемчуг, я бы еще больше обрадовался.

Возвратившись на берег с полной охапкой всякой всячины, Мобс приказал двум матросам отвезти вещи на судно. Затем он набил табаком свою трубку, закурил и подал ее Хитахи.

— Вот тебе подарок от твоего повелителя, учись уважать его! Сунь в рот и затянись!

Хитахи затянулся, но эта попытка окончилась довольно плачевно, так как дряхлый островитянин сейчас же поперхнулся и закашлялся. Тогда Мобс похлопал его по спине сильнее, чем следовало, и засмеялся.

Некоторые матросы начали приставать к островитянкам, те с визгом разбежались. Юноши-туземцы заволновались. Когда Гопкинс грубо схватил

Нелиму, улыбающееся лицо Ако сразу стало суровым. Он весь напрягся, словно готовый к прыжку зверь, и наблюдал, что будет дальше: позовет его Нелима на помощь или сама справится с белым мужчиной.

— Не ломайся, красотка, ты мне нравишься... — мурлыкал Гопкинс, пытаясь поцеловать девушку. — Ты должна радоваться, что белый господин хочет осчастливить тебя своею страстью.

— Ако! — раздался на берегу отчаянный крик.

В следующее мгновение будто огромная кошка вскочила на спину Гопкинса, десять сильных пальцев вцепились в вихры штурмана и стали рвать волосы. Завопив, Гопкинс выпустил девушку и навзничь рухнул на песок. Большая кошка ловко вскочила ему на грудь и вонзилась ногтями в лицо.

— Помогите! Помогите! — орал Гопкинс.

Тогда на берегу прогремел страшный грохот. Сам «губернатор» собственной персоной выстрелил в воздух из пистолета.

— Бунт? Восстание? — рычал Мобс. — К оружию, ребята! Не выпускать эту обезьяну! В шлюпку его, в шлюпку! Я покажу ему, как поднимать руку на белого человека!

Поднялась суматоха. Островитяне с криками попрятались в кусты. Два здоровенных китолова сграбастали Ако и потащили к лодке. Он извивался, как пантера, в сильных руках моряков. Тогда сзади подлетел Гопкинс и несколько раз ударил его по голове. Ако перестал сопротивляться и бессильно поник. Его рывком перебросили через борт лодки. Один из матросов взгромоздился ему на грудь, другой — на ноги.

— Только не придушите его окончательно, — наказал капитан Мобс. — У нас на корабле не хватает четырех матросов, и этот молодец как раз пригодится.

Когда лодки достигли середины лагуны, Мобс велел матросам выстрелить в воздух. Слово предупреждение и угроза возмездия, глухо прокатился залп по побережью.

— Трепещите, обезьяны! Теперь для вас начнутся новые времена! — Мобс погрозил кулаком острову.

На корабле Ако бросили в какое-то темное, вонючее помещение и заперли дверь на замок. Через несколько часов, когда прилив поднял уровень воды в лагуне, «Сигалл» поднял паруса и через расселину рифа вышел в море.

С холмов Ригонды смотрели вслед удаляющемуся кораблю объятые ужасом островитяне. Угрюмо молчал Хитахи. Ненавистью и болью пылало лицо Онеаги, его отец Оно ворчал, стараясь успокоить свою жену Тули,

громко оплакивавшую пропавшего Ако, своего взрослого, красивого сына. А когда корабль удалился уже настолько, что можно было разглядеть лишь концы мачт и верхние паруса, Нелима отделилась от толпы и взобралась на вершину самой высокой горы. Одна со своим горем, она долго-долго смотрела вслед исчезающему морскому призраку, который увозил ее любимого. Куда они его везут? Что с ним будет? Когда он вернется к своей Нелиме? Она будет ждать его... долго, долго...

Порывы ветра развевали флаг, который пришельцы занесли сюда, наверх. Когда солнце скрылось за горизонтом, молодая островитянка взяла этот хитроумный знак белого человека и снесла вниз. Островитяне собрались возле костра и смотрели, как он сгорал в пламени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В тесной каморке, где человек, стоя посередине, мог достать рукою до любой стены, царила тьма. Окна в каморке не было. Дверь плотно закрывала вход, в ней не было ни единой щелочки, сквозь которую мог бы пробиться луч света. Воздух здесь был до того спертый, что Ако сделалось дурно. С потолка капала вода. Всюду, к чему бы ни прикоснулся Ако, он нащупывал что-то склизкое и влажное, и эта невидимая жирная слизь источала зловоние.

Ако долго сидел на полу своей тюрьмы, свесив голову на грудь и обхватив руками колени. Он понемногу приходил в себя после побоев, голова больше не кружилась, только кое-где еще саднило в зашибленных местах.

«Что собираются делать с ним белые люди? Зачем его увезли с острова и держат в этой темной норе? И надолго ли его сюда засадили? Навсегда? Может быть, это подземное жилище, а эти свирепые люди — блуждающие души, вышедшие на землю посмотреть, что здесь происходит. Но почему они приехали по морю в большой лодке, зачем искали на острове пищу и питьевую воду, — разве у них там внизу ничего нет?»

Тщетно пытался Ако разгадать истинный смысл событий. Ни до чего не додумавшись, он перестал мучить свой мозг и погрузился в тупое безразличие. Физически и душевно оцепенев, ожидал он дальнейших событий.

Немного погодя Ако услышал резкое поскрипыванье, топот человеческих ног, громкие голоса. Вдруг корабль тронулся, слегка накренился набок и стал пока* чиваться. Тут Ако понял, что большая лодка вышла за пределы рифа... удаляется от острова. Уезжают, увозят его далеко-далеко от родного мира, туда, где никто не услышит его голоса и не сможет прийти на помощь. Но Ако не хотел уезжать, он желал остаться здесь вместе с Нелимой, с отцом, матерью и Онеагой.

Сознание того, что совершается недопустимое, потрясло юношу. Он вскочил и стал тревожно переминаясь с ноги на ногу. Ощупал стены, попытался плечом высадить дверь. Почему белые люди не придут и не выпустят его? Здесь темно, здесь трудно дышать, а Ако хочет двигаться,

бегать, взбираться высоко на гору и подставлять лицо солнцу и ветру. А тут нет ни солнца, ни ветра.

Выросший на воле среди людей, которые никогда не обижали друг друга, Ако не мог постичь, что значит неволя и насилие. Это приводило его в смятение, терзало, рождало инстинктивный протест. Он дрожал, словно затравленный собаками зверь, — не от страха, от негодования. И подобно молодому леопарду, которого бездушные охотники заперли в клетку, он всем своим существом рвался к свободе, простору, темная каморка представлялась живой враждебной тварью, которая держит его в своих объятиях.

Ако испустил вопль... обождал, не предпримут ли что-нибудь белые люди, потом закричал снова, два, три, много раз... Бил кулаками в стены, в дверь, колотил ногами об пол, стучал в потолок. Если у белых людей были уши, они должны были услышать неистовство Ако. Но они не обращали внимания.

Выть может, они ушли в свои подземные жилища и оставили здесь Ако одного в темноте?

Это были не стоны, не жалобный или истерический плач — нет, свободный дух властно выражал свой протест, жаждал сбросить оковы. И этот вопль протеста был столь непосредственным и диким, что белому человеку стало не по себе. Неистовство Ако хорошо было слышно на всем судне.

— Иварсен, поди-ка утихомирь его, а то сегодня ночью он не даст нам заснуть! — сказал боцману капитан Мобс.

— Совсем утихомирить? — цинично ухмыляясь, спросил Иварсен. — Это пустяковое дело, если капитану так угодно.

— Да нет же. Успокой его. Он нам еще пригодится живой.

— Без основательной дрессировки из этой скотины ничего путного не выйдет, — заметил боцман.

— Выдрессируем, — самоуверенно заявил Мобс. — Но сегодня попытайся ему втолковать, что шуметь нельзя.

— Есть, капитан! — Иварсен довольно улыбнулся. — Это я ему втолкую.

Он отыскал «корабельную кошку» и отправился в кубрик.

— Алло, ребята, кто желает принять участие в маленьком приключении? Мне поручили дать первый урок дисциплины черномазой обезьяне. Кто со мной?

Подобное происшествие сулило внести некоторое разнообразие в монотонную морскую жизнь. У Иварсена тотчас же нашлось несколько

помощников.

— Что будем делать, боцман? Пропустим под килем? — спрашивали матросы.

— Вы двое захватите по ведру да зачерпните воды. Вы станьте по обе стороны двери с цепными крюками и не давайте ему убежать. Об остальном я сам позабочусь.

Маленький Сам недовольно нахмурился и сердито сплюнул за борт.

— Нашли потеху... — проворчал он. — Все-таки живое существо... Чем он хуже нас. Животное, и то без нужды не мучат, а это ведь человек.

— А ты пойдешь в кубрик да ложись на боковую, раз у тебя такая бабья душа, — насмешливо посоветовал Иварсен. — Мы уж как-нибудь без тебя обойдемся.

Маленький Сам махнул рукой и в самом деле ушел с палубы, скрывшись в матросском кубрике. Иварсен со своими подручными приступил к делу.

Ако услышал — к его камере приближаются человеческие шаги. Он умолк и, прильнув к двери, стал ждать, когда ее откроют.

Белые перешептывались, но это была излишняя предосторожность, ведь Ако все равно не понимал ни слова. Щелкнул замок, проскрежетал засов, и дверь чуть-чуть приотворилась. Внезапно ослепленный светом, Ако на мгновение зажмурился. Не успел он открыть глаза, как в лицо ему выплеснули целое ведро соленой морской воды. Пока он отряхивался и вытирался, его окатили второй раз, потом в каморку вскочил Иварсен и принялся обрабатывать Ако «корабельной кошкой». У приотворенной двери стояли матросы с цепными крюками в руках.

— Учись уважать волю своего властелина! — задыхаясь орал Иварсен, со злорадством взмахивая узловатой плетью и норовя стегать Ако по голове и плечам. — Я вышибу из тебя твой темный дикарский дух, твою обезьянью тупость и собачье бесстыдство! Я тут — все, ты — ничто. Отец и мать, бог и хозяин над твоим телом и душой. Благодарю всевышнего, что я еще так вожусь с тобой. Еще ведро воды на его бестолковую башку, ребята.

Иварсен посторонился, и один из матросов плеснул в лицо Ако струей воды. Потом боцман еще раз огрел Ако плетью и, выкатив глаза, заорал не своим голосом:

— А теперь цыц! Сиди в углу и нишкни! Вот так! — Он закрыл себе ладонью рот. — А если пикнешь, я опять приду и угощу вот этим...

Широко раскрытыми глазами глядел Ако на этих двуногих призраков, которые толпились у двери, корчась от смеха. Они хохотали, они

забавлялись, только один был угрюм и враждебен — тот, который бил. Ако знал, что он так же кровожаден и лют, как акула, которая порой нападает на человека в лагуне. Когда акула делает это, островитяне берутся за ножи и преследуют хищника до тех пор, пока не прикончат его, ибо мерзкой твари нет места ни в воде, ни на земле. Этому двуногому тоже не должно быть места на земле, его надо уничтожить так же, как акулу, но сейчас Ако не мог этого сделать. Морской хищник обычно нападает в одиночку, а островитян против него — целая уйма, тут же Ако один против многих хищников. И у него нет ножа.

Дверь каморки снова закрылась. Зубоскаля, разбрелась орава матросов. Ако остался в темноте. Он не чувствовал боли в плечах и спине, не замечал, что кровь течет по лицу. Свободный сын Ригонды понял, что он уже больше не свободен, что эти чужеземцы — его враги, лютые и свирепые существа, которые хотят причинить зло ему и его племени. Это страшная мысль заставила его забыть все остальное.

2

Ако больше не шумел, ибо знал, что тогда его опять будут бить. Если бы он выпался в прошлую ночь, то сегодня вряд ли ему удалось бы сомкнуть глаза.

Тишина на палубе говорила о том, что солнце зашло и люди на корабле легли спать. Ако сидел в углу каморки и думал о родном острове, о великой тревоге, с какой племя теперь обсуждало его судьбу. Нелима... нет, об этом лучше вовсе не думать, а то ему хотелось снова вскочить, колотить ногами в стены своей клетки, кричать и неистовствовать. А этого делать нельзя, иначе ему будет плохо. Ако стал думать о другом. Они, верно, уже заехали за край света и находятся теперь там. Его окружал таинственный мир чудес, полный неведомых страхов и прелести новизны.

По временам Ако удавалось задремать, но в следующее же мгновение боль в плечах заставляла его проснуться. С потолка на него капала слизь, она стекала по ранам, то успокаивая, то причиняя еще более острую боль.

Так прошла ночь. Потом на палубе опять раздались шаги, слышались голоса чужеземцев, перебранка, грубый смех. Корабль слегка покачивало на волнах.

Кто-то, словно предупреждая, постучал в дверь каморку Ако. Щелкнул замок, лязгнул засов. Яркие лучи залили каморку, и Ако должен был на мгновение закрыть глаза, чтобы привыкнуть к внезапно ворвавшемуся

свету.

Тот же самый мужчина, что вчера избивал Ако узловатой плетью, стоял в дверях и заспанными глазами рассматривал пленника. Сегодня у него в руках не было плети, и он не казался таким свирепым, как вчера. С минуту понаблюдав за островитянином, он поманил рукой Ако, приглашая его выйти из каморки.

— Ну, иди, иди — да раскачивайся поживее! — зарычал он, когда Ако все еще медлил последовать его приглашению. — Что белый человек прикажет, то ты и должен делать. Белый человек всегда добьется своего.

И чтобы доказать, что он не замышляет против узника ничего плохого, боцман настежь распахнул дверь и отступил на несколько шагов назад. Тогда Ако поднялся на ноги и, словно затравленный дикий зверь, нюхая воздух, озираясь по сторонам, медленно подошел к двери. Канатный ящик, где он сидел, находился под полубаком. Из двери вел узкий полутемный проход. Свет проникал через открытый на верхней палубе люк, откуда спускался вниз узкий крутой трап. Боцман указал Ако на трап и ободряюще покивал головой.

— Ступай наверх да не упрямясь. Первый припадок дури у тебя уже прошел. Теперь будем делать из тебя человека.

Упругими, кошачьими шагами добежал Ако до трапа и взбежал наверх. Просунув голову в отверстие люка, он еще немного помедлил, недоверчиво осмотрелся кругом и только после этого вылез. Тут и там неподалеку от Ако стояли белые люди. Попыхивая трубками, они спокойно и сдержанно смотрели на островитянина. Капитан приказал не делать ничего такого, что могло бы без надобности потревожить пленника. Взор Ако тотчас же скользнул по морю, отыскивая на горизонте очертания берегов Ригонды, пироги островитян. Но он ничего не увидел. Вокруг корабля расстилался океан, волнистая водная ширь да синее небо. Так было там, где занималось утро, так было со всех сторон.

Первой мыслью Ако было бежать, броситься в море и уплыть. Если бы он заметил на горизонте хотя бы малейшие признаки берега, ничто не удержало бы его на палубе — теперь, когда ему была возвращена свобода движений. Но белые люди, видимо, знали, что делают, разве иначе они выпустили бы Ако из темницы. Может быть, они именно того и хотели, чтобы Ако прыгнул в море, — тогда бы он погиб. Они позволили ему дойти до борта и оглядеть морской простор. Они ничего не сказали, когда Ако, не найдя на горизонте того, что искал, перешел к другому борту. Они только посмеивались, когда юноша взобрался на ванты мачты и продолжал оттуда разглядывать море. Все это время Ако жадно вдыхал свежий, чистый

воздух. Словно живительную влагу, впитывало все его существо дыхание простора. В ноздри ударил необычный, бередящий запах жареного мяса и кофе. Ако нюхал воздух и бессознательно облизывал губы, почувствовав голод. Так как белые люди по-прежнему не выказывали намерения его трогать, он спустился на палубу и, следуя в направлении ароматной струи воздуха, крадучись, двинулся к середине корабля. В этот момент он напоминал кошку, привезенную в чужой дом и впервые выпущенную на свободу. Все окружающее было ему чуждо и, казалось, таило угрозу; он рассматривал все с подозрительностью и с опаской. И так же, как животному на новом месте дают успокоиться, оберегая от всяких волнений, так и экипаж «Сигалла» избегал приближаться к Ако и не делал ничего такого, чего тот не мог бы понять.

Так Ако дошел до камбуза. В раскрытую дверь он увидел полуобнаженного белого человека, который возился с посудой. Посуда эта была расставлена над огнем, заключенным в невиданную черную клетку. На сковородке, шипя в сале, жарилось мясо.

— Дай ему чего-нибудь поесть, — крикнул коку капитан Мобс с мостика.

Полуголый белый человек отер волосатой рукой пот со лба и подцепил на вилку ломоть жареного мяса. Он откусил мяса, потом хлеба и, глядя на Ако, принялся жевать с видимым удовольствием. Ако жадно облизал губы. Тогда кок протянул Ако вкусную пищу и, улыбаясь, знаками предложил парню взять ее. Немного тюмедлив, Ако сделал несколько шагов по направлению к двери камбуза и остановился на почтительном расстоянии. Белый человек продолжал улыбаться. Видя, что Ако все еще колеблется, он еще раз откусил порядочный кусок мяса и, облизываясь, съел его. Тогда Ако несмело протянул руку, схватил мясо и хлеб и поспешно отскочил назад к борту.

— Животное остается животным, — пробурчал Мобс, издали наблюдая за поведением островитянина. — Пообнюхай все да отведай нашего добра. Небось, весь век из-за тебя не станем ходить на цыпочках.

Ако и в самом деле обнюхал съестное и начал быстро и с жадностью глотать. Еда понравилась ему, она была сытная и вкусная. Когда от куска мяса и ломтя хлеба ничего не осталось, Ако посмотрел на повара и впервые улыбнулся.

— Ага, понравилось, — усмехнулся кок. — Тогда мы тебя в два счета приручим. Гнать будут — не захочешь уходить. На вот, возьми еще. — Он дал Ако еще кусок мяса и ломоть хлеба. На этот раз парень гораздо смелее приблизился к камбузу. Взяв пищу, он спокойно уселся на планшир и не

спеша съел все.

Под конец повар дал ему кружку остывшего кофе со сгущенным молоком. Этот напиток не был так хорош, как кокосовое молоко или ава, но все-таки довольно сладок и вполне терпим.

Пока люди на корабле завтракали, никто не препятствовал Ако бродить одному по палубе, куда ему вздумается. Он увидел много нового и интересного. У рогатого колеса на корме корабля стоял человек и время от времени поворачивал его. И каждый раз корабль немного поворачивался — у того человека, вероятно, была огромная сила в руках, раз он мог это делать.

Повелитель белых людей сегодня одет был иначе, чем вчера. На нем больше не было ни шапки с блестящим, солнечного цвета козырьком, ни одежды с блестящими полосками на обшлагах. Он был в белых измятых штанах и полосатой рубашке, через вырез которой виднелась волосатая грудь. Голова его — покрыта белой широкополой шляпой, и вообще он выглядел гораздо неряшливее и проще, чем на острове, но когда он говорил, все белые люди почтительно слушали его и тотчас же принимались что-нибудь делать.

Тут Ако заметил, что повелитель корабля что-то говорит человеку, который вчера приходил с плетью, и указывает на Ако. Тот сейчас же приблизился к нему и знаками пригласил следовать за собой на корму.

— Довольно ты пользовался нашим гостеприимством. Пора и учиться работать.

Он взял привязанное к веревке ведро, забросил его в море и зачерпнул воды, потом выплеснул содержимое ведра на палубу. Затем взял сделанную из обрезков веревок швабру и стал с силой тереть ею палубу в том месте, куда была вылита вода.

— Вот так, ленивая скотина. Заруби себе на носу, как я действую, и делай то же самое.

Боцман передал Ако швабру и стал понукать его приняться за работу. Ако попробовал. Вначале дело не шло, и Иварсену пришлось еще раз показать, как надо держать швабру, как драить и как после этого снова набрать воды и окатывать палубу. Как все дети природы, Ако был одарен способностью подражания в физическом труде. Убедившись, что дело более или менее налаживается, боцман одобрительно кивнул головой и показал Ако площадь, которая должна быть вымыта.

— Одно ведро тут, другое там, драить и окатывать, пока не будет чисто.

Все было бы хорошо, если бы Ако не надоела эта работа. Не столько

из-за усталости, сколько из-за однообразия движений он вскоре потерял интерес к своему занятию и забросил дело. Тогда Иварсен залез в свою каюту и вернулся оттуда со вчерашней плетью. Ако тут же бросил швабру и хотел взобраться на мачту, но его противники уже предугадали этот маневр и преградили парню дорогу. Те же самые хохочущие люди, что и вчера, стояли полукругом вокруг Ако и грозили кулаками. Иварсен, показывая на швабру, что-то сердито говорил. И так как Ако все еще мешкал, он подбежал к нему и полоснул его плетью по ногам.

«Надо делать все, что велит белый человек. За послушание он бьет».

Весь день Ако работал. Драил палубу, мыл гальюн, черпал из цистерны воду и относил ее коку в камбуз. За это ему еще два раза давали есть — жареную рыбу и какую-то мутную жидкость, которую белые люди хлебали маленькими черпаками. Эта жидкость Ако не понравилась. Он отхлебнул только один глоток, но и тот сейчас же выплюнул на палубу. Увидев это, Иварсен грозно заорал на него, велел Ако набрать воды и вымыть палубу в этом месте.

Белые люди работали мало. Один Ако трудился целый день. Вечером его опять заперли. А чтобы ему не пришлось спать на мокром полу, Иварсен швырнул ему в каморку кусок старого брезента.

У капитана Мобса были свои виды на Ако, только из этих соображений он и не позволил Иварсену «совсем утихомирить» темнокожего сына природы. Во-первых, экипаж корабля потерял четырех человек, и пара сильных рук, когда начнется охота на китов, будет на вес золота. Во-вторых, — и это было главной причиной, почему Мобс хотел живым доставить островитянина в гавань, — весть об открытии новой земли вызовет сенсацию, в газетах будут печатать большие статьи, интервью с капитаном, фотографии и бог знает еще что. Вот тогда Ако и должен послужить вещественным доказательством, удостоверяющим приоритет открытия острова. Охотнее всего Мобс сейчас же повернул бы корабль к берегам Новой Зеландии и махнул бы рукой на такие пустяки, как несколько сот бочек ворвани. Новый остров стоил куда дороже десятка таких «Сигаллов» с полным грузом. Но корабль, к сожалению, принадлежал не одному Мобсу, он был лишь совладельцем с весьма небольшим паем, — другие партнеры могли поднять шумиху из-за его самовольного возвращения в гавань.

«Сигалл» продолжал обратный путь — к тем местам, где были замечены киты.

На другой день плена Ако стали обучать морскому делу: обращению с парусами, вязанию различных морских узлов и прочим вещам, которые впредь должны были стать обязанностью Ако. Чтобы учение шло успешнее, Иварсен и Гопкинс постоянно держали под рукой плеть и время от времени, принципа ради, пускали ее в ход, напоминая островитянину о силе белого человека. Главной задачей было — внушить Ако убеждение, что он телом и душой принадлежит своему повелителю, белому человеку, и ничего не смеет ни делать, ни желать против воли этого повелителя. Все, что бы белые люди ни сделали темнокожему, правильно и законно, ибо они сильнее, хитрее и предприимчивее во всех отношениях. Им не возбраняется бить Ако, но если он осмелится поступить так же с кем-нибудь из них, — они могут убить его и выбросить в море. Это Гопкинс объяснил ему знаками весьма недвусмысленно. Вся жизнь Ако зависела от того, насколько хорошо и безропотно он будет исполнять волю белого человека. Он — низшее существо, неполноценное создание по сравнению с божеством. Малейшее сопротивление законам этого божества является злом, грехом, безумием, которое влечет за собой немедленное наказание. В этом Ако скоро убедился.

Он не понимал языка белых людей, но чутьем иной раз угадывал их мысли. Во время обеда один матрос, желая подшутить над Ако, дал ему кусочек мыла и показал — съешь. Ако благодарно улыбнулся матросу и откусил мыло. Лицо его тотчас же сморщилось от отвращения, он поспешил к борту и выплюнул тошнотворный кусок в море: то, что на палубу плевать нельзя, он уже усвоил. Матросы хохотали до слез, но тот, кто дал ему мыло, притворился разгневанным и настаивал, чтобы Ако съел все мыло.

Лицо островитянина помрачнело. Он понял, что эти люди издеваются над ним, унижают его, заставляют делать нелепости. Мгновенно и непреодолимо всколыхнулось в сыне природы чувство собственного достоинства. Глаза загорелись, зубы крепко сжались, и весь он напрягся, словно готовый к прыжку. Ако заупрямился и не повинился. Штурман Гопкинс, на лице которого еще не исчезли следы от ногтей Ако, издали внимательно следил за происходящим.

— Ешь! — крикнул матрос.

Ако отрицательно покачал головой. От его свирепого, дикого взгляда матросу стало не по себе. Но что этот дикарь мог ему сделать!

— Ах так, ты отказываешься подчиняться? — матрос угрожающе

повысил голос. — Ладно, это мы мигом вышибем из тебя.

Не спуская глаз с Ако, он попятился к борту, взял канат, сложил его петлей и направился к парню.

— Ешь! — еще раз приказал он.

В следующее мгновение кусок мыла полетел в матроса, а когда тот замахнулся канатом, локти Ако сами собой чуть подались назад, распяленные пальцы скрючились, словно когти ястреба. Он угрожал белому человеку, активно защищался! Тут уж никто из белых не думал смеяться. Угрюмыми и злыми сделались лица матросов, со всех сторон слышались угрозы. Ако услышал за спиной у себя торопливые шаги, но прежде чем он успел обернуться и защититься от внезапного нападения, узловатая корабельная плетель уже заплескала по его спине. Гопкинс стегал столь рьяно, будто ему за это платили. Тщетно увертывался Ако, прыгал по палубе и закрывал голову локтями, — путь к борту и вантам был отрезан; даже броситься в море эти люди не давали ему.

У Гопкинса была причина стараться. Личная обида в данном случае усугублялась оскорблением всей его расы; престиж всех белых людей в этот момент взывал о возмездии. Гопкинс хлестал Ако до тех пор, пока тот не сник. Физически-то белый человек добился победы, сопротивление было сломлено, но белому человеку этого было мало. Эту тварь надо было победить и морально. Хотя сам по себе факт — есть или не есть мыло — был сущим пустяком и даже не вязался с обычаями цивилизованных людей, но от этого пустяка зависела теперь честь белой расы.

Гопкинс придвинул ногою упавший кусок мыла к лицу Ако.

— Ешь! — знаками приказал он и, чтобы дать понять островитянину, что невыполнение приказа грозит ему неминуемой гибелью, велел маленькому Саму принести из корабельной кузницы кузнечный молот.

Еще несколько секунд продолжалась тяжелая борьба в душе Ако — инстинкт самосохранения боролся с чувством собственного достоинства. Эта дилемма была слишком проста, чтобы Ако, дитя природы, которому чужды утонченные понятия высокой морали, еще сомневался. Кусок мыла, конечно, отвратителен, еще отвратительнее принять унижение, но если такой ценой можно купить жизнь, то цена эта не слишком высока. Если Ако даст им убить себя, то никто не узнает, какую обиду ему нанесли, и никто никогда не отомстит за него. Если же он останется в живых, то может настать день, когда этот же самый белый человек станет есть то, чего не едят люди. Словно проблески зари далекого, жуткого и неизвестного мира, зарождались в сердце Ако представления о ненависти и мести.

Он подавил отвращение и съел мыло. Тогда белые люди успокоились.

Престиж расы был спасен. Им казалось, что они окончательно сломили сопротивление островитянина, что он подчинился и признал законность их силы. Но в этом обычно ошибаются все тираны: внешняя покорность еще не означает признания тирании. Чтобы спасти свою жизнь, человек вынужден иногда лицемерить и лгать.

Только наивный глупец понимает эту мудрость борьбы как признание несправедливости.

Ако покорился, делал все, что его заставляли, но сохранил нетронутой свою гордую, жаждущую свободы душу.

— Он теперь укрощен, — говорили на корабле. — Теперь его можно и к делу приставить.

Они принесли Ако истлевшие лохмотья, которые по недоразумению еще назывались одеждой. Но и это тряпье — истасканные парусиновые штаны и дырявая тельняшка — не могли обезобразить великолепного сложения темнокожего Аполлона.

Уверившись в том, что Ако свыкся с новыми для него условиями жизни, его повелители проявили к нему первые знаки любезности — разрешили ему, и на ночь оставаться на палубе. Ако мог спать за камбузом, в защищенном от ветра месте, которое было хорошо видно с капитанского мостика.

Первая ночь, проведенная им на палубе, и звездное небо пробудили в Ако неизбывную тоску по дому. Завезенный далеко в чужие водные пустыни, он уже знал, что и за краем света по ночам сияют те же самые звезды, что видны на небе Ригонды. Стало быть, не так уж далеко он отъехал. Мир, как видно, не так уж велик. Сознание, что тут же поблизости, за линией, где море сливается с небром, находится родина со всеми дорогими ему людьми, вольной жизнью, повергло юношу в безысходную тоску. В первую же ночь он пытался бежать, но вахтенный матрос застиг его в тот момент, когда Ако хотел спустить в море самую маленькую корабельную шлюпку. Штурман Гопкинс как следует проучил беглеца и в наказание снова заточил его в канатный ящик под полубаком.

На другой день Ако не получил еды. На следующую ночь его оставили на палубе, но велели спать на капитанском мостике, неподалеку от рулевого. Стоило ему пошевелиться или попытаться встать, как грозный окрик матроса заставлял его замереть на месте.

Нельзя сказать, чтобы весь экипаж «Сигалла» относился к Ако враждебно и жестоко. Островитянин скоро почувствовал, что кок относится к нему довольно снисходительно. В Маленьком Саме он совершенно правильно угадал своего доброжелателя, особенно после того, как в одну из

ночей Сам просидел рядом с ним на палубе «Сигалла» пару часов и все время что-то пытался объяснить Ако. Из отдельных уже усвоенных английских слов, жестов и гримас Маленького Сама Ако понял, что тот рассказывает ему о своем племени и о жизни этого племени. Он понял, что все, что можно было наблюдать на палубе «Сигалла», — всего лишь одна сторона жизни белых людей, что в их жизни есть еще много другого, хорошего, и что среди белых есть много добрых людей, которых Ако нечего бояться.

В лице Маленького Сама Ако нашел ту моральную опору, без которой жизнь на «Сигалле» была бы слишком страшной и беспросветной. И, может быть, только благодаря тому, что на палубе китобойного судна был этот маленький, ничем не примечательный представитель белой расы, в сознании Ако в самом начале его знакомства с белыми людьми не укоренилось превратное, уродливое представление о всей белой расе.

Ако притворился, будто отбросил всякую мысль о бегстве. Он работал, выучил несколько слов на языке белых людей, вел себя очень смирно, но всегда держался настороженно с людьми на корабле. Он не доверял им ни в чем, так как знал, что они коварны и враждебны ему. Как зверь, не знающий природы человека, сначала он смело приблизился к людям, как к дружественным существам. Но теперь они его уж ничем не заманят.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

На двенадцатое утро после отплытия с Ригонды на пути «Сигалла» показались жировые полосы, которые оставили кочевавшие здесь кашалоты. Судя по обилию полос, где-то поблизости должна была находиться порядочная стая животных. Маленький Сам, самый остроглазый из всех, забрался в бочку на фок—мачте и часами смотрел на море. Около полудня он заметил несколько фонтанов милях в четырех к северу от корабля. «Сигалл» сейчас же переменял курс и стал плавной дугою заходить кашалотам наперерез. На палубе все было приготовлено для охоты. Самый лучший гарпунер, боцман Иварсен, стоял у гарпунной пушки на палубе. У некоторых матросов в руках были ружья, заряженные разрывными пулями. Остальные возились у лодок, приводили в порядок стеллажи и котлы для вытапливания жира. Праздное путешествие окончилось; все знали, что теперь начнутся тяжелые трудовые дни.

Ако первый раз в жизни увидел этих гигантских животных. Некоторые старые самцы держались в воде стоймя и предоставляли морским волнам покачивать свои мощные тела, напоминая глазу европейца огромные бутылки, а в сознании Ако вызвавшие несколько своеобразное сравнение: ему казалось, что по поверхности воды плывут громадные живые хижины, целый поселок.

— Тебе надо много работать, всем работать, день и ночь, — пояснил Иварсен. Ако уже начал кое-что понимать в речи белых людей. Он знал, как называется хлеб, вода, паруса, лодка, корабль, рука, нога, швабра и другие простые вещи. Легче всего ему давались те понятия, которые на родном языке Ако не имели своих обозначений, а на корабле и в обиходе белых людей встречались в великом множестве. Мозг этого одаренного сына природы можно было сравнить с просторной житницей со множеством закромов, не заполненных еще и до половины, поэтому он легко вбирал в себя потоки впечатлений и понятий. Если бы команда «Сигалла» проявила желание заняться воспитанием Ако, она, вероятно, вскоре имела бы основание гордиться результатами своих трудов. Но мы уже знаем, какого сорта людей представляла собой эта сборная орава охотников и каких методов они придерживались в своей цивилизаторской деятельности.

...Два месяца продолжался адский, нечеловеческий труд, когда приходилось забыть об отдыхе и нормальном сне. Если измученные матросы валились с ног, капитан Мобс поддерживал их энергию с помощью алкоголя. По уши забрызганные кровью, жиром и ворванью, они брали своими смердящими руками посудину с зельем, пропускали глоток огненной влаги и продолжали свой рабский труд. Особенно понукать их Мобсу и Гопкинсу не было надобности. Ведь у них аккордная работа — чем скорее наберут полный груз, тем скорее попадут на берег, а заработок будет одинаков, независимо от того, сколько времени они провели на промысле. Нет, понукать их вовсе не приходилось, но если бы Мобс не делал этого, он не был бы Мобсом. Поэтому целыми днями гремел его голос то на палубе, то в трюмах, он бранился и бесновался, как разгневанный пророк, для острастки бил нерасторопного по уху, а иногда даже угрожал револьвером.

Нелегко было набрать полный груз. Иногда приходилось кружить по нескольку дней, пока удавалось забить какого-нибудь самца, а потом — снова рыскать по морю в лоисках нового экземпляра.

Выстрелом из пушки загнав гарпун в тело кашалота, охотники давали животному немного побуйствовать и обессилеть, потом подтягивали его поближе к судну и приканчивали парой разрывных снарядов, целясь ими в легкие кашалота. Убитого кита прочной цепью привязывали к борту корабля, потом спускали стеллажи, на которые сходили матросы, срезающие жир. К плавникам кита прикрепляли канат и с помощью лебедки отделяли от тела животного пласты жира толщиной в полтора метра. В то же самое время на крепком конце к голове кашалота спускали матроса. Он отрубал топором нижнюю челюсть животного, которую затем поднимали на палубу, чтобы добыть так называемую рыбку кость с красивыми зубами. Громадную голову кашалота, предварительно разрубленную на две части, тоже поднимали на палубу, здесь из нее извлекали китовый жир. Разделка пригодных частей тела кашалота продолжалась несколько часов, после чего развязывали цепь и бесформенную тушу бросали в море.

Судовая лебедка опускала огромные пласты жира в трюм корабля, где их разделявали на продолговатые куски, потом их опять выбрасывали на палубу и надрезали. Теперь можно было закладывать куски в котлы и вытапливать жир.

Котлы находились внизу, под верхней палубой. Дровами обычно вытапливали только первую закладку, а потом огонь поддерживали обезжиренными шкварками. Полученную ворвань остужали и сливали в

бочки. Из одного кашалота выходило от сорока до ста бочек ворвани, в зависимости от размеров животного, не считая китового жира и амбры.

В промысловые дни на корабле была такая грязь, стоял такой смрад, что у людей спирало дыхание. Матросы работали полуголыми, а капитан Мобс благодарил бога за тихую погоду, позволявшую вести работу непрерывно. Бочка за бочкой наполнялась драгоценной жидкостью, они выстраивались тесными рядами в трюме, и когда один ряд был закончен, начинал заполняться другой. Корпус «Сигалла» оседал все глубже, а мягкий пассат колыхал на океанских волнах останки убитых великанов, вокруг которых толпились глубинные хищники, деля между собой то, что для людей оказалось негодным.

Истекавшие потом, заляпанные жиром матросы скрашивали часы работы всяческими рассказами, связанные с их теперешним занятием. Главным героем этих рассказов, был кашалот, легендарный колосс, который, разъярившись, мог потопить даже корабль. Эрик Свенсон говорил, что в молодости знал одного старого китобоя, который своими глазами видел знаменитого «кусаку» — новозеландского Тома. О новозеландском*» Томе слагались песни и легенды. Этого лихого кашалота никто не мог поймать. Его спина была утыкана гарпунами и напоминала спину ежа. Однажды несколько судов общими силами пытались его одолеть, но он в мгновение ока разбил и разнес в щепки девять лодок, убил четырех человек, а остальных обратил в бегство.

...Наконец работа была окончена. С полным грузом «Сигалл» пустился в обратный путь. Матросы основательно надраили палубу, выстирали одежду и почистились. Охотники завалились на койки и стали отсыпаться, а капитан Мобс, забравшись в свою каюту, заранее подсчитывал барыши. Доля трех погибших матросов достанется ему, а что касается исчезновения молодого Першмена, судовой журнал даст исчерпывающие объяснения тем, кого это заинтересует. Пусть лунатики не ходят в плаванье... Итак, все в порядке.

Ако радовался. К нему вернулась прежняя беспечность и, подобно резвому мальчугану, с веселой улыбкой на лице, проводил он день за днем. Работа, которую ему поручали, конечно, не стала ни легче, ни интереснее, но теперь Ако выполнял ее охотно: белый повелитель, которому повиновалась вся команда, сказал, что они возвращаются домой, — если

Ако будет хорошо работать и слушаться, то они по пути завернут на Ригонду и высадят его на берег, но если он опять заерепенится, как в начале плавания, тогда они увезут его с собой на чужую землю. Нет, Ако больше не манили никакие чужие земли, он уже хлебнул горя и хотел попасть обратно на свой родной остров, где никто его не бил, не ругал и не заставлял делать неприятное. Поэтому он изо всех сил старался угодить своим повелителям.

— У этой обезьяны все же есть голова на плечах, — заметил однажды нехотя Гопкинс. — Со всякими людьми приходилось плавать, да и выдрессировал я не одну дюжину молодых матросов, но никто из них так быстро не схватывал нужных приемов и не усваивал наших премудростей, как этот. Посмотрите, как он вяжет якорный узел, будто паяет. Сдается мне, что у него уже есть определенное понятие о назначении каждого паруса. Если бы такой детина понимал человеческий язык да имел бы белую кожу, из него нетрудно было бы сделать первостатейного боцмана.

— Скот остается скотом, — пробурчал капитан Мобс. — То, что вы видите, всего только обезьянье подражание — это он умеет. Не пытайтесь найти в его поступках какого-нибудь смысла, представления о существе дела. Тогда, выходит, и попугай понимает, что говорит, когда он повторяет человеческие слова. То, что вы принимаете за его разум, всего только инстинкт, чутье животного. Сотни, а может быть и тысячи лет его предки жили в том узком мире понятий и представлений, где даже не подозревают о существовании самых простых вещей. Эта врожденная узость сознания по наследству переходит из поколения в поколение, определяя строение мозга грядущих поколений. И его мозг, конечно, не может отличаться от мозга своих предшественников, хотя бы в чисто физическом отношении. Но если кладовая его мудрости столь мизерных размеров, куда же ему девать все новые понятия, которые больше не помещаются в закромах его ума? В настоящее время там еще есть немного места, поэтому он кое-что еще может усвоить. Когда все закоулки мозга будут заполнены, вы и силою не впихнете туда ничего нового.

Ако ничего не знал об этих философских беседах относительно его особы, но если бы и знал, то ничуть не обиделся бы на скептическое заключение капитана Мобса. Белые люди могли думать о нем, что угодно, хорошее или дурное — у него тоже было свое мнение о них, свое заключение, настолько дурное, что его нельзя было высказывать другим. А то белые люди разгневаются и изобьют его плетью. Мало приятного, когда тебя бьют, поэтому лучше молчать и притворяться, будто ты думаешь то, что приятно другим. Инстинкт самосохранения научил Ако хитрости.

Неужели белые действительно думают, что ему по душе эта тяжелая, однообразная работа, которую он выполняет так прилежно? Нет, он хочет только вернуться обратно на свой остров, поэтому и обманывает белых. О, они просто несусветные глупцы, если верят в покорность Акогв его кротость и прилежание. Если хочешь изловить живую птицу, к ней нельзя приближаться с шумом и напрямик, — надо подкрадываться тише дуновения ветра, ползти по земле, прячась под банановыми листьями, иначе птица разгадает твой замысел и, взмахнув крыльями, улетит. Такой же пугливой птицей были и белые люди. Ако делал все, чтобы не спугнуть ее, пока не подберется вплотную и не схватит. Там, в лагуне Ригонды, он больше не станет скрывать своих мыслей и намерений. Не может же быть, чтобы белые люди вовсе не сошли на берег. А тогда уж Ако позаботится, чтобы они не смогли уехать, чтобы ни один белый не вернулся на Чужую землю и не рассказал бы другим белым, где находится счастливая земля Ригонда. Только тогда племя Ако обретет мир и свободу от этих злобных чужеземцев.

Время от времени он взбирался на мачту и смотрел на горизонт. Там ничего не было видно.

— Скоро мы будем дома? — спрашивал Ако моряков.

— Скоро, — отвечали те, ухмыляясь. — Потерпи еще пару дней, и увидишь берега своего острова.

Ако терпеливо ждал. Однажды утром он завидел вдали верхушки пальм, но корабль прошел мимо, и все вели себя так, будто никаких пальм и не было. Тогда Ако спросил, почему белые люди не поворачивают корабль к берегу.

— Это не твой остров, — отвечали ему. — Ты не здесь жил.

— А теперь будет мой остров? — спросил Ако.

— Ага, теперь твой. Мимо не пройдем.

В море стали попадаться другие корабли, и больше и меньше «Сигалла», но они, казалось, не замечали друг друга, и каждый шел своею дорогой. На некоторых было по три мачты с парусами, у других только одна короткая толстая мачта, которая дымила, будто ее жгли. У таких кораблей вовсе не было парусов, и Ако не мог понять, каким образом они двигались вперед.

И вот однажды утром можно было наблюдать небывалую суету в матросском кубрике. Матросы острыми ножами скребли себе щеки, споласкивали водой лица и стригли друг другу волосы. Белый повелитель облачился в парадную одежду, в которой он сходил на берег Ригонды. Гопкинс дал Ако новые белые брюки с рубашкой и велел ему приодеться.

— Сейчас будем дома.

Через некоторое время на горизонте показались вершины прибрежных гор с такими очертаниями, каких не было у гор Ригонды. И чем ближе судно подходило к земле, тем дальше темнели берега справа и слева от границы неба и моря.

— Это не мой остров, — сказал обманутый в своих надеждах Ако повару.

— Нет, Ако, это Чужая земля, ты ее еще никогда не видел, — объяснил кок. — Она больше и красивее твоего острова. Здесь хорошо жить.

— Но ведь белый повелитель сказал, что мы поплывем на мой остров... — проговорил сбитый с толку Ако.

— У него не было времени.. Сперва надо выгрузить на Чужой земле всю добычу, потом мы отвезем тебя домой.

— Когда это будет?

— Скоро, может быть даже завтра. Ты потерпи еще немножко.

— А может белый повелитель обещать то, чего не сделает?

— Иногда он не делает того, что обещает.

— Значит, ему нельзя верить?

— Что ты тут разболтался, — озлился кок. — Убирайся вон и займись делом.

Теперь Ако понял — белые люди его обманули. Они вовсе и не думали отвозить Ако домой, а увезли с собой на Чужую землю. Должно быть, у них есть какие-то планы насчет Ако: если белый человек лжет и прикидывается добрым, значит, он собирается причинить зло.

Мрачные предчувствия охватили Ако. Угроза чудилась ему в чужих берегах, все явственнее и ближе открывавшихся взору. Подобно враждебным призракам, кишело в море множество кораблей. Беду предвещали незнакомые шумы, доносившиеся до Ако с земли.

Но как и в тот раз, когда в лагуне показался этот чужой корабль, — взволнованный и влекомый невыразимым любопытством, Ако не мог оторвать глаз от того чуда, к которому они теперь приближались. Словно зачарованный, стоял он на палубе и глядел на сказочную явь. Этой сказкой была гавань, полная кораблей, лодок и людей. Вокруг тихого залива возвышались огромные жилища, а по берегу передвигались удивительные невиданные существа. Все это грохотало, ревело и завывало, внушая страх и удивление темнокожему островитянину.

«Иногда он не делает того, что обещает...» — у Ако не выходили из головы эти слова кока. Однако пусть читатель не думает, что Ако уяснил эту истину только из слов повара, — таких обширных познаний в языке белых людей у него еще не было. Мимика и выразительные жесты по-прежнему дополняли каждый его разговор с моряками, помогало ему и чутье. «Если повелитель корабля не делает того, что обещает, то ему нельзя верить», — размышлял Ако, наблюдая окружающее, непривычный вид которого привел его в такое смятение. Ведь Мобс не отвез Ако обратно на Ригонду, а взял с собою на Чужую землю. Почему капитан обманывал? Только потому, что он боится вернуться на Ригонду. Если бы Ако рассказал Хитахи и другим островитянам, как злы белые люди, они взяли бы за копья и камни и истребили бы своих врагов. Корабль тогда не ушел бы в море и никто бы из белых людей не спасся. Капитан не хотел, чтобы Ако рассказал своему племени, как с ним обращались на корабле, поэтому и привез его сюда и никогда больше не пустит обратно. Никогда? Если Ако покорится, не сумеет перехитрить их всех, тогда конечно. Но Ако горячо желал попасть домой, его там ждала Нелима, он не позволит еще раз провести себя.

На рейде «Сигалла» ожидал буксир с лоцманом на борту, таможенными чиновниками и непосредственным начальником капитана Мобса мистером Мелвилем — владельцем нескольких китобойных судов и самым крупным совладельцем «Сигалла». Улучив удобный момент, Мобс шепнул шефу о замечательном открытии, сделанном им на краю океана.

— Цветущий остров... плодородие... горы... совершенно первобытные люди. Возможно, что в лагуне есть жемчуг, а в горах и другие богатства. Я уже подготовил пространное сообщение для прессы.

— Тсс... — остановил мистер Мелвилем разглагольствования восторженного моряка. — Пока никому ни слова об этом. Позже мы все это обсудим.

— Но люди на корабле все знают. Скоро они начнут болтать.

— Но местонахождение острова они точно не знают?

— Знаем только я и штурман. На Гопкинса в таком деле можно положиться. Боцман тоже парень что надо. Только...

— Ну?

— У нас на борту островитянин, — сказал Мобс. — Понимаете, после первой охоты мы потеряли четырех человек. Мне пришлось пополнить экипаж.

— Он говорит по-английски?

— Всего несколько слов.

— В таком случае выдайте его портовому чиновнику за какого-нибудь погибшего матроса, а об острове и не заикайтесь.

— А как быть с людьми?

— Поговорите с ними. Пообещайте большое жалованье, дадим им солидную часть выручки от промысла, но ни одной живой души не пускайте на берег.

— Мало надежды, что этих пьянчуг удастся удержать на борту.

— Пусть пьют виски здесь сколько влезет, и даже больше.

— Одним виски тут не обойдешься. Они потребуют еще и девок.

— Доставим им несколько баб. Когда судно отчалит, уходите в море вместе с женщинами. Вам ясно — это должно оставаться тайной, пока мы как следует не разузнаем, какие богатства таит в себе новый остров. Получим концессию, тогда все останется в наших руках.

— А я? — капитану Мобсу показалось, что наступил подходящий момент обеспечить свое будущее.

— Стоит ли об этом говорить? — усмехнулся мистер Мелвиль. — Вы получите бесплатно известное количество акцийГ

— Примерно сколько? — спросил Мобс.

— Пятнадцать процентов всех акций.

— Если я не получу двадцати пяти процентов, то мне нет смысла и связываться.

— Двадцать процентов и пост директора в правлении будущего предприятия.

— Хорошо, но я еще подумаю об этом.

Мобс переговорил с Гопкинсом и Иварсенем. Эти башковитые парни с полуслова смекнули, чем пахнет, и не мешкая дали свое согласие. Административная тройка начала действовать. Иварсен сообщил людям, что мистер Мелвиль, довольный удачной охотой, сегодня вечером дает на судне пир и приглашает весь экипаж. Прибудут и некоторые симпатичные дамы. А затем... у капитана есть один превосходный план, в осуществлении которого могут принять участие все, кто пожелает. Потом каждый из них сможет стать обладателем теплого и доходного местечка. Допустим, хорошенький портовый кабачок, магазин корабельных принадлежностей, ферма либо пай в таком же корабле, как «Сигалл». Да и теперь — капитан уже подсчитал — за последний промысловый рейс приходится по сто двадцать фунтов на брата. Получить их можно завтра вечером, когда принесут деньги из банка.

В капитанской каюте за бутылкой доброго вина были улажены формальности с портовыми чиновниками. Мистер Мелвиль взял на себя

хлопоты о том, чтобы последние не проявляли излишнего любопытства; кроме того, он обеспечил разгрузку корабля и позаботился, чтобы срочно доставили провизию для нового рейса.

Всю ночь скрипели судовые лебедки, выгружая бочки с ворванью и прочие охотничьи трофеи. Портовые грузчики работали в несколько смен. Всю ночь в кубриках звенели бутылки и раздавались веселые голоса матросов. Гопкинс и Иварсен позаботились, чтобы у матросов было вдоволь напитков и хорошей закуски. Когда утром последние бочки ворвани выгрузили на берег, кладовые «Сигалла» снова были полны запасами свежего продовольствия, а в других кладовых лежали узлы с разными блестящими безделушками — зеркальцами, стеклянными бусами, зажигалками и яркими тканями, до которых так падки островитяне. Две разбитные девицы, появившиеся вечером на корабле, не сошли утром на берег. В судовых документах их оформили как официантку и уборщицу. Ранним утром, когда люди на «Сигалле» спали как убитые на своих койках, буксир зацепил китобойное судно и вывел его из ворот гавани в море. Тогда троица администраторов, с помощью кока и самого Мелвиля, бесшумно подняла паруса. И «Сигалл», подгоняемый попутным ветром и теплым западным течением, спокойно ушел в открытое море, держа курс на северо-восток.

План мистера Мелвиля удался. Ни один человек в порту не узнал об открытии таинственного острова, и никто не узнает, пока корабль не возвратится из своего нового плавания.

Когда же «Сигалл» развил скорость до семи миль в час и буксир скрылся из виду за мысом, замыкающим гавань, капитан Мобс воскликнул:

— Я полагаю, теперь мы можем выпустить этого дикаря из клетки. Теперь он нам не может повредить.

— Да, выпустите его на палубу, — согласился Мелвиль.

Гопкинса послали отпереть канатный ящик, куда вчера перед приходом портовых грузчиков заперли Ако. Вскоре штурман вернулся очень встревоженный.

— Канатный ящик пуст! Этого негодяя нигде нет.

— Что теперь делать? — обратился Мобс к Мелвилю.

— Все в порядке, — отвечал тот. — Этот туземец не может нам повредить. И я думаю, мы без него обойдемся. Ведь на этот раз будем охотиться не за кашалотами, а кое за чём поценнее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Тем, что Ако больше не было под полубаком, куда дальновидный» Гопкинс упрятал его от любопытных взоров, он был обязан одному портовому бродяге, задумавшему среди ночи слегка пожитья. Где-то далеко на севере осталась родина этого молодца, откуда ему пришлось махнуть на Новую Зеландию, дабы избежать наказания за взлом ювелирного магазина.

Спустившись по носовому трапу, предприимчивый северянин заметил массивную дверь. Снаружи она была закрыта на крюк и для верности задвинута здоровенным засовом. Огромный ключ торчал в двери.

«Эге, кажись, шкиперская... краски, канаты и паруса», — подумал обрадованный разведчик и принялся за работу. Будучи отменным знатоком своего дела, он так тихо повернул ключ, отодвинул засов и поднял крюк, что даже корабельные крысы, в изобилии водившиеся в трюме корабля, и те не всполошились. Как только тяжелая дверь отворилась, какая-то темная фигура выскочила оттуда и ловкими прыжками вскарабкалась по трапу на палубу.

«Засыпался», — струхнул темных дел мастер. Чтобы замести следы своего деяния, он замкнул дверь каморки, задвинул засов и, не взглянув, какие сокровища таятся в этом темном углу, задал стрекача. Лишь почувствовав себя в безопасности, он хладнокровно обдумал случившееся и понял, что малость поспешил: человек, которого держали под замком в темной каморке, не мог быть другом командира корабля. Наверняка, это был какой-нибудь провинившийся матрос, на совести которого лежало нарушение дисциплины и законов его величества — такой человек не пойдет докладывать капитану про непрошеного ночного гостя. «Ну, значит, там ничего и не могло быть. Слыханное ли дело, чтобы таких ребят заключали в вещевой склад! Коллега... — с теплотой подумал северянин, — дай тебе бог удачи...»

Выбравшись на палубу, Ако увидел у раскрытых трюмов несколько незнакомых мужчин, которые при свете фонарей крутили ручные лебедки и вытаскивали из трюмов бочки с ворванью. На набережной тоже двигались люди, они принимали и катили бочки под какой-то навес. Была ночь. По

другую сторону судна темнели черные воды гавани.

Спрятавшись за какую-то шлюпку, Ако с минуту разглядывал окрестность и обдумывал план дальнейших действий. Затем он бесшумно скользнул за борт, повис на руках, вытянувшись во весь рост, и в тот момент, когда громко заскрипела лебедка, — спрыгнул в воду. Никто не заметил его бегства. Вскоре Ако был далеко от освещенного пятна набережной.

Через полчаса он выбрался на мыс у выхода из порта. Отжав воду из брюк и рубахи и убедившись, что никто не гонится за ним, Ако направился вдоль берега туда, где виднелись поросшие деревьями горы. Справа мерцали огни в огромных диковинных хижинах, построенных белыми людьми на берегах залива. При свете луны маячили темные силуэты судов. Ако слегка продрог. Чтобы согреться, он зашагал быстрее, подпрыгивая на ходу и раскачиваясь. Как зверь, спасающийся от преследователей, искал он самый темный и укромный уголок в этой незнакомой местности, где каждое дерево, каждый камень и пригорок ночью казались ему угрожающими.

Спустя некоторое время Ако добрался до тихой рощи, расположенной чуть поодаль от моря. Здесь было много деревьев — не таких, как на Ригонде, — они росли тут правильными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга, разделенные гладкими тропинками и чистыми зелеными лужайками. В одном месте Ако наткнулся на деревянную скамейку. Отсюда можно было хорошо рассмотреть маленький остров на краю залива. Ако направился дальше и наконец очутился у густого кустарника. Словно мышь в нору, юркнул он в кусты. Несколько испугнутых птиц поднялись в воздух. Облюбовав место поудобней, Ако присел на землю и, привалившись спиной к кусту, уснул.

Поутру его разбудил свет зари и сердитые голоса птиц — Ако примостился слишком близко около какого-то гнезда. Он поднялся и вышел на опушку кустарника. Хотелось есть. В роще не было видно ни одной кокосовой пальмы, хлебного дерева или банана. Это были странные деревья без плодов. Будь при Ако хоть удочка, он попробовал бы наловить рыбы.

Что-то неудержимо влекло Ако к берегу моря. Прячась за деревья, он стал осторожно пробираться к заливу. Слева вдали виднелся уголок порта, пароходы с дымящимися трубами, парусники со спущенными парусами. Выйдя на побережье, Ако стал собирать мелкую рыбешку и ракушки, выброшенные на берег волнами прибоя. Он утолил голод яйцами морских птиц, которые нашел на прибрежных дюнах, и вкусными морскими

водорослями, они были тут точно такие же, как на его родине.

Теперь Ако больше не мучил голод, и он почувствовал себя гораздо лучше. Едва только поднявшись над горизонтом, начало пригревать солнце. Одежда Лко высохла, прошло неприятное чувство холода. До тех пор, пока белые люди не поймают его, ему будет хорошо. Пусть здесь незнакомое место, нет хижины, где бы укрыться на ночь, и нет возможности раздобыть столь же хорошую пищу, как дома, — все же никто его не бьет, не заставляет делать то, что ему не нравится, и свирепо не кричит на него. Ако был свободен. Но если белые люди найдут его, ему опять будет плохо.

В заливе показалась черная куцая лодка со странной мачтой, из которой клубился дым. Такая же лодка подошла вчера к «Сигаллу», привязала судно позади себя и втащила в гавань. Ако удивлялся, как такая лодка может сдвинуть с места и потянуть за собой большой корабль, когда парусов на ней не видно и никто не гребет. Вот теперь она опять выводит в море какое-то судно. Ако приложил щитком руку ко лбу я пристально взгляделся в парусник. То, что европеец увидал бы лишь в подозрную трубу, островитянин рассмотрел невооруженным глазом: он узнал «Сигалл», это был его корабль, причина его бедствий и страданий. Тупоносая дымящаяся лодка тащила его в открытое море.

У Ако свалилась гора с плеч. Белые ушли в море, — они его не станут разыскивать! Он сможет жить свободно и спокойно в уединенном месте, покуда смастерит либо найдет хорошую лодку. Тогда Ако уплывет обратно на свой остров. Однажды утром, когда ригондские мужчины выедут в лагуну ловить рыбу, они увидят в море лодку Ако. Они испугаются и подумают, что опять приехали белые. Все люди убегут в кусты. Но когда Ако выйдет из лодки и громко заговорит, они узнают его. Тогда на острове будет большой-большой праздник. Все будут есть много рыбы, птицы и плодов, будут пить аву и танцевать. И Ако сделает так, что его племя больше не будет бояться белых. Плохо, ох как плохо придется белым, если они еще раз войдут на своем корабле в лагуну...

Ако мечтал, он смотрел в морскую даль на воображаемую родину, его ноздри словно бы обоняли запах цветов в долинах острова, а уши слышали песни людей и птиц. Погрузившись в мечты, он забыл о действительности; он ничего не видел и не слышал вокруг себя, поэтому сильно вздрогнул, когда за спиной внезапно раздались шаги и голос — голос белого человека окликнул:

— Хэлло, парень, ты что тут делаешь?

Это был пожилой мужчина с круглым, гладковыбритым лицом, одетый в простой синий матросский костюм, простроченный белыми нитками, с твердой соломенной шляпой на голове. Он был босиком. Свою обувь — порядком обтрепанные парусиновые ботинки — он держал в одной руке, а в другой нес рыболовные принадлежности. Его щеки были покрыты таким же коричневым загаром, как у всех белых, побывавших некоторое время под южным солнцем. Незнакомый мужчина сосал пустую трубку и, плутовато улыбаясь, смотрел на Ако.

В первый момент Ако хотел бежать. От незнакомца не укрылось боязливое движение юноши, и лицо его расплылось в широкую дружескую улыбку. Спокойный взгляд его серых глаз внушал доверие. Ако лишь чуть отодвинулся от незнакомца и смущенно улыбнулся в ответ.

— Страшно? — засмеялся мужчина. — Ты, верно, не здешний? Говорить умеешь, понимаешь, что я говорю?

— Мало, совсем немножко, — коверкая слова, ответил Ако.

— Ты приехал оттуда, не правда ли? — Незнакомец кивнул в сторону горизонта. — Далеко ехать, долго— долго?

Ако утвердительно кивнул головой, потом показал рукой на «СиГЭлл».

— Вон она, большая лодка, привезти меня сюда. Лодка уходит, Ако остается здесь.

Лишь теперь незнакомец заметил удаляющийся парусник. Он, казалось, смутился.

— Уходит? Все люди остались на лодке?

— Все остаться. Только Ако плыть на берег, не хотеть ехать. Белые люди сердиты, сильно кричать, бить Ако.

— Когда пришел корабль? — спросил незнакомец. — Много дней назад?

— Один день. Вчера прийти, сегодня уйти. Белые люди сидеть в хижине и много пить.

— Эге, — свистнул незнакомец сквозь зубы. — Испугались забастовки и смотали удочки. Тебя звать Ако?

— Ако.

— Это хорошо, что Ако не поехал на лодке вместе с белыми людьми. Лодка делает плохо. Нельзя ехать. Ни одна лодка не может ехать. Если Ако не поехал, тогда мне друг. Меня зовут Боби Грейн.

— Боби Грейн... — повторил Ако.

— Пойдешь со мной? Ловить рыбу, кушать рыбу и хлеб, не ехать на лодке, а сидеть на берегу и ждать, пока можно будет ехать?

— Ако, хотеть ехать, — возразил островитянин. — Хотеть свой остров.

— Я понимаю, но сегодня нельзя ехать. Можно завтра, через много дней. Боби Грейн поможет Ако вернуться на свой остров.

На таком жаргоне продолжались все их дальнейшие беседы, и оба новых закомца прекрасно понимали друг друга. Удобства ради мы все же будем придерживаться более правильных форм речи, которым позже — не за один день или неделю, а за месяцы долгого, упорного труда — научился Ако.

Поборов первоначальную робость, Ако послушался Боби Грейна и пошел с ним в глубь мыса. Оттуда просматривался весь залив с гаванью и городом. Боби Грейн закинул удочки. Ако оказался отличным помощником. Между делом они вели разговор.

— Как называется твой остров, Ако?

— Ригонда. Большой, красивый остров. Много пальм, бананов, хлебных деревьев. В лагуне много рыбы. Ни один белый до прихода корабля не бывал на Ригонде. Ако и все жители острова впервые увидели белых людей.

— Что белые делали на острове?

— Они искали пресную воду и укрепили на вершине горы такой же кусок материи, как на мачте корабля.

— Флаг. Это флаг, Ако.

— Да, флаг. Затем белый повелитель потребовал много пищи и авы, стал обходить хижины и забирать красивые вещи себе. Потом один белый схватил Нелиму, Ако не позволил, повалил белого и задержал его, пока Нелима убежала в кусты.

— Кто такая Нелима?

— Подруга Ако. Она хотела прийти жить в мою хижину и быть женою Ако. Но когда Ако вцепился в белого, остальные белые схватили его, втащили в лодку и увезли на корабль. После этого Ако не мог больше вернуться на берег. Белые люди часто били Ако, заставляли много работать и на ночь запирали в темную каморку. Потом они ловили в море больших рыб, величиною с корабль, и вытапливали из них жир. Когда все бочки были наполнены, корабль ушел дальше. Белый повелитель говорил, что отвезет Ако домой, но он солгал. И когда Ако увидел, куда пришел корабль, он ночью спрыгнул в воду и уплыл.

— Ты бедовый парень, Ако. Я рад, что встретил тебя. Я тоже плавал на

кораблях далеко-далеко... Видел много островов и морей. Сейчас ни один корабль не может плыть, поэтому Боби Грейн сидит на берегу и удит рыбу. Но когда можно будет плыть, я опять вернусь на корабль и отправлюсь в море.

— А Боби Грейну не будет страшно? Белые повелители ругают, часто бьют, заставляют много работать.

— Боби Грейна ни один повелитель не смеет бить. Кто ударит, тому он дает сдачи. У Боби Грейна много друзей на кораблях, они помогут ему, если повелитель разойдется. \

— Да, Боби Грейн белый. Потому его и не бьют. Ако не белый.

— Если Ако будет на корабле вместе с Боби Грейном, белые будут друзьями Ако. Спать будут вместе, делать одно дело, есть за одним столом. Боби Грейн не позволит трогать Ако.

— Боби Грейн хороший человек, хотя он и белый. Ако верит ему. Если бы Боби Грейн приехал на Ригонду, он мог бы спокойно сойти на берег и оставаться сколько пожелает. Ако будет ему другом. Но если другие белые сойдут на берег, Ако не будет им другом. Ако друг только для хороших белых, для других — нет.

— Это правильно, парень. С собаками нечего дружбу водить. Ты, наверно, крепко хочешь попасть обратно домой?

— Да, Ако хочет. Там жизнь лучше, красивый остров, хорошие люди, много друзей. Ако тую ночь видит Ригонду, а днем думает о своих друзьях. Нелима ждет Ако, Хитахи ждет, отец, мать, брат ждут, и Ако хочет к ним. Ако не может петь ни одной песни, пока он не вернется домой.

Боби Грейн вздохнул, сочувствуя горю молодого островитянина:

— Тяжело тебе приходится, бедняга. Но расскажи, где же находится твой остров? Как туда попасть, в какую сторону плыть и как называется ближайший остров?

Ако неопределенно махнул в сторону моря: — Где-то там. Далек-далеко. Много дней надо плыть на корабле.

— Может быть, там? — Боби Грейн показал на север.

— Может быть, там. Ако точно не знает. Поблизости нет ни одного острова. Ако никогда не бывал на другом острове, и ни один чужой человек не приезжал на Ригонду.

— Трудно тебе будет разыскать свою родину, — сказал моряк. — Море велико, в нем много островов. И никто не знает, где находится твой остров. Но не вешай голову. Может, мы когда-нибудь и услышим про твой остров. И если какой-нибудь корабль пойдет в те края, мы оба поедем туда.

— На корабле нет. Лучше на лодке, только вдвоем — Ако и Боби

Грейн.

— На лодке не доплывешь до Ригонды. Подымется шторм, и лодка разлетится в щепки.

Они наудили много рыбы. Там же на берегу залива Боби Грейн развел костер и поставил в маленьком котелке варить рыбу. Неподалеку они отыскали ключ с чистой прохладной водой. Когда уха сварилась, Боби Грейн посолил ее, затем вытащил из кармана кусок хлеба, разломил пополам и одну половину отдал Ако.

— Пообедаем и вздремнем часок.

Они начисто опорожнили котелок, поочередно ору» дуя алюминиевой ложкой Боби Грейна. Ако ополоснул котелок, и, пока его новый приятель спал в тени, он сторожил вещи. Изрядный сачок был полон рыбы. Чтобы она не уснула, сачок опустили в воду.

К вечеру волны прибоя стали накатываться на берег. Рощею, где Ако провел вчерашнюю ночь, друзья направились к городу. Заметив неуверенность Ако, Боби Грейн сказал:

— Не бойся, с тобой ничего не случится. Когда я с тобою, никто не посмеет тебя тронуть.

На окраине города, куда вплотную подступал лес с зелеными деревьями без плодов, стояла простая деревянная хибарка. Двое стариков — женщина и мужчина — оба белые, сидели на крыльце и наблюдали закат солнца. Это были родители Боби Грейна — старый портовый сторож со своею женой.

— Сколько раз тебе говорила, чтоб ты не водил домой всяких бродяг, — сказала старуха, когда Боби Грейн провел Ако во двор.

— Он вовсе не бродяга, а славный мальй. Его обидели наши соплеменники. Он тебя не обременит — будь спокойна. Ако останется у нас, пока не попадет на судно, которое отвезет его домой.

— Где же его дом? — спросил старый Грейн.

— Там, на каком-то острове... — сын неопределенно кивнул в сторону бескрайнего океана. Ако тоже посмотрел туда, но ничего, кроме пустынного водного пространства, не увидел. Может быть, только ветру да чайкам ведомо, где скрывается его родина, но у них ведь нет языка и они ничего не могут рассказать.

— На каком дереве растут такие тонкие и пестрые листья? — спросил

Ако, указывая на газету, которую в это время читал Боби Грейн. Они зашли в дом и расположились в небольшой комнатушке с окном, выходящим к заливу. Простая койка, вешалка для одежды, маленький столик и стул — вот и вся обстановка комнаты. Да еще тут был зеленый, обитый клеенкой ящик, где хранилось имущество Боби Грейна.

Ако присел на пол, скрестив под собою ноги. Боби Грейн, усевшись на кровать, при свете стеаринового огарка читал газету.

— Это лист дерева мудрости, — ответил он. — Эти маленькие закорючки означают слова. Стоит человеку посмотреть на них, и он узнает все, что происходит на свете. Это так же, как если бы он побеседовал с умным человеком, который пришел в гости и рассказал, что он повидал за день.

— Где растет такое дерево? — спросил Ако.

— Всюду, где живут умные люди, умеющие разговаривать с этими листами.

— Но почему я не слышу голоса? Разве этот лист говорит так тихо?

— У него совсем нет голоса. Он показывает знаками то, что хочет сказать.

— А что он тебе рассказывает?

Боби Грейн положил газету на колени и закурил трубку.

— Лист рассказывает, что сегодня ни один корабль не должен выходить в море. Все люди, работающие на кораблях, должны сойти на берег и оставаться там до тех пор, пока хозяева кораблей не станут платить много денег за работу.

— Что такое — деньги?

— Это такая славная вещица, на которую можно выменять все: пищу, напитки, одежду и разные украшения. Но не у всех людей есть деньги. Те, у кого их нет, трудятся, и за это им дают деньги, чтобы они могли обменять их на пищу. Но те, у кого много денег, сами не работают. Они заставляют работать других вместо себя, и за это дают им немного денег.

— Где они достали так много этих славных вещиц?

— Они выменяли их на другие хорошие вещи.

— А где они достали те другие вещи?

— Один сделал, другой скопил за долгое время, а третий добыл хитростью и сказал: «Это мое».

— А другие, у которых ничего нет, разве они ничего не сказали?

— Иногда они говорили, что это неправильно. Но никто их не слушал. Вот смотри, Ако, как оно получается: у меня нет ничего, только то, что на мне. А моему хозяину принадлежит много судов, большие дома на острове

и много денег. Это оттого, что я не так хитер, как он. И когда мне хочется есть, я иду к хозяину и говорю: «Я буду делать то, что ты прикажешь, плати мне деньги». Тогда он говорит: «Работай, плавай на моем судне, стой у штурвала, крепи паруса». Он остается на берегу, а я ухожу в море и привожу полный корабль копры, мяса, дерева и другого добра. Хозяин продает эти вещи и выручает за них много денег. Мне он дает малую толику. Все остальное он забирает себе. Мне нужна пища, новые брюки и табак. Я иду к хозяину и говорю: «Дай мне эти вещи, и вот тебе деньги за это». Он дает мне немного одежды и пищи и берет много денег. Опять он остается в барыше. А когда мне больше не на что выменять у него вещи, я опять прошу, чтобы он дал мне работу. Так мы и живем. У меня никогда не бывает много денег, я всегда должен работать. У него всегда много денег, ему никогда не нужно работать.

— Почему ты не уедешь и не заживешь, как мы на Ригонде?

— Все не могут уехать. Но мы здесь пытаемся сделать так, чтобы у нас было больше денег. Вчера все мы, у кого нет денег, сошлись вместе и договорились: «Не выйдем в море, не станем работать на кораблях, пока хозяин не заплатит нам больше денег». Поэтому сегодня ни одно судно не может уйти. Мы бастуем.

— Но если рабочий не идет на работу, белый повелитель бьет его и"еапирает в темный чулан. Так он поступал со мною.

— Это он может сделать только тогда, когда один или двое рабочих не идут на работу. Если трое не идут на работу, то и тогда он бьет и сажает в кутузку. Но если ни один рабочий не выходит на работу, не ставит парусов, не становится к штурвалу, тогда хозяин не может всех избить и посадить в кутузку. Тогда он делается любезным и говорит: «Господа, сколько денег вы желаете за свою работу?» Он ведет с нами переговоры до тех пор, пока мы не пообещаем работать.

— А всегда бывает так?

— Так — нет, не всегда. Бывает, что хозяин заупрямится. Он долго не идет на переговоры с рабочими, так как знает, что у них мало денег. Когда они голодают день, два дня, много дней, им ужасно хочется есть. И хозяин дает им столько, сколько пожелает. Тогда он не дает много, потому что он победил. Когда побеждаем мы, тогда он вынужден дать больше.

— Но ведь белые все повелители. Они все коварны. Разве белые люди колотят да обманывают и своих?

— Да, они это делают, парень. Они бьют и обманывают кого только могут. И вовсе не все белые — начальники. Вот дай срок — сам увидишь.

— Боби Грейн, уедем скорее на Ригонду. Там у нас всегда будет много

еды и никто не будет нам приказывать.

Боби Грейн вздохнул и мрачно улыбнулся:

— Ты ведь знаешь, что теперь уплыть нельзя. Завтра сходим в порт и посмотрим, а сейчас давай на боковую.

Утром миссис Грейн сказала сыну:

— Этого дармоеда ты спроваживай. Мы не какие-нибудь богачи, чтобы привечать всяких бродяг. Человек молодой, пусть ищет работу. Да и сам ты мог бы где-нибудь подработать.

— Все будет в порядке, мать, — улыбнулся Боби Грейн. — Не единым хлебом жив человек. Как только стачка кончится, я первое жалованье отдам тебе. Пошли, Ачо.

На этот раз Боби Грейн надел матросскую робу цвета хаки и вокруг шеи повязал зеленый шедковый платок. Первым делом они прогулялись по городу, и Боби Грейн хоть немного приучил Ачо к шумам и своеобразию Чужой земли.

— Не удивляйся ничему и ничего не бойся, — говорил он. — Все, что ты тут видишь и слышишь, сделано руками человека. Например, вон та повозка, которая, рыча, бежит сама собою, — в ней лишь маленькая хитрость. В том ящике заключен сильный ветер, и тот человек, что сидит у руля, когда ему захочется, открывает отверстие в ящике, и тогда ветер гонит повозку вперед.

— Так же, как лодку? — воскликнул восхищенный Ачо.

— Так же. Он только сидит и управляет. Ты тоже сумел бы, если бы научился.

Подобного рода объяснения, с помощью сравнений, Боби Грейн давал о каждом предмете. Всюду, где Ачо видел чудо или нечто сверхъестественное, моряк старался развеять таинственность простыми, доступными понятиями. Таким образом он в самом зародыше уничтожил тупую мистическую боязнь, которая укореняется в сознании каждого первобытного человека при столкновении с непонятными явлениями цивилизации. В порту он показывал Ачо большие пароходы, у которых не было парусов, но которые могли передвигаться быстрее парусников. И тут люди создают искусственный ветер, который крутит винт парохода и гонит тяжелую махину вперед. Понятно, что это требует большой хитрости, но этому может научиться каждый, у кого есть время и желание.

Еще много чего рассказал Боби Грейн в то утро своему спутнику о великих деяниях белых людей. Ачо понял, что белые люди знают многое такое, о чем жители острова Ригонды не имеют ни малейшего представления. Они очень умные и могут сделать уйму прекрасных,

нужных и весьма полезных вещей. Их жизнь, конечно, гораздо богаче, чем жизнь островитян, но в этой богатой и мудрой жизни белого племени Ако все-таки видел и чутьем угадывал много плохого, ненужного и противоречивого — контрастов, от которых следовало бы избавиться, например: богатство и... бедность, бесправие одних и... неограниченная власть других, деньги и... нищета в лачугах.

Забастовка моряков охватила все суда, но к ней не присоединились портовые рабочие. Толпы моряков без дела шатались по набережной и глазели на погрузочные работы. И Ако слышал, как белые люди злобно орали на других белых. В одном месте он видел, как белый мужчина прогонял моряков с набережной. Когда они мешкали и не шли, он бил их по голове белой гибкой дубинкой. Боби Грейн прав, белые унижали и своих, и большинство из них отнюдь не были начальниками.

У одного небольшого парохода Боби Грейн остановился и стал внимательно наблюдать, что там происходит.

— Раньше я плавал на этом судне, — сказал он Ако. — Мы все сошли на берег, остались только капитан со штурманом. Но я вижу — сейчас там работают новые люди.

У лебедки стоял молодой нерасторопный парень. Штурман показал ему, как обращаться с лебедкой, потом ушел на шканцы и стал наблюдать за работой нового матроса. Тот в это время опускал вниз крюк крана. — Ниже, ниже! — кричали грузчики. Один из портовых рабочих ухватил гак и потянул его вниз, чтобы зацепить тюк. — Довольно, стоп! — Матрос дернул вперед рукоятку лебедки. Тюк стремительно взвился вверх, потянув за собой рабочего, который в замешательстве вцепился в него. — Сумасшедший, что ты делаешь! — закричали остальные рабочие. — Давай вниз, втянешь его в блок!

В следующий миг человек, поднятый в воздух, стремительно полетел вниз, все еще вися на гаку. Когда он находился в нескольких футах от палубы, лебедчик снова дернул рукоятку вперед и крюк опять взвился вверх. Довольно долго он таким манером дергал рукоятку и заставлял плясать живой груз высоко в воздухе над открытым трюмом. Человек все это время находился между жизнью и смертью. Рабочие видели — дерни недотепа-матрос как еще выше, рука висящего неминуемо попадет в блок и человек вместе со стрелой лебедки грохнется на палубу. Отпусти он рукоятку — человек упадет в трюм и разобьется. Все растерялись, кричали, размахивали руками, приведя в еще большее замешательство несчастного штрейкбрехера, который, словно одурев, толкал взад и вперед рукоятку, позабыв прикрыть пар и остановить лебедку.

Тогда Боби Грейн могучим прыжком перемахнул на палубу парохода и подскочил к лебедке. Оттолкнув неумелого матроса, он в одно мгновение укротил строптивную машину и плавно опустил вниз напуганного человека. Товарищи схватили его за ноги и оттащили подальше от люка. Нервы пострадавшего матроса не выдержали — скрючившись на палубе, он забился в истерике. А Боби Грейн, прикрыв пар в лебедке, решительными, быстрыми шагами подошел к штурману и вlepил ему здоровенную оплеуху.

— За что? При чем тут я? Это ведь он крутил! — взревел разъяренный штурман.

— Он не повинен в своей глупости, — спокойно отвечал Боби Грейн. И еще одна пощечина зарделась на щеке штурмана. — Это за то, что ты принял на работу штрейкбрехера и поставил к лебедке молокососа.

Боби Грейну не пришлось ударить в третий раз. По сходням на палубу ворвались двое полицейских. Один из них с такой силой ударил Боби Грейна резиновой дубинкой по голове, что тот пошатнулся. Затем оба схватили его за руки, завернули их за спину и свели Боби на берег.

Видя, что его друга обижают, Ако хотел броситься на помощь. Боби Грейн издали замотал головой и крикнул: — Айда, Ако, беги домой и расскажи! Удирай!

Белые люди куда-то увели друга Ако. Грубой и безжалостной была их хватка. И никто из тех, что собрались на берегу, не сделал попытки вмешаться, помочь Боби Грейну. «За что его били, за что увели? — думал Ако. — Не за то ли, что он спас человеку жизнь? Странные люди эти белые».

Ако не умел читать, не знал названия ни одной улицы и все же разыскал домишко старых Грейнов, так как в его памяти запечатлелись все детали дороги. Старый портов"ый сторож всю ночь бодрствовал, охраняя один из товарных складов. Теперь он спал, и Ако встретила мать Боби с незнакомым пожилым мужчиной, которого трудно было назвать белым, такое у него было необычное иссиня-красное лицо.

— Где Боби? — тотчас же спросила миссис Грейн. — Верно, опять забрался в кабак?

— Боби ударил белого человека, — ответил Ако. — Двое белых мужчин били Боби и увели его.

— Эх... — с внезапно вырвавшейся досадой крикнул незнакомый мужчина. — Стало быть, зря я пришел. «Нимфа» не может ждать, пока Боби отсидит под арестом. А нам позарез нужен толковый боцман.

— Мистер Севедж, значит, вы думаете, что Боби придется долго сидеть? — заволновалась миссис Грейн. — Выходя из дому с этим бродягой, он не брал в рот ни одной капельки. В трезвом виде Боби никогда не дерется. Как же понять такое происшествие?

— Надо спросить у этого таракана. Хэлло, парень, где это было, когда Боби ударил белого мужчину?

— На корабле. Боби рассердился на белого повелителя, взбежал на корабль и ударил его раз, потом еще раз.

— Ну да, тогда ясно, — прищелкнул языком мистер Севедж. — Боби избил какого-нибудь штрейкбрехера. Тогда и думать нечего, что до конца забастовки его выпустят. Сумасшедший человек! А мне так бы нужен боцман. «Нимфа» не может ждать окончания стачки.

— Мистер Севедж, вы доставили бы мне большое удовольствие, освободив нас от этого дармоеда, — миссис Грейн, как просительница, погладила рукав краснолицего человека. — Может, вам на корабле он бы сгодился, а мы прямо ума не приложим, что с ним делать.

Севедж оценивающе оглядел Ако с головы до ног. О предложении миссис Грейн стоило подумать.

— Откуда ты родом? Где твой дом? — спросил он.

— Оттуда, — показал Ако вдаль. — Ригонда, большой остров, далеко отсюда.

— Как ты приехал?

— Ако работал на корабле. Белые люди привезли сюда, сказали, что отвезут домой. Ако не хочет оставаться, Ако хочет домой... на Ригонду. Ему не нравится. Чужая земля.

Голос мистера Севеджа стал дружелюбнее и ласковей.

— Ако может попасть домой, если он желает. Тогда Ако должен пойти вместе со мною на корабль. Большой корабль, красивый корабль, хорошая жизнь, мало работы. Корабль пойдет на Ригонду.

— Но Боби Грейн говорил, что ни один корабль не может идти, пока белый повелитель не станет платить много денег.

— Я буду платить много денег, мой корабль может идти. Ну, пойдет Ако со мною на корабль?

— Если белый повелитель повезет Ако на Ригонду, тогда Ако пойдет с ним и будет работать. Денег вовсе не будет спрашивать.

— Олл раит! Скажите мне спасибо, миссис Грейн. Этот парень больше

не будет обременять вас.

— Да благословит вас бог, мистер Севедж! Я надеюсь, что Боби вы об этом не скажете ни слова. Он может рассердиться. Вы же его знаете.

— Не беспокойтесь, миссис Грейн. До Ливерпуля далеко. После сдачи груза «Нимфа» пойдет в док и экипаж получит расчет. Надеюсь, что на обратный рейс я смогу набрать новую команду. Ну, Ако, если у тебя есть какие-нибудь вещи, забирай их да пойдём.

— Все вещи Ако на нем. Ако может идти.

— Олл раит! До свидания, миссис Грейн.

— Всего доброго, мистер Севедж.

Старая леди подала краснолицему джентльмену руку, легонько толкнула Ако в плечо и проводила их взглядом.

— Что Ако делал на корабле? — спрашивал по дороге в порт Севедж, штурман трехмачтового барка «Нимфа».

— Ако мыл палубу, натягивал паруса и лазал на мачту, — рассказывал юноша. — Ако долго резал больших рыб и вытапливал жир.

— Ага, значит, ты был на китобойном судне.

— Больше рыбы — как корабль. Белые люди их убивали и резали на куски.

— Теперь тебе не нужно будет резать рыб и мыть палубу. На моем судне легкая работа. Один раз поднять паруса и управляй кораблем. Ако будет сидеть на мачте и смотреть, где находятся другие суда.

— У Ако зоркие глаза, далеко видят. Он скажет, когда будет Ригонда.

— Вот и хорошо. На Ригонде я тебя отпущу, если ты захочешь.

Бурная радость кипела в груди юноши: он поедет домой! Еще только немножко обождать, пока корабль дойдет до тех мест, тогда опять настанет хорошая жизнь. «Нелима, Нелима... мы выстроим хижину и выдолбим пирогу. Утром Ако будет отправляться на рыбную ловлю в лагуну, а Нелима разожжет огонь. По вечерам мы все будем собираться на берегу залива, долго будут звучать песни и долго будут плясать молодые островитяне. Ако будет много смеяться, он давно не смеялся. И Нелима будет смеяться, и Онеага, Тули, Хитахи. Ловаи взберется на пальму и будет сбрасывать вниз орехи, Манго стрелой убьет птицу и скажет: „Это тебе, Ако, тебя долго не было с нами“. Все усядутся вокруг костра и будут слушать рассказы Ако о белых людях и Чужой земле. Жаль, что там не будет Боби Грейна. Ако с друзьями Построили бы ему хижину и сделали лодку; они вместе ловили бы рыбу. Но, может быть, он приедет позже. На острове все будут любить Боби Грейна, потому что он друг Ако... хороший белый человек».

Доверие, которое своим дружеским отношением заслужил Боби Грейн в глазах Ако, естественным образом Ако перенес на мистера Севеджа. Ако полагал, что он друг Боби Грейна, следовательно такой же хороший человек, как Боби. Поэтому Ако ни на минуту не усомнился в посулах Севеджа, верил каждому его слову и доверчиво надеялся на скорое исполнение своих заветных желаний.

В самом отдаленном углу порта стоял трехмачтовый парусник. Груз был уже принят, корабль приведен в порядок и мог хоть сейчас отправляться в путь. Эта проклятая забастовка! Не могли они обождать пару дней, пока «Нимфа» не отчалит! Теперь капитану Хемсону со своим верным помощником Севеджем приходилось, как собакам, бегать по разным помойным ямам и вербовать всякий сброд — пьяниц, лодырей, заморышей и разных проходимцев, которых в другое время не пустили бы на палубу. И слава богу еще, что на свете были такие отбросы, которым все нипочем, а то «Нимфа» могла бы неделями дремать в порту, дожидаясь, когда окончится стачка. А каждый празднично проведенный день стоил денег, больших денег.

— Где Грейн? — спросил капитан Хемсон, как только Севедж со своим спутником взойшли на палубу. — Не застали? Не захотел идти?

— Грейн избил штрейкбрехера и посажен за решетку. Кроме того, мне кажется, он с «ами» и разговаривать не стал бы.

— Проклятие! — сплюнул капитан. — Неужели нам и в самом деле придется идти в плавание без настоящего боцмана? Кто же будет управляться с этими бандитами?

— Это придется делать мне или вам.

— Мы оба посеедем на этом деле.

— Может быть, действительно подождать, пока окончится забастовка?

— Нет, только не это! — тотчас вспыхнул Хемсон. — В кубрике у нас уже дрыхнут четыре недоноска. К вечеру мне обещали доставить еще восьмерых. Следующей ночью тронемся в путь. А это что за тип?

— Это какой-то полинезиец. Я нашел его у стариков Грейнов. Он плавал на китобойном судне и готов работать на нас.

— отошлите его в каюту, пусть не маячит на палубе. Тут вечно слоняются разные типы. Как бы не сманили на берег или не пристрелили.

Севедж отвел Ако в матросский кубрик. В тяжелом похмелье, прямо в верхней одежде, там спали на койках четверо мрачных субъектов.

— Это будет твоя койка, — показал штурман Ако какую-то клетку во втором ярусе. — Если захочется есть, поищи в шкафчике, только не выходи на палубу.

—А что мне сейчас делать?

— Ничего. Жди до вечера, тогда отчалим.

Спящие кряхтели, стонали и бормотали во сне непонятные сердитые слова. В каюте был спертый, тяжелый воздух. Ако не понравились новые соседи — они были такие же, как на «Сигалле», с грубыми суровыми лицами, грязные и угрюмые. Ни один из них не походил на Боби Грейна. «Станут они меня бить или нет, когда проснутся?» — беспокоился Ако.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Вход в гавань был достаточно глубок, и корабли могли заходить в нее либо отправляться в путь независимо от приливов и отливов. Поэтому капитан Хемсон спокойно дождался полночи и в тичий час, когда побережье и улицы города очистились от любопытных, приказал отдать концы. Влекомая буксиром «Нимфа», крадучись в темноте, выбралась из залива. Прошло несколько часов, пока немногие работоспособные члены экипажа поставили все нужные паруса. В первую ночь самому капитану пришлось некоторое время постоять у руля — попеременно с Севеджем. Судовой кок имел весьма слабые познания в штурманском деле; столь же неискусным рулевым оказался и «молодой полинезиец Аго, а покладистого Брена, который помогал привести в порядок такелаж, этой ночью нельзя было допускать к штурвалу хотя бы потому, что он был пьян.

Остальных и вовсе не стоило вызывать на палубу.

Капитан Хемсон был хорошим психологом. Он понимал, какая буря поднимется утром, когда экипаж, протрезвившись, уразумеет, что произошло. Хотя они и были всего навсего забубённые головушки с очень шаткими взглядами в вопросах общественной морали, однако в трезвом виде никто из них не сделался бы штрейкбрехером и не опозорил бы на веки вечные свое доброе имя в глазах прочих моряков. В конце пути, в Ливерпуле, они не посмеют показаться на берегу; их облают, а при случае и всыплют, клеймо предателей будет всю жизнь следовать за ними по пятам. Одурманенные вином, они рискнули, клюнули на приманки вербовщиков. Когда же пройдет хмель, начнется реакция. О, от них всего можно ожидать! В открытом море, где нечего надеяться на помощь с берега, дело может обернуться довольно неприятно. Хемсон имел в этом опыт, он не ожидал, пока события его застанут врасплох, но заранее предугадал их и застраховал себя от неожиданностей. И у него и у штурмана Севеджа были спрятаны в карманах заряженные револьверы. Брену, когда тот малость очухался на свежем воздухе, капитан сказал:

— На «Нимфе» пока что нет боцмана. Кого-нибудь придется произвести в это звание, например вас. Как вы на это смотрите?

Брен от неожиданности и благодарности сжался в комок, стал

воплощенной покорностью.

— Что я должен сделать, капитан, чтобы вы сочли меня достойным этой чести?

— Помогите нам справиться с людьми. Скоро настанет утро. Ступайте сейчас в кубрик и просыпайтесь вместе со всеми, притворитесь таким же, как все. Если они станут что-либо замышлять, попытайтесь втолковать им, что не стоит поднимать шума. А если и это не поможет, то... вы ведь умеете обращаться с огнестрельным оружием?

— Так точно, капитан, но у меня при себе ничего такого нет.

— Я вам дам. Только не забывайте, что сначала надо попробовать по-хорошему.

— Есть, капитан. А что касается обязанностей боцмана, то, признаться, я их никогда не исполнял, но знать — знаю все. Вам не придется раскаиваться, что выбор ваш пал на Меня...

Хемсон вручил ему заряженный револьвер. Брен тотчас же направился в матросский кубрик, расположенный между фок— и грот-мачтой. Он завалился на койку и притворился спящим.

На рассвете зверская жажда разбудила великана Джефриса. Одурелый, он свесил ноги с койки и замигал, тараща глаза на яркий свет, который лился через иллюминаторы прямо ему в лицо. Корабль легонько покачивался. Кое-где раздавалось дребезжание. Слышался шум моря. Шатаясь, Джефрис дошел до двери, толчком открыл ее и высунулся наружу.

Тут зашевелился на своей койке и Брен. Приподнялся и протер глаза.

— Что такое, старина? Мы, должно быть, плывем?

— Плывем? — мрачно буркнул Джефрис. — Мы уже уплыли. Вокруг ничего, кроме соленой воды: Вот проклятый! Не думает ли он катать нас по морю, пока другие ребята сидят на берегу? Хэлло, братва! Хватит дрыхнуть! Старый Хемсон ждет не дождется, чтобы мы своротили ему шею.

Ворча и охая, люди пробуждались от сна. Брен завел исподволь:

— Джефрис, а что если нам немного обождать с этим тарарамом? Несколько миль туда или обратно не делают погоды, а хороший завтрак нам не помешает. Я схожу к старику. Может, и выжму из него бутылку-другую опохмелиться.

— Ты думаешь, он даст? — проворчал Джефрис.

— Отчего ж нет, если по-хорошему.

— Валяй, попробуй. По правде говоря, невелика радость, воевать на голодный желудок.

Брен отправился к капитану и возвратился вместе с коком, который нес кофе и жаркое. Под мышкой у Брена виднелись три бутылки.

— Приятного аппетита, братишки, — приветствовал кок. — Капитан славный малый, велит спросить, как у ребят здоровье.

— Пошел к дьяволу со своим капитаном! — отрезал Джефрис. Но аромат кофе и соблазнительные куски мяса заметна утихомирили его. Принесенные Бреном бутылки сделали свое дело, и настроение матросов заметно улучшилось.

— Что там ни говорите, а, насколько я разбираюсь, Хемсон довольно покладистый старик, — промолвил Брен. — «Это не дело, если у ребят болит голова, на вот, отнеси эти бутылки», — говорит. С такими стариками можно плавать. Когда я на «Поллуксе» плавал юнгой, там был такой капитан, что даже по воскресеньям бывало не расщедрится дать команде мяса. А что же для человека важнее хороших харчей!

— Честь важнее всего! — стукнул кулаком по столу Джефрис. — Кому мы теперь можем в глаза смотреть? Всякая мразь будет на нас показывать пальцем и измываться сколько влезет.

— Ну, браток, если мы станем кичиться такой побрякушкой, то лучше сразу отдать концы. О чем ты печалишься, Джефрис? Велика важность, если в Ливерпуле какой-нибудь бездельник позубоскалит. Пока мы туда доберемся, забастовка уже кончится и все о ней позабудут. А если и этого мало, мы можем раструбить всем, что Хемсон выполнил все наши требования и потому мы отчалили.

— Самое правильное, что мы могли бы сделать, это сейчас же пойти к капитану ,и потребовать, чтобы он немедленно повернул корабль обратно, — продолжал Джефрис. — Если не повернет добром, мы сами возьмемся за штурвал и пригоним к берегу. Все вместе мы это сможем .провернуть.

— А после этого — каталажка, кандалы и несколько годков в рудниках Тасмании, — напомнил Брен. — Насколько мне известно, там повар не подносит по утрам тушеного мяса и о том, чтобы дать тебе опохмелиться, никто не заботится. Но если Джефрис считает, что надо попытаться, то почему же сразу силой? Капитан славный малый. Пошли вдвоем-втроем, поговорим с ним.

Брен первый кончил есть и, пока другие спорили, что предпринять, тихо выскользнул на палубу. Хемсон ждал его под навесом трапа на корме корабля. У руля теперь стоял Севедж.

— Ну, что-нибудь затевают? — осведомился капитан.

— С остальными можно поладить, только Джефрис мутит воду. Но с

ним надо считаться. Этот детина силен, как бык. Никто не осмелится в чем-либо перечить Джефрису.

— Олл раит! Становитесь за руль, пусть Севедж позавтракает. Кок, передайте Джефрису, что капитан желает с ним говорить.

С хмурым видом великан вышел из кубрика.

— Капитан, мне сдается, что корабль взял неправильный курс, — заявил он.

— Почему вы так думаете, Джефрис? — капитан удивленно вскинул брови.

— Новозеландский берег находится гораздо правее. Если мы будем продолжать путь в том же направлении, может случиться, что мы заблудимся в открытом море, и нам придется угробить немало времени, пока вернемся в порт. По-моему, было бы неразумно терять время.

— Нам некуда спешить, Джефрис. До Ливерпуля далеко.

— Насколько мне известно, капитан, через полчаса, когда люди закусят, мы в Ливерпуль уже не пойдем.

— Насколько мне известно, Джефрис, мы туда все— таки пойдем... — ответил капитан, спокойно глядя великану прямо в глаза.

— Из чего вы это заключаете? — спросил Джефрис, нимало не смущаясь упорного, пристального взгляда капитана.

Хемсоя пожал плечами.

— Нет никаких причин менять курс, Джефрис. Да это и совершенно невозможно, потому что «Нимфа» на этот рейс зафрахтована в Ливерпуль, а не в какой—нибудь другой порт.

— Вы забываете одно обстоятельство, капитан... — Джефрис мрачно ухмыльнулся и сплюнул через борт в море.

— Что это за обстоятельство?

— Сами или вдвоем со штурманом вы не можете довести корабль ни до Ливерпуля, ни до какой-либо другой гавани.

— Почему сам? Почему вдвоем со штурманом? — удивлялся Хемсон. — На «Нимфе» почти полностью укомплектован экипаж.

— Мы никуда с вами не пойдем, капитан, — в голосе Джефриса зазвучали угрожающие нотки. — Вам известно, что в порту объявлена забастовка моряков. Пока она не окончена, ни один честный моряк не выйдет в море. Теперь вам ясно, почему «Нимфа» не пойдет в Ливерпуль?

Хемсон вдруг расхохотался. Он хохотал долго, заразительно, до слез, по временам бросая на Джефриса веселый, изумленный взгляд. Его поведение сбilo с толку великана.

— Что это значит, капитан? — спросил Джефрис, когда припадок

смеха у Хемсона начал утихать. — Я думаю, что положение слишком серьезное для того, чтобы смеяться.

— Джефрис... ха-ха-ха... неужели вы действительно...,ха-ха-ха... — снова залился смехом Хемсон. — Нет, этот человек отстал от жизни. Он еще не знает, что вчера вечером забастовка окончилась.

— Не может быть! — воскликнул Джефрис. — Вчера утром я сам лично говорил с руководителями забастовки. Ни о каких уступках не было и речи. Мы еще раз подтвердили, что до тех пор, пока судовладельцы не удовлетворят всех наших требований, ни один моряк не вернется на корабль.

— Вчера после обеда судовладельцы уступили бастующим, — невозмутимо продолжал лгать Хемсон. — Вы были пьяны и потому, должно быть, пропустили мимо ушей эту важную новость. Неужели вы и вправду думаете, что иначе я взялся бы за вербовку экипажа для «Нимфы»? В таком случае вы слишком плохо знаете Хемсона.

— Все, что вы тут говорили, правда? — Джефрис буравящим взглядом уставился на Хемсона.

— Честное слово, истинная правда, — не моргнув глазом, отвечал этот прожженный плут, для которого такие понятия, как честь и правда, давно уже стали пустым звуком.

— Тогда другое дело, — проговорил Джефрис. Он весь обмяк, в глазах его потухли огоньки упрямства и вызова. — Тогда все в порядке, капитан.

Хемсон кивнул головой. Он, казалось, задумался.

— Джефрис... — заговорил он через некоторое время. — У меня имеется одно предложение.

— Я слушаю, капитан... — отозвался Джефрис.

— На «Нимфе» в настоящее время свободно место столяра. Не желаете ли вы занять эту должность? На вахтах стоять вам не придется, спать будете в отдельной каюте вместе с боцманом и будете получать на два фунта в месяц больше, чем матросы. Что вы на это скажете?

Богатырская фигура Джефриса как-то осела и уменьшилась в размерах.

— Должность столяра недурна, — пробормотал он. — Но не бог весть как много я понимаю в этом деле.

— Бог весть как много вам и не надо понимать. Главное, чтобы на корабле царил мир и порядок. По рукам?

— Если капитан полагает, что так будет лучше, пусть будет так.

— Олл райт! А теперь, Джефрис, позаботьтесь, чтобы первая вахта сейчас же приступила к работе. Надо прибавить несколько кливеров; на

палубе кое— что принайтовить покрепче.

— Будет исполнено, капитан... — отчеканил Джефрис.

— Ну как? — спросили матросы, когда он вернулся в каюту.

— Все в полном порядке! — ответил он. — Вчера после обеда, пока мы полоскали глотки, забастовка окончилась. Судовладельцы капитулировали по всем пунктам. Теперь мы можем спокойно идти в Ливерпуль, Нью-Йорк, Шанхай и в самое пекло. Никто ни в чем не может упрекнуть нас.

По-разному восприняли матросы это известие. Некоторым оно принесло облегчение, иных успокоило, а кое-кому, в планы которых не входило совершать далекий и трудный путь до Англии, эта неизбежная перспектива принесла горькое разочарование.

Капитан Хемсон был действительно хорошим знатоком людей и незаурядным психологом. Изворотливостью он без вражды и кровопролития сумел достичь всего, что ему было нужно.

Убедившись, что жизнь на корабле вошла в нормальное русло, Хемсон отправился в свою каюту соснуть.

2

На «Нимфе» Ако выполнял примерно те же обязанности, что и на «Сигалле». В судовом списке он числился юнгой, но ему зачастую приходилось выполнять работу матроса второй статьи. Ако подавал капитану и штурману на стол, по утрам подметал каюты, потом мыл посуду. Больше всего его эксплуатировали кок и новоиспеченный боцман Брен. Остальные члены команды довольно дружелюбно относились к смуглому островитянину. Никто его намеренно не унижал, не бил, не ругал. И вовсе не потому, что на «Нимфе» весь экипаж состоял из добродушных людей. Нет, — на борту этого корабля находился Джефрис — огромный, сильный человек, которого боялись все матросы, с которым считались даже Хемсон и Севедж. Этот хмурый морской волк с первого дня взял Ако под свою защиту.

— Малых детей и животных нельзя мучить, — говорил он матросам. — Ако все равно что ребенок среди нас. Кто его обидит, будет иметь дело со мной.

Это благожелательное расположение Ако сейчас же почувствовал. Он это объяснял по-своему: Джефрис, вероятно, был другом Боби Грейна. Боби Грэйн хороший белый, и его друзья тоже могли быть только

хорошими людьми. В такой дружеской атмосфере работа лучше спорилась, какой бы неприятной и постылой она ни была. Ако старался. Он учился и с каждым днем становился все полезнее.

— Этот парень честно зарабатывает свой хлеб, — обронил однажды капитан. — В Ливерпуле я его оставлю на корабле.

Если теперь Ако все делал лучше, чем на «Сигалле», и лучше понимал все указания, то происходило это настолько же благодаря его бодрому настроению, как и знанию языка. Следуя примеру Джефриса, матросы в свободное время обучали островитянина английскому языку. Он усвоил названия всех окружающих предметов, учился правильно произносить их и при всяком удобном случае пополнял свой запас слов.

Самым терпеливым учителем был Джефрис, к тому же он больше других располагал свободным временем. Это занятие — воспитывать дитя природы — стало своего рода спортом.

Но что Ако больше всего привязывало к Джефрису, — так это интерес великана к родине Ако и его прежней жизни. Он не насмехался, когда Ако рассказывал о нравах и обычаях своего племени, совсем иных, чем у белых. А если ему что-нибудь казалось очень уж странным, улыбнется бывало потешливо, как взрослый над выдумкой ребенка.

— Скоро мы будем дома? — часто спрашивал Ако.

— «Нимфа» идет на север, — отвечал в таких случаях Джефрис.

— А далеко это — до севера? — не унимался Ако.

— Очень далеко, долго плыть.

— А есть там Ригонда?

— Не знаю, этого не знает ни один белый, который не видел Ригонды.

— Но белый повелитель сказал мне, что отвезет Ако на Ригонду. Разве он не туда едет?

— Белый начальник едет на север. Может, когда-нибудь после он тебя отвезет домой.

— Когда это будет — когда-нибудь после?

— Может быть, скоро, может быть, никогда.

— Но Ако не может ждать никогда. Ако хочет домой.

— Понимаю, друг, ты этого, конечно, хочешь, но белому начальнику недосуг думать о тебе. Он хочет заработать много денег, и плывет туда, где можно получить деньги. Он даже и не знает, где находится Ригонда. Никто не знает. Ты сам тоже не знаешь.

— Если белые не знают и Ако не знает, разве можно попасть домой?

— Нет, тогда нельзя попасть. Надо ждать, пока узнают. Долго надо ждать — год, много лет, всю жизнь, пока Ако не состарится.

Ако порою чувствовал себя ребенком, заблудившимся в дремучем лесу. Кругом раскинулась незнакомая чаща, а где-то за нею был его дом, его родина, к которой рвалось истомившееся сердце, только он не знал, как попасть туда.

В такие минуты он впадал в тоску, по утрам и в часы заката солнца забирался на мачту и смотрел на край света. Проходили день за днем, неделя за неделей, а он все не видел родных берегов.

Корабль держал путь на север.

3

В ту ночь Ако нес вахту с полуночи до четырех часов утра. К рулевому колесу его не допускали, хотя Джефрис и ручался, что Ако за полчаса мог бы освоить премудрость управления рулем. Отстояв положенное время в марсовой бочке, Ако сменился и остался подвахтенным.

Но долго бездельничать ему не пришлось.

Уже с вечера погода стала хмуриться, предвещая не то туман, не то дождь. Когда Ако спустился на палубу, небо на западе совсем заволокло влажная воздушная завеса. Померкли звезды. Темная, серая стена надвинулась на корабль с левой стороны, перевалила через него, вокруг стало темно и сыро. Вскоре заморосил дождь.

С мостика раздался свисток штурмана. Ако выполз из теплого укрытия возле камбуза и отправился на корму.

— Стань у рынды и звони с небольшими промежутками, — приказал Севедж. — Вот так... — Он подошел к колоколу и секунд десять энергично звонил, потом сделал небольшую паузу и позвонил опять. — Понимаешь?

— Ако понимает.

— Звони, пока я не скажу «хватит», — продолжал Севедж. — И как можно внимательней смотри в море, во все стороны. Если увидишь что-нибудь, сейчас же скажи мне.

Это был первый случай, когда Ако разрешили звонить. До сих пор он видел, как вахтенные матросы несколькими короткими, отрывистыми ударами отбивали склянки или извещали о появлении встречного судна. У колокола был чистый певучий звук, поэтому новая работа понравилась Ако.

Среди ночи, когда остальные спали, а вахтенные в молчании стояли по своим местам, он будто наигрывал тьме, морю и небу бодрую, радостную песню. И вместе со звуками колокола его думы улетали в ночь, далеко от корабля, сквозь дождь и туман.

В потемневших водных пустынях они находили заветный остров, тихо скользили от одной хижины к другой, ласкали спящих друзей и долго-долго обнимали посеребренные светом луны пальмовые рощи, дремлющую лагуну, все милые и знакомые предметы. Если бы он неожиданно очутился дома... Никому бы и в голову не пришло, что Ако вернулся. Он, улыбаясь, идет вдоль залива, словно морской дух, который вышел побродить по взморью. Всюду он что-нибудь изменяет, переиначивает, делает так, чтобы утром люди дивились. А с наступлением рассвета он прячется в кусты и наблюдает, как пробуждается остров. С посудинкой в руке к горному роднику идет за водой Нелима. Она набирает воды и минутку отдыхает, срывает какой-то цветок и втыкает его себе в волосы. Нет, она только кидает взгляд на цветы, но не срывает ни одного и не украшает свою красивую голову. Для кого же ей прихорашиваться? Ако ведь нет. Она печально вздыхает и тихо поет одну из тех прекрасных песен, какие поют ригондские девушки, милые которых не вернулись с моря. В этот момент Ако выползает из кустов, и неслышными шагами приближается к Нелиме. Приятный испуг, песня умолкает; над островом звенит смех — такой радостный и ликующий, какого никогда тут не слыхивали ни птицы, ни деревья, ни люди.

— Ако, в чем дело? — раздается во тьме за спиной грозный окрик рулевого. И обрываются печально прекрасные грезы, Ако звонит, вслушивается в эхо и острым взором впивается в ночь. Ничего там нельзя разглядеть, лишь серая дождливая мгла, отблеск огней корабля в волнах да черные тени. На мостике, ухватившись обеими руками за перила, стоит штурман Севедж и напряженно всматривается в море. Посмотрев некоторое время, он идет к другому борту судна, вцепляется руками в поручни и снова всматривается в море. Ако слышит брюзгливое ворчанье:

— Хоть бы скорее прояснилось...

Белые люди озабочены, им не нравится дождь и туман. Может быть, их пугают духи тьмы, против которых бессильна даже их великая хитрость. Поэтому Ако должен звонить и отпугивать духов тьмы прочь от «Нимфы».

Слева от корабля вдруг послышался какой-то шум — не то ветра, не то волн. Дождевая мгла в той стороне сгустилась. По самой поверхности моря к «Нимфе» приближалось что-то похожее на тучу, высокое и островерхое, а над этой тучей вдруг замерцала большая яркая звезда. Странно только, что звезда эта не стояла на месте, а стремительно приближалась к паруснику, норовя перелететь через него.

В этот миг Севедж находился на другом конце корабля.

— Штурман! Огонь справа! — закричал вахтенный матрос из

марсовой бочки.

В следующий момент какое-то темное тело с ужасающей силой врезалось в «Нимфу». Затрещали ломающиеся борта парусника, лопнули ванты, и тяжелый гафель вместе с парусом грохнулся на палубу.

Ако слышал еще тревожные крики на мостике, в дверях матросского кубрика на миг показалось чье-то перекошенное страхом лицо, между носом и кормой корабля вклинилось что-то темное, сокрушающее, раскалывая парусник на две части. В тот момент, когда корма «Нимфы» откололась от носовой части, Ако сделал гигантский прыжок в сторону неизвестного тела. Его руки коснулись борта парохода, кончики пальцев уцепились за верхний край какой-то стальной планки. Мгновенье спустя что-то ударило Ако по щеке. Это был конец каната. Ако зубами впился в канат и только потом схватился за него обеими руками...

В нескольких тысячах миль южнее в ту же самую ночь другой корабль боролся с непогодой. Там не лил дождь, и вахтенному матросу не было никакой нужды торчать в марсовой бочке и высматривать встречные корабли. В той части океана «и одному морскому, скитальцу нечего было искать.

По расчетам капитана Мобса, до Ригонды оставалось полтора ста миль. Это означало, что на следующее утро, если их не покинет удача, им уже откроются вершины острова. До сих пор плавание проходило благополучно. Настроение экипажа было отличное. Присутствие мистера Мелвиля придавало всему предприятию особую важность: если уж сам шеф пароходства оставил свое уютное бюро и тайно отправился в путешествие на только что открытую землю, то за этим, наверняка, крылось нечто большее, чем простое любопытство.

В кубрике на этот счет установилось свое определенное мнение. Эрик Свенсон считал, что согласно международному праву остров приравнивается к найденному имуществу, которое в момент обнаружения становится собственностью нашедшего лица. Маленький Сам сделал из этого вывод, что теперь, по сути дела, он должен считаться законным владельцем Ригонды, поскольку он первый заметил вершины острова. Разумеется, он не желает, быть слишком ненасытным в своих правах и единолично присвоить себе весь остров, — третья часть острова его вполне удовлетворит. Вторую треть Сам великодушно уделял хозяевам судна, так как эти добропорядочные люди дали ему возможность попасть в здешние края и совершить ценное открытие. Оставшуюся треть пусть поделит между собою экипаж «Сигалла», поровну на брата. А то, что Мобс в прошлый раз объявил себя губернатором Ригонды и наместником его

величества, еще ничего не значит: когда Сам немного потолкнется по судам да наймет дельного адвоката, тогда еще неизвестно, кто будет губернатором Ригонды.

В каютах командного состава господствовали несколько иные взгляды. В глазах Мобса и Мелвиля Маленький Сам был не более как наемный рабочий, труд которого и плоды этого труда принадлежали пароходству, платившему ему условленное жалованье. А если ему случайно и удалось оказать столь ценную услугу, то это еще не означало, что кормильцы Сама должны стать расточительными. Мелвиль намеревался выдать Саму и всей команде небольшое, но приличное вознаграждение в размере трехмесячного жалованья. Все равно они все пропьют. Ответственные лица — Гопкинс и Иварсен, которые своими нравственными усилиями помогли обеспечить за пароходством право собственности на прекрасную находку, конечно, достойны большей признательности. Гопкинс получит повышение по службе и станет капитаном на одном из судов пароходства, а Иварсену (если он пожелает) дадут хорошее место на острове, когда там начнется использование природных богатств. Что получил Мобс, мы уже знаем.

На «Сигалле» все делили шкуру неубитого медведя, не исключая и обеих разбитных девиц, присутствие которых доставляло много радостей донжуанам из матросского кубрика. Они имели шансы сделаться первыми дамами острова, законодательницами мод и хорошего тона. Эрик Свенсон язвил, что по крайней мере в одном островитянкам будет трудно тягаться с ними: откуда же им взять такие грубые, сиплые голоса, какими щеголяли обе белые леди? Если бы даже смуглые красавицы взялись глушить виски и ром с таким же усердием, как они, и то прошло бы немало времени, пока островитянки достаточно отделали бы свои глотки. К тому же Свенсон сомневался, удастся ли на Ригонде белым леди удержать свое теперешнее привилегированное положение и захочет ли кто-нибудь смотреть на них, — ведь прекрасные островитянки переманят у них всех обожателей.

Во всяком случае, это было интересное и веселое путешествие, движимое ненасытной алчностью, окрыленное мечтами о наживе и крупными надеждами. Пока добыча еще не была в руках, страсти не разгорелись, хищники только нюхали воздух и изучали друг друга, чтобы в решительный момент вцепиться друг другу в горло. Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы незадолго до конца плаванья в крупную игру не вмешалась сама природа.

Океан вдруг затаил дыхание. Паруса безжизненно повисли, воздух стал невыносимо знойным и душным.

Белые люди с трудом могли дышать. Давление воздуха предвещало

приближение тропической грозы, и капитан Мобс, не раз на своем веку выдавший такие вещи, тревожно шепнул Мелвилю, что надвигается настоящий ураган и надо быть готовым ко всему.

— Что это значит — быть готовым ко всему? — начал нервничать Мелвиль. — Ведь не думаете же вы, что с «Сигаллом» может что-нибудь случиться? Я полагаю, корабль настолько прочен, что никакая буря ничего с ним не сделает.

— По-моему, нет на свете такого корабля, которого не мог бы осилить ураган, — ответил Мобс. — Все зависит от фортуны. Не возражает ли мистер Мелвиль, если я, на всякий случай, заготовлю бутылку с сообщением о нашем положении? В случае, если нам не удастся осуществить свой замысел, пусть, по крайней мере, другие узнают, где находится Ригонда.

— Мистер Мобс, неужели наше положение в самом деле так опасно? — побледнел Мелвиль.

— Всякое может случиться. Я не говорю, что непременно произойдет самое худшее, но и не ручаюсь за то, что оно не произойдет.

Мелвилю вдруг стало страшно, и он пожалел, что из коммерческих расчетов променял надежное, удобное бюро на суше на эту хрупкую, подверженную всевозможным превратностям моря посудину, на которой в минуту опасности негде даже укрыться.

— Действуйте, капитан, как находите нужным, — с дрожью в голосе сказал шеф пароходства, хотя он изо всех сил и старался скрыть свое волнение. — Но в первую очередь не забудьте принять все меры для обеспечения нашей безопасности.

Потными пальцами написал Мобс записку, где сообщал координаты Ригонды и местные приметы, потом кратко обрисовал положение корабля. Этот документ — завещание «Сигалла» — он вложил в большой желтый глиняный кувшин из-под джина, который можно было скорее заметить в волнах, чем стеклянную бутылку.

Незадолго до захода солнца началась великая оргия природы. Редкие паруса, еще оставленные Мобсом на корабле, сорвало первым же порывом бури. Словно преследуемая птица, метался «Сигалл» по океану, то взлетая на гребни волн, то исчезая в водных провалах шириною в несколько километров. Надвинулась черная непроглядная тьма. Море норовило вздыбить свои веды под самое небо. Острым клинком проникал ветер в каждую щель, раскалывал, раздирал, рвал на куски. Один из первых валов увлек в пучину спасательные шлюпки «Сигалла». Потом пошатнулась фок-мачта. Будто ударами гигантского молота, всплески волн вышибли крышки

люков, разбили двери матросского кубрика и затопили небольшое помещение до половины. Нескольких человек уже недосчитывалось на палубе. Эрик Свенсон погиб на мостике, запутавшись в канатах, куда его отбросил водяной вал, оторвав руки от рулевого колеса. И может быть, в тот самый час, когда в дождевой мгле неизвестный пароход расколол «Нимфу» на две части, китобойное судно «Сигалл» далеко на юге превратилось в груды обломков. Волны до тех пор бросали и швыряли его, пока не перевернули вверх килем. Теперь он напоминал огромного куцега кита. Подобно чудовищному спинному плавнику, маячил над водою киль корабля. В ночной темени, среди завываний бури и грохота волн предсмертные вопли нескольких человек потонули, словно писк комара в дремучем лесу.

Утром, когда стих ураган, над океаном засверкали лучи солнца. Равнодушно скользили они над разбитым кораблем, разбросанными в волнах обломками и трупами людей. Морское течение несло на восток желтый глиняный кувшин. И покуда он блуждал по бескрайнему океану, не замеченный человеческим глазом, Ри— ганда могла чувствовать себя уверенно и спокойно в своем уединении.

Ураган, поломавший множество пальм на побережье острова и разрушивший хижины многих островитян, уберег пока племя Ако от другой, более страшной напасти — алчности белых колонизаторов.

Ухватившись за конец каната, Ако уперся ступнями в борт корабля и, как по трапу, ловко взобрался наверх. Канат свешивался с верхней палубы, — может быть, на нем была подвешена малярная «беседка», которую матросы позабыли поднять на палубу. В тропическом поясе, в тихую погоду, иногда красят суда и на ходу.

В той части корабля фальшборта не было. Большая спасательная шлюпка находилась на своем месте.

Ако минутку передохнул, потом проскользнул вдоль шлюпки в укромное местечко между ее килем и верхней палубой машинного отделения. Капы были открыты, оттуда доносился монотонный гул машины. Высоко над палубой вздымался капитанский мостик. Сквозь дождевую сетку на нем блестел огонек.

При свете электрических лампочек Ако увидел двух мужчин, на них была такая же одежда, как и у капитана Мобса, когда он высадился на берег

Ригонды. Перегнувшись через поручни капитанского мостика, они напряженно смотрели вниз на темную воду. Потом один из них, постарше и поплотнее другого, дал знак, и оба спустились по трапу на палубу.

Ако отступил назад в темноту и спрятался за кормой шлюпки. Припав к палубе, он с волнением наблюдал за обоими мужчинами. Они остановились возле спасательной шлюпки и тихо разговаривали между собой.

— Неприятный случай, штурман... — произнес один.

— Да, капитан, — ответил другой. — С пароходом, кажется, ничего не стряслось, разве только краска ободралась.

— Краска — ерунда. Может статься, что мы наехали на какой-нибудь полузатонувший корабль. Мне кажется* люди должны были почувствовать внезапный толчок.

— Вероятно, капитан. Но за исключением нас двоих и рулевого никто не знает, в чем дело. Неприятно, если пароходству придется платить за чужой парусник и груз.

— Постараемся, чтобы этого не случилось. Не забывайте, Бернсли, что вы в происшедшем так же виноваты, как и я. Мы оба находились на капитанском мостике, оба заметили парусник. Пароходу следовало изменить курс и дать полный назад. Когда «Уиндспайхер» налетел на барк, было поздно маневрировать.

Бернсли, я думаю, что для барка это столкновение было столь же неожиданным, как и для нас. Они, видимо, не успели ирочечь название корабля.

— Если бы даже кто-нибудь и прочел, то мало вероятно, чтобы он мог этим воспользоваться. Кому они расскажут об этом — рыбам? Конечно... если мы сейчас же не повернем судно и не попытаемся их выудить.

— Бернсли... вы знаете, что после всего случившегося мы больше не можем этого делать — не можем спасти ни единого.

— Понятно, мистер Питфол. Каждый спасенный будет свидетельствовать против нас, и пароходству придется платить огромные деньги. Но как по-вашему... рулевой сумеет молчать?

— Я поговорю с ним. Он парень толковый.

— А что если кто-нибудь из команды барка в момент столкновения все же попал на палубу парохода?

— Не думаю. Все ведь продолжалось каких-нибудь несколько секунд. Но проверить не мешает, обойдем палубу. Вы идите вдоль стир-борта, а я пойду по бак— борту. У вас есть карманный фонарик?

— Так точно, капитан. А если все-таки кто-нибудь взобрался наверх —

что тогда?

— Тогда мы должны позаботиться о том, чтобы он немедленно исчез с корабля. Никого чужих не должно быть на палубе... Никто не должен спастись.

Зажглись маленькие лампочки и медленно заскользили вдоль бортов судна к корме, потом вернулись обратно и дошли до носа.

Возле якорных клюзов и шпигатов для стока воды оба исследователя перегнулись через фальшборт и осветили борта корабля. Окончив осмотр, они снова встретились на верхней палубе.

— Все в порядке, капитан, — доложил Бернсли.

— Да, штурман, пока что все в порядке. Но иначе и не могло быть. Море и ночь сумеют молчать. Сделаем и мы то же самое.

Капитан Питфол в ту же ночь переговорил с рулевым, который в момент происшествия нес вахту. За двадцать фунтов матрос согласился не знать того, что он знал. Потом капитан занес в судовой журнал очередную запись: «Пароход „Уиндспайтер“ в такое-то время, на столько-то градусах такой-то широты и долготы (где-то против мыса Бланко, близ Северной Африки) столкнулся с неизвестным плавучим предметом, по предположению — с остовом полутонувшего корабля. Ничего особенного замечено не было. Пароход продолжает свой рейс».

Но Ако... Он, конечно, не понял всего, о чем говорили незнакомые люди, остановившись у спасательной шлюпки, но главное все же уловил. Повелители парохода сделали что-то неправильно, поэтому потонул барк. За это им грозит наказание; надо будет платить много-много денег, если об этом узнают другие белые, так как потонувший барк тоже принадлежал белым. Если бы он принадлежал темнокожим, — тогда ничего. Чтобы не пришлось платить много денег, они ушли, не стали спасать своих соплеменников, которые теперь тонули в море.

Ако знал, что ему грозит опасность — смерть, если его найдут на палубе. Как только оба белых повелителя ушли, он стал искать надежное убежище. На полуюте парохода, возле запасного винта, он нашел несколько старых вентиляционных труб. Они были так широки, что человек мог свободно пролезть в них. Спрятавшись в одной такой трубе, Ако лежал тихо, будто неживой.

«Почему белые дали потонуть своим братьям, когда они могли бы спасти их? Неужели деньги дороже, чем жизнь людей?» Ако ломал голову над этим, но не находил ответа.

Белые люди часто поступали очень странно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Вентиляционная труба отнюдь не была удобным жилищем. Места-то в ней хватало, чтобы человек мог повернуться с одного бока на другой, но стоило Ако чуть пошевелинуться, как труба начинала грохотать. Приходилось лежать неподвижно. Такое положение скоро надоело, стало тяготить. В трубе скопилось немного влаги, и один бок Ако все время мок в воде. Но самым большим неудобством было то, что Ако не смел заснуть: во сне он мог заворочаться, поднять шум и этим выдать свое присутствие. Проведя несколько часов в таком положении, Ако увидел, что уже забрезжила утренняя заря, которая через отверстие трубы заглянула и в его убежище. Время от времени он слышал шаги людей на палубе. Через определенные промежутки времени матросы приходили проверять показания лага. Остальное время там нечего было делать, и голоса людей звучали поодаль. Только один раз, в полдень, у старых вентиляторов остановились двое мужчин и обменялись несколькими словами.

— Ты слышал ночью странный треск? — спросил один.

— А как же, — отозвался другой. — Я чуть было не вылетел из койки.

— У руля в это время стоял Тейлор. Говорит, будто он ничего не видал.

— А ты ведь был впередсмотрящим. Ты должен был что-нибудь заметить.

— Я... видишь ли, старина, мне днем не удалось соснуть. И когда меня поставили туда, на полубак, к бугшприту совсем одного, а тут еще дождик начал так приятно накрапывать, я больше не мог выдержать. Веки сами собой слиплись. Долго-то я, конечно, не спал, может, всего пару минут. Тогда эта чехарда • и случилась. Хорошо еще, что сам старик в то время оказался на мостике. Он тоже ничего не заметил.

— Штурман говорит, будто это был остов какого-то полузатонувшего корабля.

— Гм, да. Особенно-то затонувшим он никак не мог быть, потому что краска по борту судна обшарпана от форштевня до ахтерштевня фута на четыре выше ватерлинии. А если у этого остова были еще и мачты, то их и давно следовало бы заметить. Да какое нам дело до всего этого.

— Ясно. Невелика радость таскаться по судам.

— А старик — тертый калач. Ты слышал — если погода будет тихая, то ободранные места велют окрасить здесь же в море, до самой ватерлинии. До Гибралтара просохнет, и ни один черт тогда не докопается, на какой такой остов наскочил наш «Уинд» спайтер».

— Чтобы краска лучше сохла, старик, я думаю, подбросит нам несколько бутылок джина.

— Боцман говорит — это уже обещано.

— Вот как? Ну, тогда все в порядке.

Пока они разговаривали, Ако не смел дышать. И на этот раз он кое-что понял из разговора и запомнил. Не подлежало сомнению, что командиры судна делали и будут делать все, чтобы скрыть от других белых причины гибели «Нимфы». Все их планы мог сорвать только Ако. Если они его поймут, то непременно уничтожат. Сознание, что малейшая неосторожность может погубить его, придало Ако силы лежать с затекшими членами, заглушить чувство голода и терпеливо переносить одуряющий зной, который скопился в трубе, когда солнце накалило металл. Стенки трубы целый день были такие горячие, что до них нельзя было дотронуться рукой или щекой. Если бы после недавних штормов и тропических ливней в трубе не осталось воды, Ако наверняка не выдержал бы до вечера. Хорошо еще, что его голые ноги и спина лежали в луже. Но вода эта постепенно высыхала, испарялась и впитывалась в одежду Ако.

«Следующей ночью я должен подыскать себе какое-нибудь другое убежище, — размышлял островитянин. — Такое, где удобнее спать и куда не проникает солнце. Еду и питьевую воду тоже надо найти».

Медленно тянулись часы. Долго-предолго солнечные лучи накаляли клетку Ако. Наконец стало смеркаться и на кормовой палубе затихли человеческие голоса. Ако дождался, пока совсем стемнело, и только тогда осмелился высунуть голову из вентилятора. Над морем уже мерцали звезды. Ако жадно глотал прохладный, освежающий воздух и отдыхал. Онемевшие члены опять приобретали прежнюю гибкость, боль и тяжесть в голове исчезли.

Убедившись, что на палубе нет ни живой души, Ако вылез из трубы и, низко пригнувшись, проскользнул до грот-мачты. Откуда-то доносился приятный запах свежее испеченного хлеба. На вантах мачты висел мешок с мясом. Взять весь воловий окорок Ако не решался, а чтобы отрезать подходящий кусок, у него не было ножа. Запах пищи еще сильнее разбередил голод юноши. Как зверь, нюхом чующий добычу, он двинулся в ту сторону, откуда струйки воздуха доносили приятный запах. Ему пришлось подняться вверх по трапу, затем прокрасться по узкому коридору,

по обеим сторонам которого располагались каюты. В коридоре не горела ни одна лампа. За всеми дверьми царила тишина — белые люди, наверно, спали. В том помещении, откуда тянуло соблазнительным запахом, дверь была оставлена полуоткрытой. Глаза Ако, видевшие в темноте почти так же хорошо, как и при дневном свете, рассмотрели в дверную щель плиту, полки для посуды и небольшой стол, на котором остывало несколько буханок недавно испеченного хлеба. На плите стоял кофейник, полный кофе — предназначенный для вахтенных матросов, которые сменяются ночью. Но еще со времен «Сигалла» Ако знал, что в плите имеется духовка и в ней всегда хранится что-нибудь съестное.

Бесшумно, словно призрак, проскользнул он в камбуз и начал быстро действовать. Кофе был не горячий. Ако, не обжигаясь, досыта напился, а остаток вылил в какую-то пустую консервную банку, найденную на полке. Буханка хлеба и жареная рыба, которую он извлек из духовки, могли на пару дней избавить его от голода. Забрав добычу, Ако удалился так же тихо, как и вошел. Выбравшись из коридора, он не пошел обратно на корму парохода, а поднялся на верхнюю палубу, где стояли спасательные шлюпки.

В ту ночь Ако укрылся в одной из этих шлюпок, поверх которой был натянут брезентовый чехол. Ему пришлось отвязать несколько шкертиков со стороны моря, которые потом, лежа в лодке, уже невозможно было завязать. Если кому-нибудь из команды взбрело бы на ум проверить брезент со стороны моря, он тотчас же заметил бы, что шкерты развязаны, и непременно заглянул бы внутрь лодки. Ако не знал, что на другое утро после его спасения штурман осмотрел все спасательные шлюпки, угольные бункера и другие места, где имели обыкновение прятаться тайные пассажиры. Все оказалось в полном порядке, и сегодня на пароходе царила уверенность, что на судне нет ни одного постороннего человека. Если бы Ако знал это, он чувствовал бы себя гораздо увереннее в своем новом убежище.

В спасательной шлюпке была совсем другая жизнь, нежели в вентиляторе. Здесь Ако мог спать на свернутом парусе, даже сидеть и гораздо свободнее двигаться. В ту ночь он хорошо выспался. Назавтра его не мучил солнечный зной.

Два дня и две ночи Ако не покидал своего убежища. Он бережливо ел хлеб и рыбу, а кофе пил лишь тогда, когда сильно мучила жажда. На третью ночь, он снова отправился на промысел. На этот раз его добычу составляли буханка хлеба и кусок засохшего бифштекса. Живя в лодке, Ако обнаружил там бочонок воды, поэтому о питье ему больше не приходилось беспокоиться.

Никто ничего еще не заметил. Никто не тревожил Ако, и у него уже затеплилась надежда, что ему удастся счастливо дождаться конца плавания, спасти свою жизнь и когда-нибудь увидеть берега родины.

Пароход водоизмещением в восемь тысяч тонн со скоростью двенадцать миль в час мчался на север.

Что же такое случилось с солнцем? Неужели оно совсем обессилело? В самый полдень оно не могло согреть мир, а ночью, лютовал такой холод, что у Ако зуб на зуб не попадал. Напрасно он кутался в парусину и свертывался в клубок, чтобы члены его сами согревали друг друга — холод проникал сквозь чехол шлюпки, забирался в логово Ако и острыми когтями вонзался в его тело.

Он не привык к таким ощущениям, не знал, что такое мороз и зима, и поэтому совсем растерялся и перепугался, когда эти неизбежные спутники севера впервые застигли его врасплох. На Ригонде даже в ливневый период не было такой неприветливой погоды.

Ако мерз. Ему казалось, что матросы могут услышать, как стучат его зубы. Однажды еще на острове он нырнул до самого дна лагуны, вода там была значительно холоднее, чем на поверхности, но все же не такая холодная, как здешний воздух.

Белые люди, видимо, увозили его от солнца, в далекий подземный мир. При своей непомерной хитрости они могли переносить и такой воздух, он им не причинял вреда. Но Ако...

Неподвижно пролежав весь день в лодке, он решил ночью поискать пищи и, когда все звуки умолкли, вылез из своего убежища. Небо было затянуто облаками; не видать ни луны, ни звезд. Что-то мелькало в воздухе, в лицо Ако ударяли какие-то мягкие холодные пылинки. Эти пылинки, похожие на пушинки цветов, кружились, падали и скапливались на палубе толстым белым слоем. Чехол лодки тоже покрылся толстым слоем пылинок. Ако взял в руку маленькую щепотку пылинок, но они моментально слиплись в комок и начали таять. У него стали мерзнуть пальцы. Босыми ногами стоял он на снегу, и ему казалось, будто у палубы есть пальцы, которые щиплют его ступни. Ако дрожал всем телом. И чем дольше он так стоял, тем нестерпимее становилось чувство холода — это было гораздо мучительнее, чем выносить самый палящий полуденный зной.

Как долго он выдержит это? Ако понял: если он сейчас же не попадет в тепло, случится что-то плохое и непоправимое. Где-то на пароходе должно быть теплое место — близ огня, где белые люди спасались от напасти. Теплый воздух струился кверху из машинного отделения, но Ако не решался приблизиться к капу, так как там было слишком светло. В камбузе тоже, должно быть, тепло, но сколько Ако мог бы там прятаться? Какой-нибудь моряк мог войти за кофе, увидеть его, и тогда всему конец.

Не в состоянии долгие выносить эту муку, Ако завязал брезент, покрывающий шлюпку, и прокрался к трубе парохода. Вокруг трубы снега не было, так как теплый металл растопил снежинки. Ако приложил руки к трубе, она была приятно теплой — ни холодной, ни горячей. Тогда он влез на плоское основание трубы и некоторое время стоял, прижавшись всем телом к теплой стенке. До чего ж это было приятно! Лучше целую неделю голодать, чем одну ночь мерзнуть.

Ако сообразил, что тепло идет снизу, откуда доно: странные звуки. Может быть, там темно и еще теплее, чем здесь, наверху? Хорошо бы туда пробраться и спрятаться. Если бы на пароходе были такие люди, как Боби Грейн, Ако мог бы зайти к ним в каюту и поспать на койке, но он знал, что эти белые не такие. Белые люди, наверно, бывают двух пород — такие, как Боби Грейн, и такие, как на «Сигалле». Не поздоровится тому, кто повстречается с последними.

Немного обогревшись, Ако отправился на поиски теплого убежища. Снова пришлось ему босыми ногами ступать по снегу, красться вдоль спасательных шлюпок до края палубы и дрожать на ветру. С верхней палубы он увидел внизу узкую темную дверь. Она была открыта, и из этой двери доносился наверх резкий шум. Но больше всего заинтересовал Ако розоватый отблеск пламени. Там внизу, видимо, горел большой костер, накалявший огромную трубу, подле которой Ако грелся.

Поблизости не было видно ни одного человека.

Бесшумным, упругим прыжком островитянин перемахнул на среднюю палубу корабля и через узкую дверь проник в необычного вида полутемное помещение, пол в котором был устлан железными листами. Узенький трап вел вниз к котлам, где полуголые люди возились у топок. В этом помещении все стены были теплые, а воздух такой приятный, что Ако ни за что не хотелось уходить отсюда. Слева от двери он заме* тил темную узкую щель. Он в темноте ощупью продвинулся по ней на несколько шагов. Дальше щель расширялась, и Ако, внимательно присмотревшись, заметил новое основание огромной трубы, которое здесь было не круглым, а четырехугольным. Снизу вверх плыл обжигающий жар, и все тут было

покрыто густым слоем черной угольной пыли, но это не могло омрачить радость юноши. «Здесь я останусь, пока корабль не доплывет до берега», — думал он.

В узкой щели, по которой Ако пробрался сюда, он нашел пару небольших досок. Положив их рядышком, одну возле другой, Ако мог довольно удобно усесться и даже вытянуться во весь рост. Вспомнив, какая сейчас ужасная погода и как приятно здесь, в тепле, Ако ощутил такое блаженство, что позабыл даже про голод.

В ту ночь он не ходил искать пищи.

3

У кока «Уиндспайтера», уважаемого мистера Харимена, в последнее время было прескверное настроение. Когда матросы и кочегары приходили в камбуз за едой, Харимен сердито разливал похлебку, бросал в плоски мясо и не вступал ни в какие разговоры. Очевидно, его что-то удручало. Угрюмое настроение Харимена сильно отражалось на приготовляемой им пище. Обуреваемый неприятными думами, он забывал посолить суп, а иной раз по рассеянности подсыпал слишком много соли. Тогда в матросском кубрике сейчас же заваривалась кутерьма. Матросы посылали делегацию к штурману и просили удостовериться, можно ли считать съедобным такое пойло.

— Дражайший кок, если ты думаешь, что мы из породы оленей и любим соль пуще своей жизни, то ты ошибаешься. Ешь сам свои помои!

Повар гневно таращил глаза, но ничего не говорил. Его давно мучили тяжкие подозрения, но пока одно дело окончательно не выяснится, он не мог открыто говорить об этом.

— С коком действительно творится что-то неладное, — заметил однажды за обедом штурман Берн— ели. — Ну, полюбуйте, господа, что это за бифштекс! Подошва, а не мясо.

— Ив самом деле странно, — согласились другие офицеры. — Всю дорогу так хорошо готовил, и вот тебе на — вконец испортился.

— Так дело не пойдет, — сказал Бернсли. — Я с ним поговорю.

В промежутке между обедом и полдником Бернсли завернул в камб.уз. Чтобы не уронить престижа кока в глазах его подчиненных, штурман отослал юнгу что-то прибрать в своей каюте, петом дипломатично начал:

— Харимен, что с вами? Старый кок с многолетней практикой, славным прошлым, а ни с того ни с сего допускаете такие оплошности,

которые непростительны даже новичку! Скажите, о чем вы думаете, стоя у плиты! Для мечтаний достаточно времени ночью.

Колкие слова штурмана задели Харимена за живое. Он чуть не прослезился.

— Вам, штурман, легко смеяться. А насчет мечтаний... не знаю, как бы вы заговорили, если бы с вами приключились такие штуки, какие обычно случаются только во сне. Я думаю, что мы достаточно хорошо кормим своих людей — от каждой кормежки кое-что перепадает и чайкам. Но если сытый человек еще и крадет, то это нельзя назвать иначе как хулиганством.

— Крадет? Харимен, и в самом деле не снится ли это вам?

— Но если я своими глазами вижу, тогда уж это не сон. Ну подумайте, штурман. По вечерам я время от времени выпекаю хлеб и оставляю его на столе остывать. На всякие числа у меня хорошая память, и я каждый раз держу в уме, сколько штук испек и оставил в камбузе. Утром одной буханки не хватает! И так уже третий раз. Но это еще не все. В духовку постоянно кто-то заглядывает, и те лучшие куски, что я оставляю на ночь господам офицерам, исчезают. Не иначе, как среди команды завелся какой-то хулиган, который решил надо мною поиздеваться. Возможно, он вовсе и не ест этот хлеб и другое добро, а швыряет за борт. Мол, подразним немножко кока, а то он от хорошей жизни больно разжирел. Вот какие люди... -| повар всхлипнул. — Як ним всей душой, а они со мной, как с собакой.

— Гм... — усмехнулся Бернсли. — Это неприятно. Вы подозреваете кого-нибудь?

— Откуда же мне знать! На вид-то все невинны, как младенцы.

— Вам следовало бы попытаться изловить этого озорника.

— Я уже пытался. На ночь оставлял дверь своей каюты полуоткрытой. Да вот беда — привык я к нормальному образу жизни — вовремя спать и вовремя подниматься. По вечерам, когда убираю камбуз, меня так клонит ко сну, что при всем моем желании не могу дождаться полуночи. А этот хореk, вероятно, повадился ходить после полуночи. Сегодня вечером опять буду печь хлеб. Ясно — он опять будет тут как тут. Вот бы поймать его! Я уже смастерил из старого каната добрую плетку. Большой кухонный нож тоже наточен, как бритва. Шуткой он у меня не отделается.

Бернсли, немного подумав, сказал:

— Постарайтесь в эту ночь не заснуть! Напейтесь кофе покрепче — сон как рукой снимет. И когда поймаете вора, позовите меня — я буду на вахте с полуночи до четырех утра. Этот хулиган должен понести

заслуженное наказание.

— Хорошо, штурман, я попробую выпить кофе.

Когда Бернсли поведал другим офицерам о злоключениях повара, они от души посмеялись. Чтобы не испортить занятой охоты, остальным членам команды ничего не сказали, не то— неизвестный мошенник этой ночью мог воздержаться от вылазки и кок напрасно напился бы крепкого кофе.

Все сделали, как было условлено. Харимен испек хлеб, сосчитал каравай и положил на стол. После полутора литров натурального кофе обычно сонливый кок чувствовал себя весьма бодрым. Чтобы у «этого хулигана» было побольше соблазна, в духовку поставили особенно лакомый кусок жаркого и, когда кто— либо из кочегаров или матросов заходил в камбуз за питьевой водой, повар открывал и закрывал дверцу духовки, приговаривая, что это лакомство предназначается для него самого, — разве только еще капитану достанется кусочек.

В половине второго ночи Бернсли, шагая по капитанскому мостику, вдруг услышал шум и возню.

— Отдавай, дьявол, мясо! — гремел голос кока. — Беги не беги, все равно попался! Стой, стой! Ребята, на помощь!

Потом на минуту все смолкло. Вскоре на трапе раздались тяжелые шаги Харимена.

— Штурман, можно?

— Давай сюда наверх! — отозвался Бернсли. — Ну, как дела?

— Он уже был у меня в руках, только не успел разглядеть лицо. Чертовски верткий молодчик. Это из чумазных, штурман. Либо угольщик, либо кочегар. Лицо все в саже, роба черным-черна от пыли. У меня дверь каюты была открыта, и я сразу услышал, как он прошмыгнул в камбуз. Но пока я встал да вышел из каюты, он, должно быть, услышал шаги и выскочил обратно в коридор, так что я не успел захлопнуть дверь камбуза. Потом он бросился наутек. У релингов спардека я его почти что сцапал, но тут он вскочил на верхнюю палубу. Я постарше его, и прыгать мне трудновато. Так он и удрал от меня. Но больше ему негде быть, как только внизу. Чертовски верткий молодчик! Будь моя каюта по другую сторону камбуза, он прямо на меня наварлся бы. Что ж теперь делать?

— Спуститесь в машинное отделение и позовите с собой механика, потом сходите к кочегарам и допросите всех.

— Разве они скажут?

— Этого я не знаю, но попробовать можно.

— Это верно, штурман, попробовать можно.

Когда Харимен с механиком появились в котельном отделении, кочегары с удивлением уставились на повара.

— Что за притча, дорогой кок? В ночное время к нам? Угольков понадобилось?

— Нечего прикидываться, давайте говорить начистоту! Кто чиз вас только что шарил в камбузе?

— Кок, ты случаем не свихнулся? Мы все время у топок, а угольщик в бункере. Послушай, как он там орудует.

В бункере слышалось гроыхание тачки — там угольщик подкатывал уголь поближе к бункерному люку.

Харимен изучающе осмотрел кочегаров с головы до ног. Это были плотные мужчины средних лет, а их одежда — синие брюки и тельняшки — выглядели довольно чистыми.

— Позовите угольщика, я хочу посмотреть, каков он из себя! — приказал Харимен.

— Оуэн, спустись на минутку вниз! — крикнул один из кочегаров в бункерный люк.

— Он был высокого роста, молодой и верткий, как кошка, — рассказывал повар механику.

— Тогда это не Оуэн, — проворчал механик. — И вообще, я думаю, что мы только попусту тратим время.

— Но я должен поймать этого молодчика! — завопил повар. — До каких же пор он будет издеваться надо мной!

— Чего ты волнуешься, кок? — удивлялись кочегары.

— Как чего? А кто таскает мясо и хлеб?

— Вон оно что! И ты думаешь, мы пойдем пачкать руки о твою жратву? — Лица матросов стали хмурыми и злыми. — Харимен, ты не бросайся словами и не оскорбляй честных людей.

— Чего надо? — спросил Оуэн, незavidного роста юноша, появившись из бункера.

— Харимен вот говорит, будто ты был в камбузе и обчистил его, — пояснил один из кочегаров.

— Что?! — паренек выпятил грудь. — Я вор? А не свила ли канарейка гнездо в голове у Харимена? Ты, жирная туша, верно, хочешь познакомиться с этим! — он угрожающе схватил ломик.

— Успокойтесь! — унимал механик расходившихся людей. — Насколько я понимаю, виновника надо искать где-нибудь в другом месте. А вы, Харимен, проверяли в кубрике?

— Но он был из чумазных! — снова заорал повар. — Все лицо в саже и

закопченная одежда. Я же видел своими глазами. Не делайте из меня слепого!

— Тогда ищите кого вам надо и не мешайте работать людям, которые о ваших делах ничего не знают, — обрезал механик.

Раздосадованный Харимен поднялся на палубу и еще раз побеспокоил Бернсли.

— Они отпираются. Да там никто и не похож на него. Штурман, позвольте обыскать кубрик. Надо узнать, кто из них выходил оттуда. Если сегодня ночью не изловим, тогда пиши пропало. Помогите же, мистер Бернсли!

Это была беспокойная ночь. Напрасно Харимен поднял на ноги матросов и остальных моряков. Люди с негодованием отвергали подозрения повара и в длинные разговоры не пускались. И может быть, тем бы и кончилось это загадочное происшествие, если бы на другое утро судовой столяр, исполняя свои служебные обязанности, не вздумал осмотреть, в каком состоянии находятся спасательные шлюпки.

На следующее утро пароход, по расчетам капитана, прибывал в порт, надо было навести полный порядок. У чехла одной спасательной шлюпки было развязано несколько шкертиков. Когда столяр приподнял край брезента, его глазам представилась странная картина, о виденном стоило доложить капитану.

— В шлюпке поселился человек, — сообщил столяр. — На парусе рассыпаны хлебные крошки, чоб от анкерка с водой стронут с места, а под одной из банок валяются пустая жестянка из-под консервов и несколько обглоданных костей.

Капитан Питфол слегка побледнел. Он немедленно направился на верхнюю палубу и осмотрел спасательную шлюпку. Все было так, как рассказывал столяр. Обеспокоенный капитан поспешил к штурману.

— Бернсли, на судне находится посторонний человек. Через двадцать часов мы войдем в порт. Если только это чужак с парусника... нам грозят серьезные неприятности.

— Я думаю, что еще не поздно их предотвратить. Если он на судне, надо найти его.

— Мы должны найти его во что бы то ни стало, — подтвердил капитан. — Этот человек не должен по* пасть в порт.

Сидя в своем тайнике, Ако слышал, как угольщики за трубой подымали наверх шлак. Один управлял малой индикаторной лебедкой, другой принимал под» нятый ковш и высыпал содержимое за борт. Через каждые четыре часа повторялась эта операция. Тогда Ако вел себя тише

воды ниже травы, потому что от этих людей его отделяло всего лишь четыре-пять шагов. Достаточно было ему кашлянуть или кому-нибудь из них подойти к щели — и он пропал. Инцидент в камбузе, когда Ако чуть было не попался в руки кока, очень встревожил его. Догадались ли белые, что на корабле есть посторонний?

Чтобы получить какие-нибудь сведения на этот счет, Ако внимательно прислушивался к разговорам угольщиков. До сих пор они ни разу не упоминали ничего такого, что могло бы относиться к нему. Ночью, после стычки с поваром, они смеялись, что кто-то из матросов разыграл кока и славный малый Харимен с досады захворал. Но наутро разговор угольщиков носил иной характер.

— Говорят, на пароходе есть какой-то беглец, — промолвил один. — Столяр обнаружил в спасательной шлюпке следы.

— Вот бес, а не парень, — отозвался другой. — Такой кусок пути отмахать — и чтоб ни слуху, ни духу. Жаль, если именно теперь, когда рейс подходит к концу, его найдут.

— Найдут, дружок, куда же ему деваться. Видал, как матросня шарила сегодня утром по всем закоулкам? Обыскали даже какггы, шкиперскую с красками и перевернули вверх дном кладовую с провизией. Вот увидишь, скоро придут и начнут искать в бункерах, у котлов и в машинном отделении. Недаром капитан обещал десять гиней тому, кто его найдет.

— И чего он так взбеленился? Ведь не первый же раз на корабле едут зайцы. Лучше делай вид, будто и знать не знаешь. А в порту уж, будь спокоен, не успеешь оглянуться — его и след простынет.

— Ну, тут совсем другой табак. Мне Тейлор рассказывал... В ту ночь, когда был туман, пароход напоролся вовсе не на полузатонувший остов, а на парусник. И если бы кто-нибудь из людей с той посуды спасся, то нашему старику не миновать крупных неприятностей. Может кончиться тем, что потеряет место капитана. Судовладельцы спасибо не скажут, если им придется платить за потопленный парусник.

— Боюсь, что на этот раз им так и так придется раскошелиться. Сколько нам осталось йлыть — неполные сутки. Если этот парень сумел скрываться все время, то теперь и подавно сумеет следы замести.

— Не верится, старина. Очень уж тщательно ищут. Не только Чго человека — иголку найдут. Тогда уж ему остается спрятаться в самом невероятном месте — в капитанской каюте либо в котлах. В порту уж с ним ничего не смогут сделать.

— Ну, поживем — увидим.

Теперь Ако знал, что его присутствие на пароходе открыто и что

началась бешеная охота. Ясно, что преследователи придут и сюда и заглянут за трубу. Что же делать, куда деваться? Капитанская каюта?* Там искать не станут. Но где она, эта капитанская каюта? И есть ли там хоть какой-нибудь закоулок, где спрятаться?

На «Унндспайтере» было четыре котла — три больших и один маленький — вспомогательный, который в море не работал. Отстояв свою вахту, кочегары ходили туда умыться. К вспомогательному котлу вела особая дверь прямо с палубы. Иногда Ако из своего укрытия наблюдал, как матросы входили через эту дверь, спускались к вспомогательному котлу и умывались. Некоторые там стирали и сушили белье. Когда дверь оставляли открытой, было видно среднюю палубу и поручни вдоль борта.

Готовый ко всяким неожиданностям, Ако пере» брался на другую сторону дымохода к маленькому трапу, который вел к вспомогательному котлу. Безмолвный и неподвижный, как изваяние, сидел он в темноте и прислушивался к поискам, которые доносились то с верхней палубы, то из бункеров, то снизу, из машинного отделения.

— Надо осмотреть котельную! — раздался чей-то голос у лебедки. — Может, он там свил себе гнездо. Пошли, ребята. Постой, где фонарь?

Ако больше не медлил. Неслышно соскользнул он с основания трубы, через дверную щель быстрым взглядом окинул палубу и — вышел. Направо, под капитанским мостиком он увидел какую-то дверь, она вела в капитанский салон. Это был отчаянный шаг — среди бела дня, когда множество глаз неусыпно рыскало по всем закоулкам парохода, появиться на па» лубе. Но Ако ничего другого не оставалось. Над котлами уже гремели шаги преследователей.

Безрассудной была смелость Ако, но ему повезло: те четыре-пять секунд, которые потребовались, чтобы пробежать от вспомогательного котла до дверей салона, ничей глаз не смотрел в ту сторону. Штурман глядел на море по другую сторону судна, юнга, повернувшись спиной к Ако, выливал за борт кофейную гущу, а буфетчик, как раз в это время находившийся на пути к салону, просунул голову в дверь кают-компании и разговаривал с третьим механиком. Если бы он чуть быстрее повернул голову к носу корабля, то заметил бы чью-то голую грязную ногу, которая в тот момент исчезла за порогом двери салона.

Ако очутился в просторном роскошном помещении с несколькими большими иллюминаторами. Камин, небольшой шкафчик, дверь в соседнее помещение и большой стол, вокруг которого стояли прикрепленные к полу вращающиеся кресла. Стол был покрыт скатертью, края которой свисали почти до самого пола. Ако едва успел заглянуть в соседнее помещение и

убедиться, что там нет ни одного подходящего местечка, где бы спрятаться, как за дверями салона слышались шаги. Одним прыжком юноша достиг середины комнаты, юркнул под стол и замер.

Словно ураган ворвался в салон. Грозно гремел голос капитана:

— Черт знает что такое! Точно известно, что этот молодчик на корабле; следы его найдены и сам был почти что в руках, а они разевают рты и дают ему улизнуть.

— В шлюпках и в котельной его уже нет, — возразил Бернсли.

— Но он ведь только что был в котельной. Если бы эти растяпы поставили одного человека у вспомогательного котла, он сам бы попался, как кур в ошип. Безобразие! Теперь снова ищи по всем углам. А время не терпит. Если мы до вечера его не отыщем, то ночью он уж сумеет спрятаться, а утром, когда на пароход придут таможенники и лоцман, будет поздно что-либо предпринимать.

— Не может же быть, чтобы люди укрывали его? — недоумевал Бернсли.

— Кто их знает! А если бы даже и так, мы должны найти его! Бернсли, возьмите боцмана и старшего ко4 чегара и еще раз обыщите все каюты. Переройте все, переверните вверх дном все судно, но найдите его! Черт побери, тут можно сойти с ума! Пока будут продолжаться поиски, пусть запрут все двери и задраят иллюминаторы. Тогда он никуда не сможет перебраться.

— Попытаюсь, капитан.

Бернсли ушел. Оставшись один, капитан нервно зашагал по салону. Ако видел, как порывисто двигались его ноги. Этот человек был сильно разгневан. Если бы он только знал... если бы он чуточку приподнял край скатерти...

Наконец капитан подошел к шкафчику и отхлебнул изрядный глоток из какой-то бутылки. Это его немного успокоило. Уходя на палубу, капитан запер снаружи дверь салона.

...Поиски продолжались весь день. Трудные минуты пережил Ако во время обеда и ужина, когда капитан угощался за большим столом, а буфетчик ему прислуживал. Порою сапог капитана совсем близко придвигался к беглецу, а он не смел пошевелиться, отодвинуться подальше. Перед тем как ложиться спать, капитан еще раз держал совет со штурманом.

— Теперь ясно, что мы его не изловим, — сказал мистер Питфол. — Еще остается надежда, что мы схватим его утром. Уборку корабля отложим — успеется, а все свободные люди пусть станут на вахту. Когда на судно

прибудут таможенники и портовое начальство, я приглашу их в салон и хорошенько угощу. Пара человек пусть станут у двери салона и, если этот пройдоха попытается приблизиться к таможенным служащим, пусть хватают его и на некоторое время упрячут .подальше. А вы дайте мне знать, тогда я соответствующим образом проинформирую этих господ. Надеюсь, они мне больше поверят, чем какому-то бродяге.

— Надо полагать, — улыбнулся Бернсли.

В ту ночь Ако не смыкал глаз. Утром буфетчик расставил на столе бутылки, посуду для кофе и всевозможные деликатесы, но капитан не спешил завтракать. Затем Ако услышал гудки сирены, свистки на капитанском мостике и незнакомые голоса. Вскоре в каюту вошли несколько мужчин, и капитан Питфол любезно произнес:

— Прошу, господа, к столу. Не угодно ли позавтракать...

Звенела посуда, ножи и вилки, слышалось чоканье бокалов. Гости добродушно расспрашивали о завершённом рейсе. Питфол, довольный, рассказывал, что рейс прошел удачно, без бурь и аварий, только наткнулись на какой-ТМ полузатонувший остов корабля, но и это столкновение обошлось без дурных последствий.

В этот момент Ако вылез из-под стола и на ломаном английском языке обратился к пришедшим господам:

— Неправда. Не слушайте его! То был не полузатонувший остов, а парусник. Я работал на нем.

У капитана Питфола выпала рюмка из рук, лицо стало иссиня-багровым, казалось — он вот-вот задохнется.

— Кто это такой? — изумленно спросил один из портозых чиновников.

Поток невероятных проклятий был ответом Питфола. Забывшись от гнева, он вскочил и со сжатыми кулаками бросился на юношу:

— Дьявол этакий! Убью, в гроб загоню тебя, паршивая тварь! В порошок изотру!

Произошел ужасный скандал, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не вмешались портовые чиновники.

— Успокойтесь, капитан, — сказал самый главный из них. — В нашем присутствии вы его бить не будете. Что это за человек?

— Не знаю! — взревел Питфол. — Спросите его.

Они задали несколько вопросов, и Ако все рассказал. Он плавал на паруснике, который был пущен ко дну пароходом. Он один спасся.

Когда портовые чиновники стали сходить на берег, они взяли с собой Ако. Жизнь островитянина была спасена.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

По дороге к ним присоединился какой-то высокий мужчина в черном кивере. Он держался рядом с Ако, и когда юноша замедлял шаг или хотел идти быстрее, высокий мужчина брал его за локоть и говорил:

— Нельзя.

Для людей, толпившихся в порту, это было необычное зрелище. Несколько подростков бегом сопровождали странную процессию и бесцеремонно пялили глаза на темнокожего парня, который шагал рядом с полицейским и двумя портовыми чиновниками.

У здания портовой полиции шествие остановилось. Ако ввели в какое-то помещение, где было много столов и несколько мужчин в темной форменной одежде. Один из них разговаривал сам с собой, держа возле рта что-то наподобие ковшика. Кончив говорить, он положил ковшик и обратился к пришедшим:

— В чем дело?

Один из портовых служащих что-то рассказал ему, и полицейский чиновник записал все это на бумаге. Задав еще кое-какие вопросы, он велел доложившему служащему подписаться, затем отпустил его. Ако хотел уйти вместе с чужим господином.

— Оставайтесь здесь — остановил его полицейский. — Отвечайте этому господину, когда он будет вас спрашивать.

И господин спросил:

— Как вас зовут?

— Ако.

— Это имя или фамилия?

— Не знаю. Так меня зовут.

— Зовут ли вас еще каким-нибудь именем?

— Нет, только Ако.

— Хорошо. Когда вы родились?

— Не знаю.

— Сколько же вам лет? Как долго вы живете на свете?

— Не знаю. Мать говорила, что я родился через две луны после большого урагана, который смыл в океан много пирог и хижин.

— Но когда же был этот большой ураган?

— Не знаю.

Чиновник немного подумал и записал в протокол: «Судя по наружности — от 18 до 20 лет».

— Как называется то место, где вы родились?

— Хижина Оно. Оно — мой отец.

— А где находилась хижина вашего отца?

— На берегу залива, за пригорком. Чиновник начал нервничать.

— Что за залив? В какой стране находится этот залив?

— В Ригонде. Большой остров далеко в море.

— К какой народности вы принадлежите? На каком языке говорили ваш отец, мать, братья и сестры?

— На нашем языке, на ригондском языке.

— Ну, хорошо. Теперь расскажите, как вы попали на пароход, которым приехали сюда?

— Пароход ночью наскочил на парусник. Ако работал на паруснике. Парусник пошел ко дну, и все люди утонули, только Ако прыгнул на пароход и остался жив.

— Почему Ако не пошел к капитану, а прятался и крал пищу?

— Ако слышал, как капитан говорил с одним белым. Никого нельзя спасти, а то кораблю придется платить много денег. Если кто заберется на пароход, того надо сбросить в море. Ако не хотел в море, Ако хотел жить. Потому не пошел к капитану, а спрятался в лодке. Потом белые люди искали Ако. Тогда Ако убежал и спрятался под столом.

Чиновник что-то записал, потом прочитал другой протокол и вдруг строго воскликнул:

— Зачем Ако врет?

«— Ако не врет, говорит правду.

— Но белые говорят, что это неправда. Ако в порту залез на пароход и приехал к нам.

— Ако не знает, что говорят белые люди, но он говорит правду.

— Ну ладно. Подпишитесь здесь. •— Ако не знает, как надо писать.

— Тогда поставьте крестик. Вот так,.. — показал чиновник.

Ако посмотрел, как надо рисовать крестик, потом неловкими пальцами нацарапал его на бумаге в указанном месте.

— Уведите его в арестантскую, — сказал чиновник полицейскому. — Но сначала велите ему умыться.

Полицейский откозырял, потом сделал знак Ако. В каком-то другом помещении его подвели к крану, (полицейский пустил воду и знаками велел

Ако помыть лицо и руки. Когда исчез слой пыли, Ако уже больше не выглядел так дико. Заодно он и напился воды, потом последовал за полицейским. Его ввели в какую-то темную клетку, где вместо стен были железные решетки. В углу клетки стояла деревянная скамья. И окно, находившееся высоко над полом, также было изнутри зарешечено.

— А теперь живи себе спокойно, пока тебя не позовут, — сказал провожатый, замкнул дверь и оставил Ако одного.

Привычный ко всяким условиям, Ако чувствовал себя не так уж скверно в этой новой клетушке. Здесь было теплее, чем на дворе, белые не били, да и не ругали. Он сел на скамью, скрестив под собой ноги, и вскоре погрузился в легкую дремоту. Его разбудил скрежет замка. Какой-то другой мужчина в черном кивере — не тот, что давеча — открыл дверь каморки и впустил к Ако молодого человека. У того на голове была странная круглая черная шапка с твердыми широкими полями, а в руке блестящая кожаная сумка.

— Поговорите с этим господином, — сказал полицейский. — Расскажите ему все, он вам поможет.

Вошедший господин любезно улыбнулся и протя* нул руку:

— Ты Ако?

— Да; — смущенно ответил юноша.

— А я Вебстер, адвокат, которому поручено защищать тебя. Друг мой, тебе грозят большие неприятности, и если я не приду на помощь, тебе не сдобровать.

Полицейский запер дверь и ушел. Господин дружески похлопал Ако по плечу и сел рядом с ним на скамейку.

— Скажи, друг, чего бы ты теперь желал больше всего? Я хочу сделать так, чтобы твое желание исполнилось.

— Ако хочет вернуться домой, на Ригонду.

— Понимаю, дорогой, понимаю. Ты сможешь это сделать довольно скоро, но для этого завтра ты должен говорить так, как я тебе скажу. Завтра будет суд, понимаешь? Соберутся важные господа и решат, кто виноват. Виновный понесет строгое наказание, его заставят уплатить много денег и долго сидеть в такой вот кутузке, как эта. Ако ведь не хочет платить штраф и долго сидеть в кутузке?

— У Ако нет денег. Он хочет домой.

— Правильно. У тебя что-нибудь спрашивали, когда привели сюда?

— Спрашивали, как Ако попал на пароход и как приехал сюда.

— И что ты сказал?

— Так как было, я говорил правду.

— Как ты рассказывал? Расскажи мне все так же, как им.

— Я сказал, что работал на паруснике. Ночью пароход наехал на парусник. Парусник пошел ко дну, и все люди утонули. Только Ако прыгнул на корабль и остался в живых. Белые говорили, что сбросят в море, если кого-нибудь найдут на корабле, поэтому Ако прятался.

— Ай-ай-ай! Это плохо. Так Ако не следовало говорить. Если Ако будет так же говорить и завтра, то его не отпустят домой, а на всю жизнь упрячут в кутузку. Ну ничего, дело еще поправимо. Видишь ли, Ако, я твой друг, умный человек, я знаю законы и знаю, как надо говорить на суде. Если кого-нибудь хотят наказать, а он не умеет умно говорить, то я прихожу на помощь и говорю вместо него. Он должен только слушать и подтвердить, что я говорю правду. Он не должен удивляться, если я говорю иначе, чем было на самом деле. Он не должен говорить, что я лгу. Другие тоже лгут, но суд присуждает наказание тому, кто хуже лжет.

— Для чего надо лгать? — удивился Ако. 9

— Чтобы отпустили домой и чтобы не видеть в камере.

— Но Ако не сделал ничего плохого.

— Сделал. Только ты не понимаешь этого. Теперь слушай, как ты должен говорить завтра, когда соберутся важные господа. Ты должен сказать: Ако пробрался на пароход в порту, так как думал, что корабль пойдет на Ригонду. Потом Ако увидел, что корабль не идет домой. Тогда он захотел попасть обратно, но знал, что белые люди не повезут его второй раз бесплатно, а денег у него, чтобы заплатить за проезд, нет. Когда ночью пароход наехал на остов (скажи «остов» — у нас так называется парусник), тогда Ако пришла в голову хорошая мысль. Он будет всем рассказывать, что плыл на паруснике и спасся, тогда корабль отвезет его обратно бесплатно. Если Ако завтра на суде будет рассказывать так, суд увидит, что он славный парень и хочет только попасть домой. Господа судьи посмеются и выпустят Ако из кутузки. Он скоро попадет домой. Но если ты будешь говорить так же, как раньше, господа судьи рассердятся. Они скажут: «Ако хочет причинить зло капитану, поэтому так говорит». И они велят Ако избить и заставят делать тяжелую работу.

— Значит, Ако должен врать?

— Ты только должен разрешить мне говорить вместо тебя. И что бы я ни говорил, когда господа судьи спросят, правда ли это, Ако должен уверенно сказать: «Да, это правда». Тогда будет хорошо. Ако сделает так? — глаза мистера Вебстера по-кошачьи заблестели в темноте. Внушительный гонорар, обещанный капитаном Питфолом, если дело удастся привести к благополучному концу, весьма волновал способного

адвоката. Он понимал, что ведет опасную игру, но с простодушным сыном природы это можно себе позволить. Разумеется, можно было бы и оправдать Ако, но разве это окупилось бы? У этого бездельника не было и ломаного гроша за душой, между тем как за Питфолом стояли капиталы богатого парходства. Сто фунтов — это для него все равно что раз плюнуть. Лучше, если правда останется на стороне Питфола, — Вебстер старался не задаром.

— Хорошо, Ако сделает так, — ответил юноша. Адвокат велел поставить крестик под доверенностью и весело хлопнул Ако по плечу:

— Теперь все в порядке. Завтра Ако будет на свободе.

Наказав, чтобы Ако никому не рассказывал об их разговоре, адвокат постучал в дверь камеры. Вскоре пришел полицейский и выпустил его. Ако весь день думал, почему же он должен лгать, чтобы избежать наказания, если он не сделал ничего дурного. Белым людям, должно быть, виднее. у

2

На другой день Вебстер заявился к Ако с самого утра, проверил, хорошо ли тот усвоил его советы, и дал наставления, как держаться на суде.

— Главное, каждый раз, когда ты чего-либо не поймешь и не будешь знать, как отвечать, говори, чтобы я отвечал за тебя. А когда тебя спросят, почему ты вчера говорил иначе, скажи, что ты плохо понял вопросы и не смог правильно ответить.

Этот господин был так любезен, что позаботился о хорошем завтраке для Ако. И за ужин он заплатил. Теперь-то уж Ако должен был понять, что Вебстер ему друг и желает ему всего самого лучшего.

Вскоре пришел полицейский и заявил, что пора отправляться «а суд.

...Небольшой, похожий на церковное помещение зал. Покрытый красным сукном стол. За ним на возвышении сидел какой-то человек в— необыкновенном черном одеянии, с причудливой цепью на шее и неестественно светлыми взбитыми волосами, кончики которых были заплетены в косичку. В зале стояли две кафедры. У одной стал Вебстер — тоже в странном черном одеянии почти до пола, у другой — какой-то незнакомый господин в такой же самой мантии.

Судебное разбирательство продолжалось недолго. Капитан Питфол отвечает на несколько вопросов, потом судья кое-что спрашивает у Ако, и тот, переглянувшись с Вебстером, отвечает либо да, либо нет. Обоим адвокатам почти нечего делать, так как все свидетели говорят одно и то же.

Первым произносит речь адвокат Питфола:

— Это не первый случай, когда капитаны судов терпят неприятности из-за подобных авантюристов. Мало того, что эти люди недозволенным образом используют пароход как средство попутешествовать. Они наносят ущерб пароходству, переходя на его иждивение во время пути или же добывая посредством воровства пищу из судовых запасов. Лишь по весьма приблизительным подсчетам, обвиняемый, ригондский туземец Ако, потребил пищи из запасов, находившихся в распоряжении капитана Питфола, по меньшей мере на четыре фунта стерлингов. Если прибавить к этому стоимость проезда, которую ему полагалось бы уплатить за путешествие в третьем классе от Новой Зеландии до Фолкстона, то сумма нанесенных убытков составит около тридцати фунтов стерлингов. Капитан Питфол согласился бы примириться с этим и отказаться от иска на материальное удовлетворение, если бы этот преступный субъект злостно не оклеветал его, пытаясь нанести урон доброй славе уважаемого моряка, взвалив на него необоснованные обвинения в потоплении какого-то неизвестного судна. Из показаний свидетелей — штурмана Бернсли и рулевого Тайлора — суду ясно, что подобного случая не было. Пароход лишь вошел в соприкосновение с каким-то остовом, о чем и свидетельствует осмотр наружной части корпуса парохода. Почему обвиняемый лгал? Что побудило его прибегнуть к столь низкому средству? Ясность в это вносят объяснения защитника обвиняемого — моего уважаемого коллеги, мистера Вебстера. Спрятавшись на корабле, уроженец острова Ригонды Ако надеялся, что пароход «Уиндспайтер» пойдет в какой-то другой, желательный для него порт. Когда же оказалось, что он попал совсем в другое место, этот авантюрист — с какими суду, ох, как часто приходится встречаться! — выдумал нелепую басню о потоплении парусника и выдал себя за моряка с потерпевшего аварию корабля, чтобы — как это принято в среде моряков — заручиться правом бесплатного проезда на обратный рейс. Эти факты свидетельствуют о том, что мы имеем дело с закоренелым преступником, по отношению к каковым суд не должен проявлять снисходительности, ибо излишняя гуманность только поощряла бы к повторению подобных безобразий. От имени своего доверителя прошу суд приговорить обвиняемого Ако к высшей мере наказания и удовлетворить гражданский иск капитана Питфола на сумму тридцать фунтов стерлингов.

Мистер Вебстер, казалось, был совершенно ошарашен этой блестящей аргументацией:

— Я лишен возможности опровергать факты, на которые ссылается

мой досточтимый коллега. Вина обвиняемого действительно тяжела и его преступление несомненно доказано. Но я хочу обратить внимание суда на один факт, который в известной мере можно было бы счесть смягчающим вину обстоятельством: перед нами недоразвитый, примитивный человек, не имеющий правильного понятия о многих вещах, которые кажутся нам само собой разумеющимися. Его поведение менее определяется разумом, нежели дикарскими инстинктами. По существу, его можно приравнять к ребенку или слабоумному, который не несет ответственности за свои поступки. Хотя ложь о потоплении парусника и свидетельствует об известной сообразительности, все же не верится, чтобы обвиняемый сознавал преступный характер своего ложного показания. Поэтому, руководствуясь своим долгом, прошу уважаемый суд быть снисходительным, вникнуть в дикарскую сущность этого сына природы и вынести гуманный приговор. Мне хочется верить, что и мистер Питфол, ознакомившись с подлинным характером нанесенной ему обиды, проявит великодушие и отзовет гражданский иск о возмещении материального ущерба.

Да, мистер Питфол действительно проявил великодушие.

— Если он отказывается от своей мерзкой лжи, то я не требую денег! — заявил он, завоевав признательность суда и публики. Благородный, справедливый человек...

Суд удалился на совещание, и вскоре приговор был готов.

Уроженец Ригонды Ако признан виновным во всех инкриминированных ему преступлениях — незаконном путешествии из Новой Зеландии в Фолкстон на пароходе «Уиндспайтер», краже провианта и ложном показании о потоплении какого-то неизвестного парусного судна. За это он приговаривается к трем годам заключения в исправительной тюрьме с поражением в правах. Но, принимая во внимание чистосердечное признание подсудимого и низкий уровень его развития, суд находит возможным смягчить наказание до 1 года 6 месяцев тюремного заключения.

Как только позволил установленный судебный ритуал, адвокат Вебстер с сияющим лицом подошел к Ако.

— Ну, желаю счастья. Скажите мне спасибо, что так легко отделались. Я вам спас полтора года жизни.

— Теперь меня освободят... я смогу ехать домой?

— Нет, милый, еще не сейчас. Восемнадцать месяцев вам еще придется отсидеть в тюрьме. А потом., да, тогда, возможно...

— А что это такое — тюрьма? — спросил Ако.

— Это вы сейчас увидите. Вот эти господа вам покажут. Ну, прощайте.

Я тороплюсь.

Тут же в зале суда Ако арестовали и увели в Фолкстонскую тюрьму. Поступки белых людей становились все более загадочными.

— Эге-эй, чучело! По какому праву ты вздумал поселиться в нашей камере? Мы — бывалые, прожженные ребята, тузы и знаменитости, а ты кто такой? Что воробью искать среди орлов? Слыхал ты когда-нибудь о Большом Минглере, Банковском Минглере, Огневзломщике сейфов? Ничтожная тля, ты должен бы пасть в обморок от гордости, что сам Большой Минглер удостаивает тебя личной беседы.

Такими словами приветствовал Ако в тюремной камере приземистый, коренастый человек. У него не было правого уха и на лице выднелось несколько шрамов. Щетинистая борода и налитые кровью глаза придавали ему дикий вид.

Кроме него, в камере находилось еще четыре человека — все в одинаковой полосатой одежде, с бритыми головами, угрюмые и молчаливые. Только один из них — лет тридцати, высокого роста, серьезный и сдержанный — выделялся среди остальных своим приветливым красивым лицом. Он сидел отдельно на конце скамьи за простым столом и читал какую-то книгу, не обращая внимания на окружающую шумиху.

Тот, что представился как Большой Минглер, продолжал допрашивать Ако:

— Расскажи, желторотый цыпленок, кто ты такой! Как тебя звать? За какие подвиги тебя почтили королевским хлебом? Долго ли тебе дозволено пребывать в нашем великолепном отеле? Если ты не нем, то говори. Мои уши жаждут услышать твою брехню.

Перед тем как ввести его в камеру, Ако одели в грубое тюремное платье, а его прекрасные кудрявые волосы пали жертвой парикмахерской машинки. Он, вероятно, не узнал бы себя, если бы увидал сейчас свое лицо в зеркале.

— Ако не хочет врать... — наконец ответил он. — Белые люди врали и велели Ако врать. Поэтому Ако не может уйти. Но когда Ако выйдет на свободу, он никогда больше не будет слушаться белых людей и уедет отсюда.

— Эге, да ты к тому же еще и глуп! — воскликнул Минглер. — Дал

себя околпачить? Сколько же тебе коптиться здесь?

— Белый господин сказал, что мне восемнадцать месяцев сидеть в тюрьме. Это долго?

Минглер лукаво перемигнулся с остальными и печально вздохнул:

— Да будет милостив к тебе господь, бедный цыпленочек! Полтора года! Это значит, тебе предстоит состариться и сгнить. Теперь ты еще молодой человек, а когда тебя выпустят, у тебя во рту не будет ни одного зуба. Ты понимаешь, седой старик, которому одна дорога — в могилу? Если у тебя дома остался сын, вот этаким маленьким карапузом, то к тому времени он вырастет большой и у него уже будут большие дети. Плохо, братец. Весь свой век проживешь тут. И все время тебе нельзя, будет выходить из этой комнаты, зиму и лето, дни и ночи. А если ты не сможешь выдержать и начнешь беситься, то тебя засадят в такое место, где совсем темно.

В камере раздался громкий хохот. Тот, кто читал книгу, поднял глаза и впервые внимательно посмотрел на Ако. Подавленный, растерянный вид юноши вызвал у него улыбку.

— Не бойся, — сказал он. — Не так уж страшно. Твои волосы не успеют отрасти и до плеч, как ты уже будешь на свободе.

— Мансфилд, я тебе напоминаю... — угрожающе начал Минглер.

— Успокойся и не стражай этого человека, — мирно ответил Мансфилд.

— Я староста камеры, — вздыбился Минглер. — Вы, сопляки этакие, еще ходили с мокрыми носами, когда я уже сидел. И вообще Большой Минглер считает ниже своего достоинства вступать в какие бы то ни было пререкания с книжными червями.

— Но этого человека ты оставишь в покое. — Брови Мансфилда сдвинулись к переносью. Он дружески кивнул Ако: — Не слушай, что он там гавкает. Иди садись возле меня.

— Не ходи! — прошипел Минглер. — Если пойдешь, я с тебя с живого шкуру спущу. Я здесь повелитель. Ты, Мансфилд, еще не испытал на себе тисков Большого Минглера.

Ако все это время стоял недалеко от двери. Когда он, повинувшись приглашению Мансфилда, сделал небольшой шаг к столу, Минглер вскочил на ноги, и лицо его исказилось свирепой гримасой.

— Хочешь, чтобы я свернул тебе шею?

Тогда Мансфилд отодвинул книгу, встал и подошел к Ако. Взял его за локоть и подтолкнул к столу.

— Не бойся, поди и сядь. Он тебе ничего не сделает.

Ако пошел и сел. В камере наступило молчание. Все напряженно ожидали, что теперь будет. Мансфилд был почти на целую голову выше Минглера. Спокойно и уверенно стоял он посреди камеры и смотрел на обезображенное гримасой лицо своего противника. Кряжистая, плечистая фигура Минглера была чуть согнута в коленях, судорожно стиснутые кулаки вздрагивали, в уголках рта показалась пена ярости.

— Несчастный... — задыхался он. — Тебе жизнь надоела.

— Уймись, тебе же лучше будет, — проговорил Мансфилд. Но он слишком мало знал Минглера, так как появился в камере всего лишь несколько дней тому назад и за это время особых стычек со «старостой» камеры не случилось. — Этого парня я беру под свою защиту. Каждый, кто вздумает издеваться над ним, будет иметь дело со мной.

— Здесь кто старший, Большой Минглер или ты?! — взревел его противник. — Этот желторотый должен пройти сквозь огонь и воду, выучиться дисциплине и почтению к знаменитостям.

— Если он здесь чему и научится, то не от тебя, Минглер...

— Ну хорошо... Как видно, придется мне для начала дать урок тебе самому... Мансфилд, мне жаль твоих бедных косточек.

Это был поистине тигринный бросок, и при других обстоятельствах он сделал бы Минглеру честь — так молниеносно и напористо устремилась его плотная фигура вперед. Но кулак, который должен был повергнуть противника наземь, врезался в пустоту, и тело Минглера, движимое сильной инерцией, не встретило нужной опоры. Всего лишь несколько мгновений он балансировал, пытаясь обрести равновесие, но в этот момент, словно удар молота, белый кулак Мансфилда хватил Минглера по подбородку. Со стороны казалось просто невероятным, что именно этот кулак заставил фигуру Минглера подпрыгнуть, оторваться от пола и грохнуться оземь. Да, Минглер упал как подкошенный. Самый медлительный судья мог бы четырежды просчитать до десяти, пока «староста» камеры не открыл глаза и, пошатываясь, будто пьяный, не принял сидячее положение. Но прошел еще порядочный промежуток времени, пока он настолько пришел в себя, что стены и потолок камеры перестали кружиться у него перед глазами наподобие карусели.

— Разрази меня громом... вот это номер... — пробормотал ошеломленный Большой Минглер. — Мансфилд, где ты научился таким штукам?

— В ливерпульском боксерском клубе.

— Шельмец этакий, чего ж ты раньше молчал? Глупо держать такой талант под спудом. Ты мастер, Мансфилд. С полным моим почтением.

Чтобы достойно отметить это событие, я торжественно провозглашаю, что с сегодняшнего дня разделяю права старосты камеры с Мансфилдом. Эй, вы там, слышите — с этого момента будете повиноваться нам обоим. Как мы с Мансфилдом постановим, так теперь и будет.

Остальные обитатели камеры облегченно вздохнули. Единственный удар Мансфилда сокрушил деспотическую власть Минглера на вечные времена. Хотя Большой Минглер и был знаменитый парень и выдающийся мастер своего дела, все же гораздо лучше, если и он будет кого-нибудь бояться.

4

В тот день Мансфилд больше не притронулся к книге. Он не читал ее и на другой, и на третий день — все время, пока в тюрьме сидел Ако. В лице Мансфилда Ако приобрел учителя, который продолжал работу, начатую Боби Грейном и Джефрисом. Даже Ако понимал, что этот учитель намного превосходил обоих своих предшественников, умнейший и честнейший белый человек, с которым ему посчастливилось встретиться. В течение получаса Мансфилд выяснил умственный кругозор островитянина и составил правильное представление о его знаниях, жизненном опыте и незаурядных способностях. С помощью наводящих вопросов Ако рассказал Мансфилду историю своих злоключений. Мансфилд особенно заинтересовался его последним путешествием и обстоятельствами судебного процесса. Пораздумав над услышанным, он сказал:

— Пока ты не станешь таким же умным и хитрым, как белые, тебе всегда будет трудно. Они тебя будут обманывать на каждом шагу, и ты никогда не попадешь домой. Ты хочешь попасть домой?

— Да, очень хочу.

— Это хорошо. В нашем распоряжении целых восемнадцать месяцев. За учебой и время у нас пройдет скорее, оно не будет потрачено даром. И когда тебя выпустят из тюрьмы, ты будешь умный парень, и никто больше не посмеет обращаться с тобой так, как до сих пор. В нашем распоряжении 550 дней. Если ты ежедневно будешь выучивать по десять английских слов, то в день освобождения запас слов у тебя будет настолько богат, что ты сможешь свободно разговаривать обо всем с каждым белым. Но одного этого мало. Ты должен не только говорить и понимать, что говорят другие, но и то, что говорится в книгах. Поэтому ты должен научиться хорошо и правильно читать. Но и это еще не все. Я научу тебя писать и считать, не

прибегая к помощи пальцев, большие числа, сотни и тысячи. Каждый день я буду рассказывать тебе о том, как живут люди на свете сейчас и как они жили раньше, какие добрые и дурные дела творятся вокруг. После, когда ты выйдешь из тюрьмы, тебе многое станет понятным и ты сможешь учиться дальше без моей помощи.

— А ты разве не выйдешь из тюрьмы? — спросил Ако.

— Нет, друг, я буду сидеть еще долго, в шесть раз больше, чем ты... — Мансфилд усмехнулся.

— Почему одни сидят меньше, а другие больше?

— Потому что на некоторых господа судьи сердятся меньше, на других — больше. На меня они очень сердиты.

— За что? Ты такой умный и хороший белый человек. У нас на Ригонде умных людей уважали и все слушались их советов.

— Господа судьи считают, что я даю людям такие советы, которые идут во вред сильным мира сего. Например, если бы я был на воле и встретил тебя, когда тебя собирались судить, ты остался бы на свободе, а судовладельцам пришлось бы уплатить много денег.

— Как бы ты это сделал?

— Я бы сказал тебе, чтобы ты не слушался адвоката и на суде рассказал бы все так, как было на самом деле. Тогда бы они понесли наказание.

— Но тот белый... ада...

— ... адвокат...

— ... адвокат говорил, что он мне друг и хочет помочь — сделать так, чтобы мне было лучше.

— Он лгал. На самом деле он был тебе врагом, а другом — капитану и владельцам корабля.

— Почему это? Ведь я ему ничего плохого не сделал. За что же он меня возненавидел?

— Ему ты ничего плохого не сделал, но ты хотел сделать плохое судовладельцам. Если бы суду стало известно, что пароход потопил парусник, хозяевам пришлось бы уплатить за него. Они не хотели платить так много, поэтому капитан пошел к адвокату и сказал: «Мы тебе заплатим пятьдесят или сто фунтов, если ты сделаешь так, чтобы нам не пришлось платить за парусник. Пойди к Ако и обмани его». Видишь, Ако, адвокату очень захотелось заработать эти сто фунтов, поэтому он сделал так, чтобы все вышло в пользу капитана. Если бы ты не послушался его, он не смог бы заработать этих денег, поэтому ты был его врагом. Но будь у тебя еще больше денег, чем у капитана, заплати ты адвокату двести фунтов, он

повернул бы все в твою пользу. У нас можно делать так, что побеждает тот, у кого больше денег, а вовсе не тот, кто прав.

— Значит, правда стоит больших денег?.

— Верно, Ако. Правда в этой стране принадлежит деньгам, потому что деньги нравятся всем слабым людям, а правды многие боятся.

— У тебя, наверно, тоже было мало денег, поэтому надо сидеть в тюрьме?

— Нет, Ако, меня посадили в тюрьму за то, что я говорил правду и объяснял маленьким людям, которых притесняют, грабят и беспощадно угнетают богатые и сильные этой страны, что надо бороться против насилия и несправедливости. Простые люди — те, что гнут спины на тяжелой работе и которым очень тяжело живется, — верили и слушались меня: они отказывались работать на фабриках, в порту и в угольных копях за ничтожную плату и требовали большей. Они требовали для себя справедливости и в других делах, а я был их руководителем в этой борьбе. Тогда богатые и сильные рассердились на меня и посадили в тюрьму, чтобы никто больше не мог услышать моих слов.

— Но, значит, ты хороший человек. Почему хоро* ших людей сажают в тюрьму?

— Это ты, друг, после сам поймешь.

Потом Мансфилд провел первый урок по истории, который с таким же вниманием, как и Ако, прослушали и прочие обитатели камеры. Он рассказал своим слушателям в очень популярной форме о том, как с незапамятных времен одни люди старались эксплуатировать других и между ними происходила борьба. К концу урока у Ако появилось приблизительное представление о таких понятиях, как власть, собственность, рабы, классовая борьба и война.

— У нас, на Ригонде, никогда так не было, — сказал Ако.

— В таком случае вы счастливы, — ответил Мансфилд. — Но в тот день, когда на вашем острове поселится белый человек — колонизатор, и у вас начнется то же самое.

— Мы не пустим его поселиться на Ригонде.

— Он не станет спрашивать у вас разрешения. Он придет и силой принудит вас подчиниться. И вы будете работать на него, трудиться в поте лица, будете его слугами и рабами. А он будет беспрестанно трезвонить на весь мир, что делает вам доброе дело. Он не скажет, что эксплуатирует и обкрадывает вас, а скажет, что несет вам цивилизацию, просвещает ваш ум, из скотов делает людьми, темных язычников очищает, от грехов и обращает в христианство. И чтобы вы лучше повиновались ему, он приведет на

остров своего помощника. Тот начнет разглагольствовать о боге и святом духе и станет внушать вам, что нет никакого смысла гнаться за богатством и хорошей жизнью на этом свете, ибо после смерти вам воздастся за ваши труды и старания. Тогда вы станете думать, что вам выгодно жить впроголодь и быть рабами белого повелителя, — ведь после смерти вам воздастся за все. Так, Ако, поступают мои просвещенные соплеменники. Но они не хотят, чтобы об этом говорили. Тогда они очень сердятся и тех, кто говорит так, заключают в тюрьму.

Ако надо было как следует поразмыслить обо всем услышанном.

В тот же день, после немудреного тюремного обеда, они принялись за учебу. Ако оказался достойным учеником своего великолепного учителя. Одаренность юноши весьма облегчала дерзкую задачу Мансфилда — за полтора года сделать из первобытного создания в полном смысле слова цивилизованного человека с более правильными взглядами и представлениями, нежели в среднем у массы цивилизованных людей.

За неделю Ако выучил английский алфавит. Через месяц он уже мог по складам читать и писать не только все большие и малые буквы, но и целые слова. Обучение языку Мансфилд начал с самых аздов, уделяя особое внимание правильному произношению и обстоятельствам времени, которые в английской грамматике играют большую роль. Каждое новое выученное слово Ако должен был записать. В результате этих усилий уже в конце первого месяца Ако перестал говорить о себе в третьем лице, а говорил — я, мне.

Основные арифметические понятия он усвоил довольно легко, хотя и не проявлял особых способностей к математике. Прошел целый месяц, пока Ако одолел таблицу умножения, но Мансфилд не оставлял его в покое до тех пор, пока тот не стал допускать ни одной ошибки.

Через два месяца Ако уж больше не рисовал буквы и цифры, а бегло писал их. Его глаза уже привыкли к виду слов, и при чтении ему не приходилось рассматривать каждую букву. Для арифметических задач Мансфилд выбирал материал и данные из знакомой Ако среды. Столько-то кокосовых орехов, бананов, рыбы по такой-то и такой-то цене... Эти задачи соответствовали возможным в будущем сделкам на Ригонде, если бы там когда-нибудь появились англичане и вступили в торговые сношения с островитянами. Эти задачи имели целью не только приучить Ако к

процедуре торговли и технической стороне дела, но и вскрыть моральную сторону этого процесса — характер действий белых торговцев, их жадность и наглость. Хорошо осведомленный о приемах колонизаторов, Мансфилд беспощадно разоблачал их перед своим воспитанником и основательно знакомил Аю с действительной стоимостью наиболее ходких в колониальной торговле товаров. Аю узнал, что блестящие стеклянные бусы, до которых так падки островитяне, стоят сущие пустяки и что цена ярких хлопчатобумажных тканей определяется не красками и рисунками, а качеством ткани. Мансфилд составил нечто вроде примерной таблицы соотношения цен на продукты островитян и товары купцов, по которой мог бы производиться справедливый обмен.

Вначале другие обитатели камеры с иронией наблюдали за их занятиями и подтрунивали над тем, что Мансфилд, мол, хочет научить осла человеческой речи. Но когда Аю, которого они подразумевали под ослом, в самом деле заговорил на понятном им языке, они сами заинтересовались новыми сферами знаний, которые Мансфилд открывал перед своим учеником. Занятия с каждым днем становились все интереснее, и на третий месяц каждую лекцию Мансфилда так же внимательно, как Аю, слушали все остальные. Случалось даже, что Большой Минглер задавал вопросы, если ему что-нибудь было не вполне ясно. Тогда Мансфилд прерывал рассказ и на каком-нибудь простом примере пояснял непонятное. Особенно интересными были уроки истории, географии и народного хозяйства. Мансфилд умел так осветить материал, что в нем, кроме непосредственного рассмотрения предмета, выявлялись также эстетические и философские моменты: почему существует антагонизм между народами и классами, что в том или ином случае следует признать хорошим, а что плохим.

Невозможно во всех деталях рассмотреть обширную, ценную и разностороннюю программу, которую за эти полтора года сумел пройти Мансфилд и которую его воспитанник освоил в полной мере. Достаточно хотя бы упомянуть, что к концу отбывания своего срока Аю приобрел облик цивилизованного человека в лучшем смысле этого слова. Он бегло говорил, читал и писал по-английски, знал четыре арифметических действия с целыми числами, знал меры, вес, имел понятие о деньгах, у него было довольно четкое представление о земном шаре и солнечной системе, об истории человечества и государства, о классовой борьбе, о праве и морали. Много трудов положил Мансфилд на объяснение всего того таинственного в природе, что служило причиной суеверия и различных религиозных поверий; он на примерах разоблачал шулерские махинации

разных проповедников и мракобесов и достиг того, что разум Ако освободился от каких бы то ни было суеверий и религиозных предрассудков. Помимо всего прочего, Мансфилд познакомил Ако также с некоторыми общественными обычаями, с которыми ему следовало свыкнуться, если он собирается жить среди цивилизованных людей, посвятил островитянина в некоторые тонкости туалета и поведения. С таким багажом Ако мог довольно самостоятельно существовать в обществе белых и цветных людей и, если пожелал бы, развивать дальше свою личность до высшей ступени интеллигентности. Но самое главное, чего добился Мансфилд за эти полтора года, было то, что ему удалось пробудить в своем воспитаннике жажду знаний, огромную, целеустремленную любознательность. Чтобы Ако не утолял этой жажды из отравленных источников, Мансфилд составил длинный список книг, авторов и вопросов, с которыми советовал своему воспитаннику ознакомиться после, когда его выпустят из тюрьмы. Ако обещал все это прочесть.

Приближался день освобождения Ако, и Мансфилд обдумывал, как бы помочь ему в первое время по выходе из тюрьмы. Неожиданно он получил письмо от своего друга, который служил помощником капитана на пароходе австралийской линии. Эдуард Харбингер писал, что только что прибыл в Англию и его судно после разгрузки пойдет в Ливерпуль в сухой док на полукапитальный ремонт.

Мансфилд заставил Ако выучить наизусть маршрут до Ливерпуля и вместе с Большим Минглером, у которого в подобных делах был солидный опыт, разработал план, как островитянину попасть в сухой док и разыскать там Харбингера.

— Это мой лучший друг, хороший и честный человек, — сказал Мансфилд. — Если вообще кто-либо сможет и захочет помочь тебе попасть домой, так это только Харбингер. Можешь довериться ему так же, как и мне.

На небольшом клочке бумаги он написал другу письмо, в котором охарактеризовал Ако и просил позаботиться о нем, чтобы он не погиб среди акул метрополии.

Грустным было их расставанье. Столько благодарности чувствовал Ако к этому человеку, что ему было стыдно и горько выходить на свободу, в то время как Мансфилд еще оставался в тюрьме. Он должен сидеть в этой сумрачной, сырой клетушке, когда на воле сияет летнее солнце и мир расцветает июльской красой. Теперь Ако понимал, почему сильные мира сего держали взаперти Мансфилда — этого горного орла, который выше других взмыл в небо и с высоты своего полета, гораздо дальше и полнее,

чем большинство людей, видел мир, человечество и жизнь. Он видел слишком далеко, и его гордая песня могла пробудить тоску по просторам в сердцах тех, кто копошится внизу.

— Прощай, мой друг, я сохраню тебя в своем сердце на всю жизнь...
— прошептал Ако, отправляясь в путь. — И если этому суждено случиться, — моя родина всегда будет твоей родиной, твое счастье и горе будут моим горем и счастьем. Выдержи, выйди опять на свободу...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Эдуард Харбингер, окончив бриться, повязал черный галстук и надел новый штурманский мундир. Хотя «Тасмания» и была торговым судном, старый Кемпстер — шеф пароходства — желал, чтобы офицеры его кораблей носили на палубе форменную одежду — кителя с нашивками и фуражки с эмблемой фирмы на кокардах.

Эдуард Харбингер уже второй год плавал на «Тасмании» первым штурманом. Она считалась флагманским кораблем в пароходстве — самым большим и современным из всех двадцати шести пароходов Кемпстера, перевозивших грузы между метрополией и доминионами. Водоизмещением в двенадцать тысяч тонн, с холодильниками, электрическими лебедками и восемью пассажирскими каютами, «Тасмания» действительно стоила того, чтобы ее не доводили до точки, как это часто делают англичане со своими пароходами, не имеющими определенных маршрутов. Поэтому «Тасманию» время от времени отводили в док на междурейсовый или средний ремонт и наводили блеск. В пароходстве Кемпстера существовала традиция, по которой первый штурман «Тасмании» считался кандидатом на первое вакантное место капитана. Это означало, что Эдуард Харбингер мог надеяться при первой же возможности получить под свое командование какой-нибудь корабль. Конечно, не сразу один из больших пароходов, а какой-нибудь поменьше, на котором можно впоследствии выслужиться.

«Тасманией» командовал старый Томас Фарман. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что с Фарманом можно ладить, как с отцом, а плохо оттого, что Эдуард Харбингер не мог держать на столе в своей каюте портрет одной девушки, так как его каюта находилась рядом с салоном капитана, а молодая девушка была не кто иная, как Марго Фарман. И временами Харбингер даже сомневался, стоит ли таить от капитана эту дружбу с его дочерью, если на этот счет все и так уже строили довольно правильные догадки.

Неужели Томас Фарман и вправду был таким тупи* цей, что не узнавал почерка своей дочери на письмах, которые ему довольно часто приходилось вручать Харбингеру? Нет, он прекрасно знал, что первый

штурман переписывается с Марго, и иногда, сам не удосужившись написать домой, просил Харбингера, чтобы тот в своем письме сообщил то или иное о его житье-бытье.

Стало быть — никакой тайны тут не было. Только об этом еще открыто не говорили, и каждый был волен думать, что ему заблагорассудится. Что думала Марго и он сам, Эдуард Харбингер, это они оба знали, но пока Эдуард еще не получил корабля, они об этом никому не рассказывали. И до поры до времени портрет Марго скрывался в ящике стола, откуда его извлекали, когда двери каюты были заперты или когда капитан сходил на берег.

Эдуарда несколько удручало, что ему слишком редко и с большими перерывами доводилось видеть настоящую, живую Марго, так как «Тасмания» обычно уходила в далекие рейсы — в Австралию и Новую Зеландию. Недели две в гавани, несколько месяцев в море — для молодых, беспокойных людей это был довольно неприятный распорядок. Но именно на этот раз судьба, казалось, более благоприятствовала им, чем до сих пор, ибо «Тасмания» после разгрузки направлялась в док и у Марго Фарман были каникулы. Харбингер знал, что после ремонта «Тасмания» пойдет в Бельгию и Францию за грузом. Старый Фарман между прочим сказал, что Марго отправится с ним в Бордо. Это означало, что в продолжение нескольких недель она будет находиться совсем близко от Харбингера и от любимой девушки его будет отделять только стена каюты. За столом в кают-компаниях они будут сидеть друг против друга, а иногда и ночью, когда Харбингер будет стоять на вахте, Марго поднимется к нему на капитанский мостик и останется там до конца вахты. Самое позднее через год Эдуард получит корабль, потому что один из старейших капитанов уже поговаривал об уходе на пенсию. Конечно, это еще бабушка надвое сказала, и особенно полагаться на такое нельзя, потому что старым морским волкам не так-то легко уйти на пенсию. Был случай, когда семидесятилетний капитан ушел на покой и вроде бы распрощался со своей службой, а через полгода снова надоедал пароходчикам и просился обратно в море.

На корабле теперь было очень спокойно. Большая часть экипажа была рассчитана тотчас же по прибытии в гавань — оставался только постоянный живой «инвентарь»: капитан, Харбингер, старый механик, боцман, старший кочегар и буфетчик. Ремонтные работы производили докеры. Днем весь пароход гудел от стука маленьких молоточков. Сварочные аппараты выбрасывали в воздух синевато-зеленые снопы искр; здесь и там энергично работали люди с кистями в руках, и неопытным следовало очень поостеречься, чтобы не вымазать одежду свежей краской.

Эдуард Харбингер и Марго Фарман поднялись на верхнюю палубу — просторная и ровная, она представляла собой подходящую площадку для прогулок. Рабочие уже ушли, а капитан Фарман в своей каюте готовил отчет пароходству. До ужина у молодых людей оставалось порядочно свободного времени, и они неспроста взобрались сюда наверх. С палубы открывался вид на гавань и ближний рейд, где теснились бесчисленные пароходы — громадные пассажирские суда с несколькими трубами на каждом и торговые корабли разной величины. Многие корабли уходили в море, но вместо них в гавани появлялись новые — одни из Канады, из Южной Африки, Индии и Австралии; другие из ближних мест, со Средиземного моря и из ближайших европейских портов. Эта картина неизменно таила в себе что-то невыразимо пленительное, от нее веяло дыханием простора, она вызывала в сознании представление о других континентах и островах, о людях, живущих под сенью пальм; о звездном небе и искрящемся фосфорическим блеском далеком южном океане.

Марго очень любила этот час перемен в гавани. Как зачарованная, смотрела она вслед каждому чужому кораблю, черный или серый силуэт которого постепенно сливался с горизонтом и исчезал в дымке морского тумана. А Эдуард Харбингер в этот вечер видел только ее, Марго, и всегда было так, что в ее присутствии все обыденное и обычное теряло свое значение, будто вовсе не существовало.

— О чем ты думаешь, дорогая? — нарушил молчание Харбингер.

— О мужском эгоизме, — отвечала Марго, не отрывая взгляда от горизонта. В лучах вечернего солнца ее головка казалась словно позалоченной. Нежно светилось лицо, а глаза, печальные и счастливые, горели, как два маленьких солнца. — Во все времена мужчины присваивали себе все самое возвышенное и самое привлекательное, что может дать человеку жизнь, а женщине оставляли роль наблюдательницы. Ваши предки были завоеватели, пионеры, викинги и пираты. Они первыми переплывали моря, пересекали пустыни и через неизведанные цепи гор спускались в сказочные долины. Северный полюс и южный полюс, морские глубины и воздушное пространство между звездами и землей — все это впервые завоевано и познано ими. А мы должны сидеть дома, мечтать и томиться. За это вы щедро расточаете лесть нашим слабостям и неволе, стараетесь внушить нам, чтобы мы гордились своим назначением и хрупкостью, что, однако же, дела не меняет... а только позволяет вам пристойным образом избегать нашего участия в конкуренции там, где вы хотите действовать одни. Посмотри, Эдуард. Корабли уходят... корабли приходят. Куда? Из каких стран и морей? Почему мужчина может

путешествовать, куда ему вздумается, а мы должны довольствоваться рассказами? Штормы и ураганы, северное сияние и миражи, Летучий Голландец, Саргассово море и песни о пассате — все это ваше. Тебе не кажется, Эдуард, что это все-таки проявление ненасытности с вашей стороны — все прекрасное в жизни присваивать себе?

— Милый друг, но ты ведь знаешь, что я согласен делиться... действительностью и грезами, — улыбнулся Харбингер и легким прикосновением погладил ее руку. Ни он, ни она не были сентиментальны, и может показаться странным, что эти гармоничные, здоровые и жизнерадостные люди могли иногда вдвоем предаваться таким чувствам. И все-таки они нисколько не стыдились этого — потому что здесь не было ни позы, ни жеманства, а лишь естественное проявление минутного настроения. — Пройдет время... ты знаешь — тогда тебе не надо будет смотреть вслед уходящим кораблям. Мы вместе будем плавать далеко-далеко, в неведомые края, и, можешь мне поверить, — когда мы будем вдвоем, все чудеса дальних стран станут для меня гораздо более прекрасными и сказочными, чем до сих пор. Величавые картины природы и жизни внезапно обретут свое совершенство, когда их дополнит твое присутствие. Марго тихо засмеялась и прильнула к Харбингеру.

— Эдуард, а ведь стоит жить, если человек не слеп и видит прелесть жизни, не правда ли?

— Конечно, дорогая. Мы не слепцы и, надо надеяться, никогда не станем и близорукими.

На трапе раздались шаги. На верхней палубе появился боцман.

— Штурман, какой-то человек хочет поговорить с вами.

— Что ему надо? — спросил Харбингер. — Экипаж мы начнем набирать только через неделю, когда судно выйдет из дока.

— Я ему уже говорил, чтобы приходил после, но он стоит на своем. Станный тип, по виду похож на канака. Говорит, у него письмо от какого-то вашего друга. Пустить его сюда?

— Пусть идет... — сказал Харбингер.

Боцман ушел. Немного погодя на палубе появился молодой, прекрасно сложенный парень; наружность выдавала в нем полинезийца. На нем был белый полотняный пиджак и белые брюки, на ногах легкие парусиновые туфли. Застенчивый, немного грустный взгляд этого человека сразу пробудил у Эдуарда Харбингера симпатию.

— Вы Эдуард Харбингер? — спросил незнакомец.

— Да, вы хотели меня видеть?

— Мистер Мансфилд направил меня к вам. Вот его письмо.

— Мансфилд? — Харбингер вдруг заволновался, и в его голосе послышалась глубокая печальная задушевность. Он вскрыл письмо и стал читать.

С Мансфилдом Эдуарда Харбингера связывала старая и прочная дружба. До того как Мансфилд поступил в университет, а Харбингер начал учиться в морском училище, они были школьными товарищами. Но и после этого они не теряли связи, переписывались, встречались, и у них сформировались совершенно одинаковые взгляды. Мансфилд раньше нашел себя, выработал свои убеждения, занялся политикой и стал активным борцом. Харбингер впоследствии попал под влияние друга и начал смотреть на него глазами не то ученика, не то младшего товарища. Мансфилд был яркой и цельной личностью. Величайшая честность и жажда справедливости руководили всеми его поступками. У чиновников Скотланд-ярда он был на плохом счету, они неустанно шпионили за каждым его шагом. Когда его голос стал раздаваться слишком громко, призывая поработенных к борьбе против тиранов и эксплуататоров, его «изъяли из обращения», инкриминируя ему принадлежность к антигосударственной организации. Об осуждении Мансфилда Харбингер узнал из газет, и это событие заставило молодого моряка еще раз переоценить ценности. Еще более возросли его ненависть и презрение к сильным мира сего — к правящему классу богатеев и эксплуататоров, щупальцы которых уже давили и его самого.

Поэтому его так глубоко взволновало появление этого человека, который принес весть от томящегося в неволе друга. В сильном возбуждении прочел он письмо Мансфилда, и каждое желание, высказанное другом, было для Харбингера приказом, почетным поручением.

«Он был моим товарищем по заключению и в то же время одним из тех, кого наши соплеменники больше всего обижают. Нетронутая, чистая душа, исключительно одаренный человек. Он хочет вернуться к себе на родину, но нет ни единого точного указания, где она находится. Это, видимо, один из тех редких островов, мимо которых проскочили парусники капитана Кука и его преемников. Но если вообще кто-нибудь из белых уже видел этот остров, то можно с уверенностью сказать, что в скором времени он перестанет быть тайной для огромной армии разбойников, которая под

флагом торговли рыщет по экзотическим морям и континентам. Убежден, что ты не пропустишь сообщения, которое внесет маленькое дополнение в географические карты и калькуляции коммерсантов. Позаботься тогда, чтобы Ако возможно скорее попал на свой остров, — его присутствие там для племени Ако будет крайне необходимо. Я его более или менее подготовил для борьбы с белой акулой и, когда они столкнутся, предвижу драку не на шутку. Опасаюсь -аже, что Джону Булю придется порядком попотеть и обычным цивилизаторским ханжеством на этот раз он не возьмет. Самое лучшее, если бы ты на некоторое время взял Ако к себе. Он моряк и ни в коем случае не будет тебе обузой. Многому он уже научился — помоги ему дальше формироваться.

Самому мне живется так, как вообще может житься в тюрьме. С моим здоровьем эти годы ничего не смогут сделать, и если кто-нибудь льстит себя надеждой, что я ослабну и успокоюсь, то он строит свои волшебные замки на песке».

Так писал Мансфилд.

Прочитав письмо, Харбингер протянул Ако руку.

— Здравствуйте, Ако. Хорошо, что вы пришли ко мне. Я помогу вам.

— Благодарю вас, мистер Харбингер. Харбингер повернулся к Марго, которая отошла к реллингам и смотрела на какую-то шхуну, что как раз в это время на рейде подымала паруса, — красивое белое судно напоминало благородную птицу, которая после дремы расправляла крылья для полета.

— Марго, хочешь ли ты послушать океанскую легенду, одну из самых печальных легенд на свете?

Она посмотрела на них и кивнула головой. В этот момент Ако подумал, что трудно сказать, кто прекраснее: Нелима или эта белая девушка. Если она так же добра, как красива, то у Эдуарда Харбингера самая чудесная подруга из всех белых девушек. Ако желал ему этого от всего сердца. И она, должно быть, действительно была доброй, потому что сама подошла, протянула Ако руку, и голос ее звучал так дружелюбно и нежно, что грудь Ако наполнилась каким-то приятным теплом.

— Здравствуйте! Вы расскажете эту легенду?

— Ако расскажет о своей родине и о своей жизни, — ответил за островитянина Харбингер.

И Ако рассказал — о своем острове, о своих соплеменниках и об их жизни... о прекраснейшем в мире лунном сиянии и о бурях, срывающих плоды с деревьев на острове. Он рассказал также о матросах «Сигалла», о темной камере под полубаком, об унижениях и побоях, которые он получал от команды. Когда Ако окончил свой рассказ, Марго и Харбингер знали все.

Они взглянули друг на друга и горько улыбнулись.

— Все уладится, Ако, — сказал Харбингер. — Теперь уж вы не пропадете. Вы находитесь у друзей. Ведь не все белые одинаковы, не так ли?

— Конечно, есть разные белые, — отвечал Ако. — Добрые и злые. Только на лице ни у кого не написано, каков он.

— Эдуард, тебе надо бы сейчас же переговорить с отцом, — вмешалась Марго. — Может быть, Ако вовсе незачем ожидать целую неделю, пока «Тасмания» покинет док. Одним человеком больше или меньше на корабле, — это же не имеет никакого значения. Подумай только, что ему еще целую неделю придется томиться на берегу среди разных людей...

— Хорошо, Марго, я поговорю.

Харбингер оставил их на верхней палубе, а сам направился к капитану. Томас Фарман не был так романтически настроен, как его дочь и первый штурман. Нет, нет. Благодаря его осмотрительности, усердию и деловой распорядительности во всем он достиг того, что старый Кемпстер доверил ему свой флагманский корабль, и если он занимал такое высокое положение, то это не означало, что теперь можно ослабить вожжи.

— Вы знаете, Харбингер, что мы должны экономить. Содержание корабля стоит больших денег. Лишний человек, когда без него можно обойтись, отнюдь не доставит удовольствия судовладельцам.

Как раз на этом месте его прервал стук в дверь. На приглашение капитана вошел курьер конторы пароходства и подал письмо.

— Это от молодого мистера Кемпстера, — пояснил курьер. Он подождал, пока Фарман прочел письмо.

— Хм, да, — пробормотал старый моряк. — Хорошо, скажите мистеру Кемпстеру, что все будет в порядке.

Когда курьер ушел, он с минуту о чем-то раздумывал, потом сказал:

— Ладно, Харбингер, мы можем оставить этого парня, если он согласится быть боем кают-компания. Молодой Кемпстер хочет завтра вечером устроить на корабле небольшой прием для своих друзей. Понадобится человек, который поможет буфетчику обслуживать. Укажите ему каюту, и пусть буфетчик ознакомит его с основными обязанностями.

Таким образом, благодаря затее молодого Кемпстера устроить званый вечер на флагмане дело Ако уладилось без особых трудностей.

На другой день буфетчику «Тасмании» было отчего набегаться и над чем поломать голову. Понятно, он не впервые обслуживал приемы для знатных господ и знал, что поставить на стол. Сам капитан Фарман и тот чувствовал себя не совсем в своей тарелке, шутка ли сказать — молодой Кемпстер впервые по-настоящему собирался погостить на корабле, а он был единственным сыном шефа, и, по мере того как седел, слабел и хирел старый Кемпстер, у его единственного наследника все возрастали шансы принять в скором времени бразды правления над всем пароходством» Пока что Фред Кемпстер уделял больше внимания парусному спорту и скаковым лошадям, чем скучной канцелярской работе в конторе компании; однако не исключалось, что когда-нибудь объекты его интересов изменятся и он сделается требовательным и деятельным шефом.

О напитках буфетчику нечего было беспокоиться, их имелось достаточно на корабле. Но не единым вином да коньяком жив человек... Заботливый малый носился по магазинам, заказывал мясо, холодные закуски и все послеобеденное время потел на кухне. Ако очень мало смыслил в поварском искусстве; поэтому ничем особенным не мог помочь своему прямому начальнику, только разве вымыть и перетереть посуду, накачать воды, подложить дров в плиту, начистить картошки. Но и за то спасибо. Смекнув, что вновь принятый бой кают-компании пользуется благосклонностью первого штурмана, буфетчик обходился с Ако вежливее, чем этого требовала традиция.

Под вечер они оба переоделись в новые, чистые костюмы — черные брюки и белые кителя. Буфетчик дал Ако чистую салфетку — и велел носить ее перекинутой через локоть, — так требовал обычай. Стол в капитанском салоне был покрыт белоснежной скатертью. Посреди стола благоухали цветы. На всякий случай приготовили два подсвечника. Только не знали еще, на сколько персон накрывать стол, так как молодой Кемпстер не сообщил, сколько человек примет участие в вечере.

К вечеру у ворот дока остановились два автомобиля. Томас Фарман встретил гостей у сходней. Их было совсем немного — трое молодых мужчин и две дамы, которые не доводились своим спутникам ни сестрами, ни невестами, ни вообще близкими людьми. Просто они были достаточно красивы и интересны, чтобы принять участие в веселом кутеже, а на корабле можно вести себя куда непринужденнее и шумливее, чем в ресторане. Фред Кемпстер лишь между прочим познакомил капитана со своими спутниками и дамами, и только после, из их разговора, можно было понять, что маленький брюнет — знаменитый наездник, а стройный блондин Реджинальд — сын известного дипломата Джибса. Обе

прелестные незнакомки принадлежали к тому слою общества, о котором трудно сказать, относится ли он к лучшим или худшим кругам. Они имели какое-то отношение к искусству, возможно сами когда-нибудь пели, музицировали или только позировали художникам, может быть танцевали в каком-нибудь кабаре — точно неизвестно. В древнем Риме их называли бы куртизанками, теперь же они были подругами этих юношей, которые обращались к ним просто по имени — Мэри и Люси.

Стало быть, считая капитана, надо было накрывать стол на шесть персон. Но, войдя на корабль, Фред Кемпстер заметил где-то наверху возле штурманской рубки Марго Фарман и Эдуарда Харбингера. Молодая девушка очень походила на известную певицу, которой Фред Кемпстер прошлой весной совершенно безуспешно посылал корзины цветов и другие более реальные подношения. Ради нее он три месяца скитался по Парижу и Ривьере, но сердце прекрасной блондинки так и не смягчилось, и молодому Кемпстеру, впавшему в меланхолию, пришлось несолоно хлебавши уехать домой. С тех пор в каком-то сокровенном уголке его души осталась рана: каждый раз, когда он встречал женщину, хоть сколько-нибудь походившую на Кателину Титмаус, Фред волновался, прежняя страсть оживала с новой силой и повергала его в мрачное настроение. Но каждый раз это сходство оказывалось лишь поверхностным; была ли это прическа, походка, какой-то знакомый жест, линия носа, блеск глаз — в совокупности он этих черт нигде не находил, и внезапное волнение всегда кончалось разочарованием.

Фред Кемпстер не знал, кто такая Марго Фарман, но он увидел перед собой двойника Кателины. Если что-нибудь и отличало эту женщину от Кателины, то расстояние в 7-8 шагов, с которого он смотрел на Марго, скрывало это от взора Фреда. У нее были волосы, рост, походка Кателины; тот же профиль и такие же глаза, такие же величавые движения. Несколько мгновений молодой Кемпстер стоял в ошеломлении, не отрывая своего смущенного взгляда от фигуры незнакомой женщины.

Да, и тут ему показалось, что нет никакого смысла только вшестером садиться за стол, пить, болтать и слушать легкомысленный вздор Мэри и Люси.

— Мистер Фарман, — сказал он. — На мостике я видел какую-то юную даму с офицером. Они не принадлежат к персоналу корабля?

— Это, должно быть, моя дочь и первый штурман, — ответил капитан.

— Ну, и вы хотите оставить нас без хозяйки! — воскликнул Фред. — Мы будем рады, если вы пригласите их обоих к нам вниз...

Вот как получилось, что Марго с Харбингером пришлось принять

участие в ужине. Чтобы не обиделся старший механик, пригласили в салон и его. В конце концов со стороны молодого Кемпстера это было весьма демократично. Офицеры «Тасмании» должны были признать, что будущий шеф пароходства — славный парень и умеет уважать своих работников.

Нельзя сказать, чтобы Эдуард Харбингер особенно радовался возможности провести вечер в обществе молодого Кемпстера. В отношении этого человека у него не было никакого предубеждения, он был не лучше и не хуже, чем другие молодые люди его круга. Но именно в сегодняшний воскресный вечер он был совсем свободен и надеялся съездить с Марго в город посмотреть какой-нибудь фильм.

За столом Марго сидела рядом с Фредом. Старый Фарман был доволен сердечной атмосферой, создавшейся за столом, а обе городские дамы сразу сообразили, что молодого Кемпстера на сегодняшний вечер лучше оставить в покое. И невелика беда, так как Реджинальд Джибс и знаменитый наездник уделяли им достаточно внимания. Вообще вечер вышел совсем не таким, как предполагалось. Фред Кемпстер не мог отделаться от непонятого смущения, которое вызывалось присутствием Марго Фарман. Да, она была как две капли воды похожа на Кателину, только моложе, нежнее, очаровательнее своего знаменитого двойника. Ей недоставало опытности Кателины, но зато она обладала тем, чего никогда уж не вернуть Кателине: естественностью, неподдельной искренностью, не испорченной привычкой жеманства, непринужденностью.

Много пили, говорили и смеялись. Темнокожему бою, который время от времени заходил менять бутылки и посуду, впервые довелось видеть нечто подобное. Ако не нравилось, что все эти люди так явственно обращали на него внимание. Узнав, что Ако полинезиец, обе дамы буквально пожирали его глазами. Одна даже пыталась расспрашивать его, чтобы услышать, какой у него голос и как он говорит по-английски. Но еще больше не нравилось Ако, что возле Марго Фарман сидел этот чужой юноша, не нравились его странные взгляды и возбужденность. Он чутьем угадывал, что незнакомый парень угрожает счастью его нового друга, Эдуарда Харбингера, что у него есть какие-то намерения относительно Марго Фарман. Потому этот человек ему не нравился.

Европеец посмеялся бы над подозрениями островитянина, ибо все происходившее здесь не выходило за пределы обычаев, но если бы этот европеец обладал способностью угадывать мысли и настроения другого человека, то он вынужден был бы признать, что Ако прав. Фред Кемпстер не позволил себе ни одного намека, ни одним мускулом не выдал своих чувств, так как был истинным сыном своего племени, но в его мозгу

происходил очень напряженный процесс. Из разговора с Марго Фарман он узнал, что она проводит своего отца в следующий рейс до Франции. Но по взглядам, которыми обменялись Марго и Эдуард Харбингер, по отдельным случайно оброненным фразам он понял и то, о чем здесь ничего не было сказано: что эти люди любят друг друга. Не будь у Марго Фарман такого поразительного сходства с Кателиной, ему это было бы безразлично. Но она превосходила Кателину, была лучше и привлекательнее ее, а поэтому чувства и желания, какие вызывало это обстоятельство в душе Фреда Кемпстера, были сильнее и неотвратимее всего до сих пор пережитого. Это решило все. Сознание своей силы и преимуществ побудило молодого человека действовать. Не теперь и не так, чтобы его поведение было всем ясно и понятно, но согласно обычаям, которые оправдали себя в долголетней практике его предков — купцов и биржевых дельцов.

4

Два дня спустя Фред Кемпстер завтракал вместе с отцом на фешенебельной даче, находившейся у самого моря в полчасе езды от Ливерпуля. Роберт Кемпстер — толстый краснолицый, страдающий ревматизмом и болезнью сердца мужчина лет шестидесяти — помадой приклеивал свои редкие, седые волосы к затылку. За чашкой кофе он одним глазом читал газету: разумеется не все, что там написано, а только о пароходствах и биржевые новости.

Фред следил за выражением его лица. Спокойный, самодовольный вид отца и мелькавшая по временам улыбка свидетельствовали о том, что старик в хорошем настроении. Должно быть, в газете хорошие известия — он заработал. Несколько дней тому назад старый Кемпстер увеличил свое состояние на четыре новых корабля — какая-то попавшая в стесненные обстоятельства компания ликвидировалась, а Роберт Кемпстер, никогда не попадавший в стесненные обстоятельства, поспешил воспользоваться удобным случаем.

— Папа, доволен ты своими новыми служащими? — спросил Фред, как только старый Кемпстер отложил газету. — Оставишь ты на новых кораблях прежних офицеров или будешь искать других?

— Пусть остаются, кто захочет остаться, — ответил отец.

— А кто-нибудь хочет уходить?

— Определенно никто еще не заявлял, но капитан «Кардигана», наверное, перейдет служить на канадскую линию. Там ему обещают судно

побольше. Конечно, я не стану его отговаривать. Первый штурман «Кардигана» уже проплавал три года. Пусть он будет капитаном.

Фред откашлялся и некоторое время смотрел в чашку. Потом продолжал:

— Папа, а не думаешь ли ты, что нашим людям надо давать предпочтение при повышениях? Разумеется, это очень гуманно с твоей стороны, что ты оставляешь прежний персонал и даешь им возможность продвигаться на общих основаниях согласно обычаям нашей Компании... но разве это не вызовет огорчения среди наших служащих?

— Кому не нравится, пусть уходит! — отрезал старый Кемпстер. — Я никого не удерживаю, и мне, слава богу, не приходится тащить людей на аркане.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь из-за этого ушел, — осторожно продолжал наступление Фред. — Я даже далек от мысли, что кто-нибудь станет роптать. Но среди наших штурманов есть несколько знающих и ценных людей, которые достойны управлять кораблем. Что ты, например, думаешь об Эдуарде Харбингере? Он плавает первым штурманом на «Тасмании».

— Дойдет очередь и до Харбингера. Как только в капитанском составе произойдет какая-нибудь перемена, он получит корабль, а пока вовсе не плохо, что у старого Фармана на «Тасмании» такой дельный помощник.

— Тебе лучше знать, что полезнее для Компании, — согласился Фред. — Что же касается Харбингера, у меня есть желание личного порядка. Однажды он оказал мне очень важную услугу, не зная, кто я.

До сих пор мне не представлялось случая отблагодарить его. Позавчера я познакомился с ним, и мне стало очень неловко. Нам ведь не стоило бы ни одного пенни, если бы мы его выдвинули, но зато этот человек был бы куплен на всю жизнь, — морально он будет нашим должником до самой смерти. Поверь мне, тут не играют никакой роли личные симпатии. Давая Харбингеру «Кардиган», мы ничего не потеряем. Как раз наоборот, наживем солидный моральный капитал.

Старый Кемпстер с минуту раздумывал, потом, изобразив крайнее удивление на лице, посмотрел на сына и иронически улыбнулся.

— Первый раз вижу, что ты протезируешь порядочному и стоящему человеку.

— У меня нет твоего опыта, — оправдывался сын. — Но понемногу ведь пора и мне учиться правильно оценивать людей.

— Хочу думать, что ты уже кое-чему научился. Ну, хорошо, пусть будет так. Я дам Харбингеру «Кардиган». Но ему придется весьма

поторопиться, так как судно надо принять в ближайшие дни.

— Он не слишком-то опечалится из-за этого, — улыбнулся Фред. — Куда пойдет «Кардиган»?

— В новый Орлеан. Некоторое время он будет перевозить сахар с Кубы в Соединенные Штаты. Потом попробую определить его на какую-нибудь постоянную линию.

— Спасибо, папа. Не разрешишь ли ты мне эффекта ради сегодня же лично объявить Харбингеру о его повышении?

— Мошенник этакий... — Старый Кемпстер поднялся с кресла и похлопал сына по плечу. — Боишься, как бы старик не передумал, и поэтому торопишься поймать его на слове. Ну ладно. Поедем сейчас в город. В конторе выдам тебе официальное уведомление, и ты сможешь выступить в роли курьера.

У ворот их ожидала прекрасная голубая машина. Фред сел за руль, и через полчаса машина остановилась на Ливерпуль-сити перед зданием конторы пароходства. Пока отец совещался с руководителями бюро и разрешал самые неотложные текущие дела, молодой Кемпстер разыскал один кабинет на втором этаже, где встретился с главным агентом Компании Ноэлем. Это была старая плешивая крыса с кургузыми, привык* шими пересчитывать деньги пальцами — записной бумажный червь и биржевой маклер.

— Ноэль, хочешь ты оказать мне маленькую услугу? — без обиняков начал Фред. — Суший пустяк. Это тебе не будет стоить ни пенни.

— Значит, кому-то другому это обойдется во много гиней. — Ноэль ощерил целый ряд золотых зубов. — Что за дело?

— Ты заведешь фрахтовкой судов. От тебя зависит, куда какое судно идет и долго ли оно будет болтаться в тех или иных водах.

— Это зависит не от меня, а от конъюнктуры, — возразил Ноэль.

— Будь спокоен, старая конъюнктура. Коротко и ясно: можешь ли ты, пардон, хочешь ли ты сделать так, чтобы «Кардиган», который на днях отправляется в Новый Орлеан, остался бы по ту сторону Атлантики немного более года? Ты знаешь, что он мог бы там делать. Заставь его кружить по Мексиканскому заливу, изредка посылай в Перу или Манассу за каучуком, но во всяком случае позаботься, чтобы он не так скоро очутился в наших краях. Тогда моя дружба по гроб жизни тебе обеспечена. В противном случае, почтенный джентльмен, наши отношения станут сухими и натянутыми. Договорились, не так ли?

— А для этой аферы... то бишь, для этого коммерческого маневра достаточно веская причина?

— Даже слишком веская, но не выпытывай у меня подробностей, потому что я не хочу нарушить данное слово.

— Только вот еще что: нет ли здесь чего-нибудь против Роберта Кемпстера?

— Абсолютно ничего. Если судно приносит доход, значит его интересы не затронуты. Однако лучше, чтобы он ничего не знал.

— Я попытаюсь что-нибудь сделать, — сказал Ноэль. — И пока Роберт Кемпстер не скажет «нет», мачты «Кардигана» не появятся в поле зрения маяков Старого света.

— Благодарю, Ноэль. Ты хорошая конъюнктура. Они закурили по сигарете и расстались. Через четверть часа Фред Кемпстер получил от отца официальное уведомление о назначении Эдуарда Харбингера на должность капитана «Кардигана». Он сел в машину и уехал в доки.

Эдуард Харбингер был обречен на изгнание на несколько лет, потому что Марго Фарман слишком походила на Кателину Титмаус и у молодого Кемпстера была в сердце рана.

Эдуард Харбингер в комбинезоне цвета хаки находился вместе с боцманом на верхней палубе. Проверял принадлежности для спуска шлюпок и бочки для воды, когда Ако позвал его в салон.

— Молодой господин, который позавчера здесь веселился со своими друзьями, приехал и хочет вас видеть, — сообщил Ако. — Капитан тоже в салоне.

Харбингер подумал, не пойти ли сначала в каюту и сбросить вымазанную рабочую одежду или отправиться в салон в том, в чем он есть.

— Э, да что там... — махнул он рукой. — Какие там могут быть длинные разговоры. — И он пошел в чем был.

Молодой Кемпстер сидел у стола и курил сигарету. Томас Фарман бог весть зачем поставил на стол бутылку лучшей мадеры и три бокала. Вид у обоих был веселый и таинственный. При появлении Харбингера Кемпстер подмигнул капитану, и лица их, будто по уговору, переменили выражение, стали очень холодными и серьезными.

— Доброе утро, — приветствовал Харбингер.

— Доброе утро, Харбингер, — сдержанно произнес Фред Кемпстер и как бы нехотя протянул руку, потом откашлялся и замолчал.

— Вы хотели меня видеть? — спросил Харбингер.

— Да, Харбингер. Получается довольно неприятно, но тут уж ничего не поделаешь, — пробормотал молодой Кемпстер таким тоном, будто ему было очень неудобно сообщить штурману неприятную новость.

— Мое личное впечатление о вас довольно положительное, мой отец того же мнения — он считает, что вы человек стоящий. А что касается мистера Фармана, то он говорит о вас самое лучшее, но, несмотря на все это... принимая во внимание интересы пароходства и традиции... милый Харбингер, мы пришли к заключению, что в дальнейшем не можем вас оставлять на «Тасмании». Надеюсь, для вас это не будет большим ударом?

Несколько секунд Харбингер стоял, словно в оцепенении. Он всматривался в лица обоих мужчин, но они ничего не выражали. Он силился вспомнить, в чем и когда допустил оплошность, но ничего подобного не приходило на память.

— Мистер Кемпстер, если я вас правильно понял, я уволен, — наконец заговорил он. — Это значит, что пароходство недоволено мною, что в моей работе обнаружены ошибки. Увольнять и принимать — это, конечно, ваше дело, но мне все-таки хотелось бы знать: за что? Не будете ли вы так любезны объяснить, чем я заслужил это?

Уголки губ Фреда Кемпстера чуть дрогнули, но он сдержался и ответил уклончиво:

— Дело не столько в вашей работе, сколько в вас лично. Разумеется, каким уж уродился человек, таким он и должен быть, и ни мы, ни вы сами ничем тут помочь не можем. Короче говоря, мы не желаем совсем уволить вас со службы в нашей Компании, но оставить на «Тасмании» при всем желании не можем, поэтому мы решили перевести вас на одно из меньших судов. Вот официальное уведомление конторы. Пожалуйста, прочтите и дайте немедленно ответ — принимаете ли вы наше предложение.

Опустив глаза, Фред Кемпстер подал Харбингеру послание отца. Окончательно сбитый с толку молодой моряк прочитал:

«П/х „Тасмания“, первому штурману Эдуарду Харбингеру.

Довожу до Вашего сведения, что пароходная компания «Роберт Кемпстер и Сын» приобрела недавно 4 новых парохода, в связи с чем появилась необходимость в некоторых переменах в составе персонала. Принимая во внимание Вашу добросовестную службу на наших кораблях, а также стаж плавания и Ваши личные качества, мы сочли Вас достойным получить повышение и впредь исполнять обязанности капитана на одном из наших пароходов. В данный момент имеется вакантное место капитана на пароходе «Кардиган» водоизмещением в 5200 тонн. Просим срочно сообщить, согласны ли Вы перейти на «Кардиган» капитаном. Пароход

стоит в Кардифской гавани, и необходимо его принять до четверга, так как в субботу он должен отправиться в Новый Орлеан. В надежде, что Ваш ответ будет положительным, желаю вам наилучших успехов и удачи в Вашей дальнейшей работе.

С почтением, Роберт Кемпстер.

Р. 8. Более подробные указания получите от моего сына. К.».

Эдуард Харбингер понял, что над ним подшутили, но шутка эта была благожелательная и не оскорбляла, поэтому он присоединился, насколько позволяло его положение, к дружному громкому смеху, раздававшемуся в салоне.

— Мистер Кемпстер, вы умеете шутить, — сказал он, когда смех немного затих. — Еще немного — и я поверил бы и не на шутку огорчился.

— Только этого еще не доставало! — снова рассмеялся Фред. — Довольно и того, что шутка удалась. Ну, желаю успеха, мистер Харбингер!

— Благодарю, мистер Кемпстер. Надеюсь, что мне удастся оправдать доверие моих шефов.

Потом и старый Фарман долго тряс руку Харбингеру и наполнял бокалы, и Харбингер пожалел, что не скинул комбинезон, — на спине кое-где виднелись пятна краски.

Фред Кемпстер дал указания новому капитану:

— Лучше всего, если бы вы упаковали свои чемоданы и сегодня же вечерним поездом выехали в Кардиф, так как завтра уже пароход должен стать под бункеровку. Но, во всяком случае, сегодня до закрытия конторы явитесь к юрисконсульту и Ноэлю, там вас проинформируют обо всех подробностях.

У Харбингера выдался горячий денек: надо было в страшной спешке собраться в дорогу, утрясти все формальности, получить доверенности и заверить их в портовых учреждениях. Обегав все на свете и все уладив, он только несколько минут смог уделить прощанию со своими друзьями и товарищами на пароходе. Это было событие, которому, без сомнения, следовало радоваться, — долгожданное, давно желанное. Оно открывало перед Харбингером перспективы на будущее, давало его жизни новую, прочную основу и приближало для них с Марго миг осуществления общей мечты. Сегодня впервые они будто не замечали присутствия старого Фармана и не заботились о том, что он может подумать; но присутствие посторонних все-таки стесняло, и они удалились в пассажирскую каюту, где расположилась Марго.

— Когда я возвращусь в Англию... — сказал Эдуард.

— Когда ты возвратишься... — ответила Марго.

— Это не может затянуться надолго — два месяца, три, самое большее полгода — потом ты будешь плавать вместе со мной.

— Но ты должен писать мне почаще. Из каждой гавани, милый.

— Из каждой гавани, милая...

Часы жестокосердно прервали миг их счастья. Эдуарду пора было отправляться на вокзал. Когда он, увешанный чемоданами, вышел на палубу, у трапа его молча поджидал Ако. В спешке Харбингер совсем позабыл об островитянине. Он опустил свой багаж наземь и задумался, потом подошел к Ако и положил ему руку на плечо.

— Нам надо расстаться, друг. Вам будет лучше, если вы останетесь на «Тасмании». Этот корабль вас скорее доставит домой, он пойдет в ту сторону. А если вам когда-нибудь придется плохо и понадобится помощь, то поговорите с Марго. Она вам такой же друг, как и я. Марго проедет часть пути вместе с вами. Доверьтесь ей и берегите ее ради нашей дружбы.

— Все, что я смогу для нее сделать, я сделаю, — сказал Ако.

С тихой болью в сердце смотрел он вслед удалявшемуся Харбингеру и чувствовал, что опять остается одиноким. Странно, что всех хороших, честных людей, с которыми ему выпадало счастье встречаться в своих скитаниях, ему так скоро приходилось терять. Странно и то, что все эти честные люди были несчастны, жизнь не жаловала их. Плохо быть хорошим. Эдуард Харбингер сегодня еще улыбался, радовался, думал, что судьба балует его. Но он был слишком хорошим и порядочным, чтобы несчастье миновало его. Наверно, уж оно где-нибудь подстерегает его.

С той поры Ако всей душой привязался к белой девушке, любимой его друга. Он уже не чувствовал себя таким одиноким.

Старый Кемпстер с удовлетворением наблюдал за поведением сына. Оно ему все больше и больше нравилось. Казалось, что Фред начинает интересоваться более серьезными делами, нежели яхта, футбол и скаковые лошади. Перевод Харбингера был первым свидетельством того, что Фред начал углубляться в практические детали своей будущей деятельности. Эти детали, очевидно, интересовали его, так как через пару дней после отъезда Харбингера молодой Кемпстер заявил отцу, что хочет совершить рейс на борту «Тасмании» и как следует ознакомиться с условиями жизни и организацией труда моряков, — в будущем, когда ему придется самостоятельно руководить паропходством, ни одному капитану не удастся

провести его всяческими рассказами.

Само собой разумеется, что Фреду некогда было пускаться в дальнее плавание — до Австралии и обратно. Но сходи он на «Тасмании» лишь до Антверпена или Бордо, и в том не было бы особого толку: он увидел бы только прелюдию морской жизни. Поэтому Роберт Кемпстер с помощью главного агента внес небольшую поправку в рейсовое расписание судов пароходства: он направил «Тасманию» с углем в Геную и оттуда за зерном в Румынию. За это время один из кораблей этой линии мог пойти в док и произвести необходимый ремонт — Компания не будет в убытке, а будущий шеф приобретет ценный опыт.

Капитану Фарману сообщили об этом в конторе. Старый моряк в одно и то же время чувствовал себя польщенным и озабоченным. Это было из ряда вон выходящее событие *— на борту его корабля в этом рейсе будет находиться такой высокопоставленный пассажир, но к этому высокопоставленному пассажиру надо приставить няньку, — он привык к удобствам и к тому, чтобы ни в чем себе не отказывать. В силу некоторых обстоятельств пассажиров на торговых судах причисляли к экипажу или же к практикантам или прислуге, хотя никаких услуг от них не требовали. Так, например, Марго была приписана в качестве помощницы буфетчика и ей была предоставлена лучшая пассажирская каюта рядом с салоном. Могла ли вообще теперь Марго ехать, и не следует ли отдать ее каюту Фреду Кемпстеру?

Этот вопрос разрешил Фред, явившись однажды вечером на пароход и заявив, что пусть из-за него ничего не меняют в заранее намеченном плане. Если Марго расположилась рядом с кают-компанией, то пусть там и остается, а он удовлетворится любой каютой.

Но положение, конечно, было не такое уж бедственное, чтобы сын судовладельца ютился в обыкновенной каюте. Первый штурман, который занял место Харбингера, рад был возможности услужить молодому Кемпстеру, предоставив в его распоряжение свою каюту, — она помещалась тоже рядом с кают-компанией, а значит и рядом с каютой Марго, а сам штурман на этот рейс удовольствовался какой-то запасной кельей.

Фред Кемпстер, провожаемый несколькими друзьями, перешел на корабль в тот день, когда «Тасмания» вышла из дока и отправилась в Ньюпорт. В двухмесячное путешествие он взял с собой восемь костюмов, целый ворох белья и туалетных принадлежностей. Ако, которому поручили разместить гардероб важного пассажира, ломал голову, как все это развесить в маленьком шкафу. И хотя это была лишь часть обзаведения

Фреда Кемпстера, островитянин качал головой, недоумевая — для чего некоторые люди приобретают так много одежды. Они хотели выглядеть всегда по-разному; для определенного времени дня и занятий у них была особая одежда, и на переодевания они тратили уйму времени. Разве недостаточно человеку иметь два костюма — один рабочий, другой праздничный. Больше одного все равно сразу не наденешь, а другие люди видят только то, что на тебе, — ведь того, что в шкафах, им не покажешь. Странное хвастовство!..

Еще больше, чем эти мелочи, смущало Ако само присутствие на корабле Фреда Кемпстера. Он не был ни сыном капитана Фармана, ни братом белой девушки, и без него можно было прекрасно обойтись. Что ему здесь нужно? Почему он пришел сюда только тогда, когда Харбингер уже уехал? Почему он занял каюту Харбингера, рядом с Марго?

«Если бы Харбингер знал, как бы он посмотрел на это?» — спрашивал себя Ако. И предчувствие подсказывало ему, что Харбингер отнюдь не был бы рад. На Ригонде, если какой-нибудь юноша навязывался девушке, которая была подругой другого парня, то его прогоняли, как назойливую птицу. Там девушка сама решала, кто может к ней приблизиться, и если двое, парень и девушка, давали понять, что они любят друг друга, то другим уже нечего было вмешиваться.

Эти белые, наверно, нахальны и навязчивы.

По сравнению с тем, что Ако приходилось делать на «Сигалле», здесь работа была нетрудной. В его обязанности входило прибирать пассажирские и офицерские каюты, менять воду в графинах, выбивать ковры, иногда почистить кому-нибудь обувь, а в свободное время он помогал буфетчику и коку. Для работы в камбузе был еще один бой, немного завидовавший «дикарю», что ему доверили почетную обязанность обслуживать пассажиров, от которых иногда переппадают чаевые. Но дальше дерзких замечаний он идти не осмеливался, так как видел, что сам капитан благоволит к «дикарю».

В предвечерние сумерки, в тот час, который так любила Марго, пароход вышел в море. Залив был спокоен, как оз"ёро. Марго стояла на капитанском мостике и, необычно взволнованная (на этот раз в ее волнении не было грусти и томления, оно было радостным), смотрела на тихую панораму, на пылающее закатом небо и на рассеянные поморю корабли. Возле нее стоял Фред Кемпстер.

В Ньюпорте корабль окутался клубами черной пыли. Через горловины на палубе в бункера валил поток угля, все покрылось пылью, моряки ходили с черными лицами. Хотя иллюминаторы были плотно задраены и все двери плотно закрыты, пыль проникала и в каюты. Нигде не было спасенья. Оба пассажира «Гасмании» чувствовали себя пленниками, так как показаться на палубу и думать было нечего. Фред Кемпстер более одного дня не выдержал.

— Кто нас заставляет торчать на корабле, — сказал он Марго. — На берегу ведь тоже есть на что посмотреть.

Марго согласилась с ним. Они отправились на прогулку по городу и его окрестностям. Молодые люди не ограничились Ньюпортом, а поехали в Кардиф, нагулялись по холмистым улицам Пенарты и остальное время провели на взморье. Купались в море, грелись на солнце, с береговой дамбы наблюдали за приливом, бушующие валы которого врывались в ворота гавани и заливали песчаные острова, где догнивали остовы старых кораблей.

Сидя на террасе гостиницы за чашкой кофе, они смотрели на Бристольский залив, за дымкой которого можно было различить скалистые силуэты другого берега. Фред Кемпстер рассказывал о своей парусной яхте, на которой он объехал Британские острова и завоевал на одной из регат серебряный кубок. Он не хвастался, а упоминал, как о чем-то обыденном и само собой разумеющемся, о вещах и событиях, которые составляли содержание его жизни, а у Марго Фарман вызывали представление о чем-то далеком, ослепительном, недостижимом. Мчаться в прекрасной, мощной машине по дорогам своей родины, любоваться озерами и холмами, бродить с ружьем по заповедникам — разве это не прекрасно! Ницца, Монте-Карло, Давос-Платц, Париж, Мадейра, Венеция... чистокровные рысаки... паровая яхта водоизмещением в 800 тонн, которая сейчас как раз строится и на которой можно будет объехать весь мир... Золотистый блеск роскошной, ослепительной жизни развертывался перед Марго.

Фред Кемпстер был корректен и очень любезен.

После бункеровки пароход основательно почистили, тщательно скатили палубы. Снова море, чайки и дельфины, короткие ночи с бледными звездами и освежающим ветерком, прогулки по верхней палубе и восторженные мечтания в одиночестве.

Фред Кемпстер по-прежнему держался корректно и показывал себя с лучшей стороны, а Марго давно уже заставила побледнеть образ Кателины Титмаус.

Далеко за океанскими просторами Эдуард Харбингер вел свой корабль.

Может быть, в знойные южные ночи и он смотрел на звезды и думал о девушке, которая со временем будет сопровождать его в путешествиях. Может быть... Фред Кемпстер не хуже его. Молодой, осанистый, красивый... Эдуард Харбингер был там, Фред Кемпстер находился здесь.

Однажды в Бискайском заливе Ако видел, как Марго в смущении отняла свою руку, когда молодой Кемпстер пытался погладить ее. Пять дней спустя Ако видел эту же самую руку в пальцах Фреда, он играл ею, смотрел куда-то вдаль и, разговаривая, улыбался. И Марго тоже улыбалась, смущенная и взволнованная. А старый Фарман держал себя так, будто он ничего не замечает и не знает. Какая-то сила, намного превышавшая разум этих людей, делала свое дело. И когда они зашли в итальянскую гавань, разгрузились и через греческий архипелаг приближались к Мраморному морю, старый Фарман сделался вовсе слепым, зато Ако охватывало все большее беспокойство. Убирая каюту Марго, он иногда по утрам находил в пепельнице окурки сигарет. Марго не курила.

Ужинал молодой Кемпстер в салоне вместе с Марго и капитаном, но старый Фарман в таких случаях частенько вспоминал, что ему еще необходимо кое-что сделать в штурманской рубке либо отдать распоряжение боцману на завтрашний день. Он уходил, а Марго и Фред оставались одни.

Письма от Харбингера старый Фарман передавал своей дочери так, чтобы Фред не видел. И, написав ответ, Марго сама относила письма в порт, в почтовый ящик, либо тайком отдавала Ако, строго наказав отнести и опустить так, чтобы никто не видел.

Несколько дней Марго казалась очень встревоженной и подавленной. Фред Кемпстер держался как-то в стороне, а капитан неоднократно подолгу серьезно беседовал с дочерью. Ако не знал, что в это время происходило в душе Марго, но он смутно чувствовал, что это нечто важное и решающее. Потом троица, обретавшаяся в каютах салона, как будто повеселела. Фред Кемпстер снова улыбался и весело болтал с Марго, но девушка избегала смотреть Ако в глаза. Капитан Фарман теперь выглядел таким напыщенным и самоуверенным, как никогда раньше. Прогуливаясь по верхней палубе или капитанскому мостику, Фред Кемпстер брал Марго под руку, иногда они останавливались и, прижавшись плечом друг к другу, подолгу оставались в таком положении, глядя вдаль. И каждый раз, когда Марго что-нибудь говорила, она смотрела Фреду в глаза и улыбалась так нежно, как обыкновенно улыбаются девушки своим любимым.

Это была новая, непостижимая загадка для Ако. Он знал, что Эдуард Харбингер возлюбленный Марго. Теперь он видел, что и молодой Кемпстер

мил ей. Как это возможно, чтобы одна девушка любила двух юношей? Или, может быть, Харбингер больше не мил ей, потому что его здесь нет? Если так, тогда и...

Будто чья-то невидимая рука вдруг сжала сердце Ако, он вспомнил Нелиму, смуглую девушку на далеком острове. Не забыла ли и она своего друга и не нашла ли другого милого? Может быть, это Манго, с которым она при свете луны сидит на берегу острова и смотрит на отражение звезд в водах лагуны... Быть может, она уже живет в хижине какого-нибудь юноши, готовит ему пищу и ожидает его возвращения с рыбной ловли... Нелима...

Ако понял, как сильно должно болеть у Харбингера сердце, если бы он узнал, что случилось с его девушкой, — сердце белого человека болело бы так же, как и сердце темнокожего. Но Харбингер не знал этого, так же как не знал и Ако, что случилось с Нелимой. Оба они жили предположениями и надеждой.

Будто поняв, какие мысли угнетают Ако, Марго однажды сама заговорила с ним:

— Ако еще помнит своего друга Харбингера? — спросила она.

— Я никогда не забуду своего друга, — ответил юноша.

— Это правильно, Ако, его не надо забывать, — вздохнула девушка. —

Он хороший человек. Много на свете хороших людей.

— А мистер Кемпстер тоже хороший? — спросил Ако.

— Да, Ако. И он богатый, сильный человек... намного сильнее Харбингера. Если он захочет, то Харбингеру и всем нам будет хорошо, если не захочет, у нас начнутся большие неприятности.

— Как человек он лучше Харбингера?

Марго долго не отвечала. Темная тень легла на ее прекрасное лицо, которое имело счастье и несчастье слишком походить на лицо известной певицы, и ее голос как-то осекся, когда она сказала:

— Харбингер далеко отсюда и долго останется там — этого требует его работа. А когда он вернется из-за моря... мы будем друг другу чужие.

— Почему чужие?

— Потому что мы... я и отец... да и Харбингер... слабее мистера Кемпстера, а от него зависит наша жизнь.

— Ваша жизнь? Разве вы не можете жить, если он не благоволит к вам? — удивился Ако.

— Лучше, если он благоволит. Человек живет только раз, и ему хочется прожить свою жизнь лучше, красивее, приятнее, так, чтобы взять от нее как можно больше. Мистер Кемпстер так богат, что ему доступно

все, чего только может пожелать человек. Эдуард Харбингер может иметь только то, что в его возможностях, и это гораздо меньше того, что может Кемпстер. С ним, с Кемпстером, я смогу жить в роскоши, он мне даст все, о чем я мечтала... и он хороший и милый человек. Эдуард Харбингер тоже хороший и милый, но он не может дать всего, что мне нравится.

— А разве Кемпстер лучше и милее Харбингера? — еще раз переспросил Ако. На этот раз Марго оставила его вопрос без ответа.

Тогда Ако сказал:

— Жить на свете совсем просто, если человек правильно оценивает вещи, — так меня учил Мансфилд. Кушать можно только одним ртом, спать можно только в одной кровати и надеть можно только одно платье. И если есть что кушать для одного рта, если есть постель и одежда, то все остальное лишнее и ничего не дает человеку. Если один человек хочет больше, чем ему полагается, то он обкрадывает другого человека, — это тоже мне говорил Мансфилд. А он умный человек.

— Ах, Ако, тебе этого не понять. Ты вырос в других условиях и привык совсем иначе смотреть на вещи, чем мы, белые.

— Но ведь и Мансфилд белый.

— Да, но он не такой, как другие белые. Он смельчак и безумец, ему нипочем опасности и неудобства. Все не могут так поступать, потому что не все так отважны и сильны, чтобы рисковать и отказываться от того, что дает им жизнь. Я тоже не так сильна, чтобы отказаться от счастья.

— А разве счастье в том, чем владеет Кемпстер и чего нет у Харбингера? Я думаю, что счастье в том, чтобы жить вместе с тем, кто милее всех. Когда нас не будет в живых, мы ведь ничего не возьмем с собой из того, что было при жизни, — ни больших запасов пищи, ни множества кроватей, ни одежды. Человек останется таким, каков он есть.

Ако дивился некоторым поступкам белых людей.

Не ответив на самый главный вопрос Ако, Марго Фарман тем самым подтвердила его предположение, что Харбингер ей все же милее Кемпстера. Но еще милее и лучше самого человека ей представлялось то, что человеку принадлежит. Человек это не самое главное, — важнее и ценнее были для нее пища, одежда, жилище, деньги. Эта девушка любила вещи, поэтому могла принадлежать человеку, который не был ей мил, но которому принадлежали эти вещи. Действительно, ужасной властью обладают деньги, за них можно приобрести труд, свободу и любовь другого человека. А ведь Марго Фарман не плохая и не глупая девушка, иначе Харбингер не любил бы ее.

Будет ли любить ее Харбингер и тогда, когда узнает о случившемся?

Стоит ли любить такую девушку? Может быть, он поступит, как Кемпстер: отнимет у другого юноши, слабее и беднее его, любимую девушку — купит то, что можно купить. На рынке ведь так: кто больше заплатит — тот и берет вещь. Но разве и такие сделки приносят барыши?.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

На той же самой даче на берегу моря, в такой же утренний час отец и сын завтракали на открытой веранде. Но погода уже стояла не летняя, серые дождевые тучи затянули небо, и старый Кемпстер был одет в теплую шерстяную куртку. Попивая кофе, он то и дело покряхтывал.

Фред Кемпстер во всех подробностях ознакомил отца с впечатлениями от путешествия и наблюдениями над жизнью огромного парохода. Больше всего его поразил способ подготовки молодых моряков. Работа кочегара, старшего кочегара, матроса и боцмана была настоящим ремеслом со всевозможными профессиональными тонкостями, а все знания им приходилось приобретать случайным путем, — наблюдая работу старших товарищей и по своей инициативе интересуясь тем, что было непонятно. Люди, которые ничего не смыслили в навигации или в механике, приступали к работе совершенными профанами, и их развитие зависело от помощи старших товарищей и собственной сметки. Если попадались хорошие и толковые товарищи, которые разъясняли непонятное и показывали правильные приемы работы, то новичок быстро постигал тайны своего ремесла, но если он попадал в среду людей замкнутых, с предрассудками, то он мог годами плавать на корабле и все же не знать, как лучше держать пар в котлах, как стоять за штурвалом или вязать морские узлы. Для подготовки механиков и штурманов имелись школы. А матросы, кочегары и машинисты всему должны были научиться сами. А каждая без толку сожженная тонна угля стоила денег, любая снасть раньше срока приходила в негодность, из-за недостаточных знаний происходили недоразумения и несчастные случаи и за все это приходилось платить из средств пароходства. Фред предлагал основать школу или курсы для нужд своего пароходства, где за пару месяцев подготавливали бы матросов, кочегаров и машинистов. Во что обойдутся такие курсы? Почти что даром.

Компания, которой принадлежит тридцать больших пароходов, может позволить себе такую роскошь — истратить в год пару тысяч фунтов стерлингов на подготовку кадров.

Старый Кемпстер с улыбкой выслушал до конца предложение сына, потом покачал головой и сказал:

— Не только пару тысяч фунтов стерлингов — даже пенни я не собираюсь переводить на такие пустяки. Зачем мне швыряться деньгами, зачем учить матросов и кочегаров, которые потом уйдут плавать на пароходы других компаний? Пусть лучше другие готовят их для нас.

— Но ведь ни одна фирма этого не делает... — пытался возразить Фред.

— Зачем нам принимать на работу невежд? — продолжал старый Кемпстер. — Пусть другие выучат их на своих судах. Мы на свои принимаем на работу только, подготовленных, опытных моряков, и это нам не стоит ни одного пенни. Теперь тебе ясно?

— Вполне ясно! — восторженно воскликнул Фред. — Мне не пришло в голову, что можно и так. Папа, ты действительно превосходный делец — настоящий гений на хозяйственном поприще! И в самом деле, за каким чертом нам тратиться, если того же результата можно добиться безо всяких затрат. Пусть тра» тятся другие.

— Вот это совсем другой разговор. Было бы недурно, Фред, если бы ты так же быстро усвоил и все мои прочие принципы. С библейскими притчами в жизни далеко не уедешь. Лучше быть волком, чем ягненком. Что мое, то навсегда должно остаться моим, а то, что сегодня еще не мое, нужно постараться завтра или послезавтра сделать своим. Ненасытность — самая благородная и полезная из всех страстей. Только глупец или разиня не делают попыток завладеть предметом своих желаний. Болван раздумывает, а умный берет.

— Папа, позволь мне с твоего разрешения применить один из этих принципов сейчас, — проговорил Фред, когда умолк отец.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился старый Кемпстер.

— Одно дело, чисто личного свойства, — ответил Фред. — Если не ошибаюсь, то мне уже минуло двадцать восемь лет...

Роберт Кемпстер посмотрел сыну в глаза и улыб* нулся:

— Пора жениться, не так ли?

— Я думаю, ты ничего не будешь иметь против?

— Как раз наоборот — я бы приветствовал* это.

— Надеюсь, что в этом деле ты мне предоставишь свободу действий, — продолжал Фред. — Или, может быть, у тебя на этот счет имеются какие-нибудь соображения и планы?

— У меня только одно соображение и условие, — сказал старый Кемпстер. — Твоя жена должна быть здоровой, так как мне нужен внук, который после тебя унаследовал бы наши корабли, дома и другое имущество. Я не желаю, чтобы мое добро, хотя бы в третьем или четвертом

поколении перешло в руки чужих людей. И кроме того, твой брак не должен быть смешон.

— Об этом не беспокойся. Мой выбор вполне нормален. Мне кажется, мы достаточно богаты, чтобы делать выбор независимо от размеров приданого невесты.

На лбу старого Кемпстера залегли морщины недовольства.

— Ты уже выбрал? — спросил он, пытливо всматриваясь в лицо сына.

— Да. Это Марго Фарман, дочь нашего капитана Томаса Фармана.

— Против семейства Фарманов у меня возражений нет, но я желаю познакомиться с твоей невестой, пока она еще не стала моей невесткой. Если она глупа и старше тебя, то лучше и не показывай. Тогда я заранее говорю — нет.

— Она на восемь лет младше меня, образованная и прелестная девушка. Наш дом Марго не опозорит.

— Ну, хорошо. Через месяц «Полуночная мечта» будет готова.

«Полуночной мечтой» звалась паровая яхта, которую строили для Кемпстеров. Замечание отца означало, что если все будет в порядке, Фред сможет отправиться в свадебное путешествие на новой яхте. А что все будет в порядке, он нисколько не сомневался.

...Известие о помолвке молодого Кемпстера с дочерью капитана Фармана вызвало довольно бурные толки в тех кругах, в которых Кемпстеры имели вес, а эти круги были весьма широки и влиятельны. В газетах появились портреты помолвленных и пространные очерки о романтическом браке. По единодушному мнению общества, Марго Фарман делает блестящую партию и очень счастлива, а Фреда Кемпстера следует считать одним из самых романтических юношей «нашего черствого века, когда над чувствами властвуют расчет и коммерческие соображения». Друзья Фреда говорили, что у него отличный вкус, а молодые незамужние дамы или такие, у которых были сестры или дочери на выданье, добавляли, что Марго Фарман сумела опутать Кемпстера за время двухмесячного плавания.

Помилуйте, о чем же тут сожалеть! Если Фред такой простака, что дал завлечь себя, то...

Почтовые пароходы быстро бороздят океаны, а если надо какую-либо весть передать еще быстрее, то для этого служит телеграф. Случилось так, что уже через несколько дней после того, как в газетах появилось сообщение о помолвке Фреда Кемпстера и Марго Фарман, Эдуард Харбингер прочитал об этом в одной из американских газет. На следующий день Роберт Кемпстер получил из Галвестона телеграмму, в которой

капитан «Кардигана» просил освободить его от занимаемой должности и по возможности скорее назначить его заместителя.

— Вот тебе и новый капитан, — показал он сыну телеграмму. — Что бы это могло означать?

— Станный человек... — пробормотал Фред Кемпстер. — Не будем его удерживать. Если хочет, пусть уходит.

Но Марго он об этом ничего не сказал.

Вскоре после пробного рейса «Полуночной мечты» отпраздновали свадьбу. Роскошная яхта была подготовлена к дальнему путешествию. Так как маршрутом предусматривалось и посещение островов Южного моря, Марго уговорила Ако перейти на яхту в качестве ее слуги. Фред Кемпстер обещал, что вдоль и поперек исколесит все Южное море, пока не найдет таинственную родину Ако, о которой юноша рассказы* вал всякие чудеса.

Прямо со свадебного пиршества, в котором принимал участие лишь узкий круг ближайших друзей дома, новобрачные отправились на яхту. Было условлено, что вначале они отправятся к фиордам Норвегии и затем вдоль западного побережья Европы на Мадейру, на Канарские острова и в Средиземное море, где к ним присоединятся еще несколько человек — друзья юности Фреда Кемпстера. Их ожидала великолепная одиссея — то, о чем так страстно мечтала Марго.

Но когда яхта вышла в море, Ако стал замечать, что улыбка молодой госпожи Кемпстер, которой она отвечала на восторженные замечания своего мужа, была какой-то неестественной, вымученной. Море было очень беспокойно, Марго, верно, чувствовала себя плохо. Тогда Фред отослал ее отдохнуть, а сам остался на командном мостике и заговорил с капитаном.

— Не могу ли я вам чем-нибудь услужить? — спросил Ако, оказавшийся на пути своей госпожи.

— Нет, Ако, ничего не надо... — удрученно улыбнулась она. — Сегодня тебе больше ничего не нужно будет делать.

Ако молча посторонился. Они находились в коридоре возле двери каюты Марго.

— Я сегодня получила одно письмо, Ако, — сказала Марго. — Не можешь ли ты сохранить его у себя? Так, чтобы никто его не увидел...

— Да, госпожа, я сделаю это. Никто не найдет. Она отвернулась и поискала спрятанный на груди конверт, затем подала его Ако. Он тотчас же спрятал письмо в карман.

— Там нет ничего страшного, но лучше, если мой муж не узнает об этом... это причинит ему боль, — сказала Марго. — Но уничтожить письмо мне не хотелось бы. Это для меня последняя память от твоего друга, Ако.

— Письмо не пропадет, и я его никогда не буду читать, — заверил Ако.

— Ты можешь его прочесть. Оно от Эдуарда Харбингера. Он ушел с корабля и поступил на другое место... Смотрителем маяка в каком-то пустынном и мрачном месте.

— У него там будет хорошая жизнь... лучше, чем на корабле? — спросил Ако.

— Там он будет один... одинок, но свободен... — прошептала Марго. — Нет, Ако, там ему будет гораздо хуже, чем на корабле.

— Почему же он тогда ушел с парохода и поселился на маяке? — продолжал Ако.

Марго хотела что-то сказать, но слезы сдавили ей горло. Она вытерла глаза, странно улыбнулась и вошла в свою каюту.

«Что за странные люди! — думал Ако. — У них на сердце больно, а они притворяются веселыми. И сами же они себе причиняют боль».

Со скоростью двадцати миль в час «Полуночная мечта» мчалась на север, навстречу Шотландским островам, Оркнеям, заполярному солнцу. Море было бесцветно, и большие птицы, которые с криками следовали за яхтой, казались такими же бесцветными, как и все то, что мог различить человеческий глаз в этой растревоженной стихии.

Из чудес Арктики им довелось увидеть очень мало, так как все время, пока «Полуночная мечта» плавала в северных водах, погода стояла ненастная и ветреная. Они упустили подходящее время для такого путешествия и прибыли туда с большим опозданием. Осмотрев Нордкап, завернув в несколько наиболее примечательных норвежских фиордов и задержавшись на пару дней в одном из портов Северной Франции, они поспешили на юг. Бордо, Биарриц, Лиссабон, Мадейра, Канарские острова, Гибралтар, Болеарские острова, Ривьера... незнакомые места и незнакомые люди быстро сменялись, мелькали у них перед глазами. Фотоаппарату Марго каждый день была работа. Охотнее всего она фотографировала мрачные, уединенные места на берегу моря, темные скалы и расположенные где-нибудь на отшибе мысы, где по ночам мигали огни маяков. Каждый раз, когда «Полуночная мечта» проходила мимо какого-нибудь одинокого маяка, взор Марго, как зачарованный, останавливался на нем и в потемневших глазах молодой женщины угадывалась боль. Она знала, что там нет Харбингера, что он коротает свои дни где-то далеко, на

севере, где сейчас стремительный Гольфстрим разбивает буруны о прибрежные скалы, и все же каждый встреченный по пути маяк наводил ее на мысль о далеком друге, и мрачной в ее воображении представлялась его судьба.

Вначале ее ослепила новая обстановка, роскошь яхты, удобства, почти неограниченные возможности в исполнении любого желания, связанного с деньгами. Когда же такое положение стало обыденным и привычным, — а это происходит скорее, чем принято думать, ибо способность человека свыкаться огромна, — вещи утратили свое магическое обаяние, и снова единственно весомым и значительным остался сам человек со своими радостями и горестями, стремлениями и чувствами.

Фред был очень мил и внимателен — такой, каким обыкновенно бывают все влюбленные мужчины. Он не навязывал Марго своих привычек, но старался деликатно приноровиться к ее привычкам.

Более месяца прошло с начала путешествия, когда на Ривьере к ним присоединились новые спутники — Реджинальд Джибс со своей сестрой Грейс и друг детства Фреда Вальтер Дорман с супругой Эвелиной, американкой по происхождению. Все они были еще молодые и жизнерадостные люди. С их появлением жизнь на «Полуночной мечте» приобрела более шумный, веселый и богемный характер. Интимная тишина, в которой пролетел медовый месяц Кемпстеров, сменилась бесшабашными празднествами, когда хлопали пробки от бутылок шампанского, наигрывал патефон и в салоне шаркали ноги танцующих. Но так как путешествие было рассчитано по крайней мере на год или на полтора, на яхте существовала негласная договоренность, что каждый путешественник станет придерживаться своих привычек и будет жить так, как ему заблагорассудится, — иначе они скоро надоедят друг другу. Каждый вставал, когда хотел, кушал — как привык дома, и убивал свое время так, как находил наилучшим. Это не значило, что каждый в отдельности вел на яхте образ жизни обособленный и своеобразный, — ведь все они получили примерно одинаковое воспитание, вышли примерно из одной среды, и уже одно то обстоятельство, что они собрались сюда, чтобы принять участие в общем приключении, свидетельствовало о том, что у всех членов этого общества были почти одинаковые интересы и одинаковый стиль жизни. Таким образом, хотя каждый из них придерживался своих привычек, в действительности они держались общих традиций. Единственное различие составлял темперамент каждого члена этого общества, и этот темперамент в первую очередь почувствовал на себе темнокожий островитянин Аю.

На яхте он считался слугою Марго. Фреда обслуживал специальный камердинер, а к Джибсам и Дор— манам были назначены двое других. Ако был виною тому, что обе чужие дамы нарушили этот порядок и распределили обязанности прислуги иначе. Они пожелали, чтобы мелкие услуги им оказывал экзотический островитянин, а не надутые вымуштрованные английские стюарды. Это путешествие было необычно и романтично уже по одному своему маршруту, и для полноты картины необычным должно было быть и все остальное.

Нам необходимо помнить, что Ако уже исполнился двадцать один год, и это была пора его физического расцвета. Ни тюрьма, ни скитания по чужим краям не пошли во вред ему. По меньшей мере шести футов ростом, пропорционально сложенный, с очень своеобразной упругой походкой и правильными чертами лица, он безусловно был красивым парнем, не только в понимании своих соплеменников, но и в глазах любого, хоть мало-мальски разбирающегося в физической красоте человека. Но наибольшую привлекательность в глазах Эвелины Дорман и Грейс Джибс ему придавало его экзотическое происхождение. Он пленил их как существо из чуждого, неведомого мира, и здесь, на яхте, где течение жизни не расплывало внимания человека на тысячи различных неожиданностей и условно важных мелочей, Ако, сам того не желая, стал самым незаурядным и примечательным явлением.

Тому типу женщин, который Ако знал у себя на родине, больше всего соответствовала темноволосая американка Эвелина Дорман, в жилах которой, как гласило предание, текла кровь и коренных жителей Нового Света — индейцев. Всякий раз, когда она при» зывала Аполлона Южного моря в свою каюту, ее глаза странно загорались и бесстыдно, словно стремясь заморозить, смотрели на него. Она никогда не требовала от Ако трудных и неприятных услуг. Вывести на одежде какое-нибудь случайно посаженное пятно, почистить туфли, смахнуть пыль с полированных вещей в каюте — это ведь сущий пустяк. Эвелина каждый раз расспрашивала Ако о его прежней жизни, о нравах и обычаях на Ригонде и про.то, как там молодые любят. Человеку ее круга такая форма беседы могла бы показаться насмешкой, но Ако не чувствовал иронии, и в действительности ничего иронического здесь и не было — просто нездоровое любопытство.

Иногда Эвелина даже старалась прикоснуться к нему, как бы невзначай погладить руку или щеку и при этом ободряюще усмехалась. Точно так же держала себя и Грейс Джибс, светловолосая стройная северянка с голубыми глазами, в которых появлялся лукавый блеск, когда Ако смотрел на нее.

Но он ничего не понимал. Эти женщины были для него всего лишь повелительницами, белыми господами — больше ничем. Уйдя от них, он переставал о них думать. Все его мечты летели за море, вдаль, к зеленому острову. Там были цветы и радость, там при свете луны сверкала лагуна и одна девушка ожидала его домой. Нелима звали ее. .Что значило в сравнении с ней все остальное!

Им некуда было спешить. Реджинальд Джибс оказался непригодным к дипломатической карьере, а чтобы добиться успеха на каком-либо другом поприще, надо было прежде всего это поприще найти и избрать. А пока этого не случилось, он мог спокойно убивать время и тратить свою долю из семейных доходов, не беспокоясь о том, что когда-нибудь этот золотой источник может иссякнуть. Вальтер Дорман в материальном отношении зависел от своей жены, капиталы которой обеспечивали его благополучие. Если Эвелине нравилось путешествовать, то у Вальтера, естественно, не могло быть против этого никаких возражений. Ключом к счастью этого общества были деньги. В определенное время и в соответствующем месте стричь купоны — не бог весть какое большое и хитрое дело, Реджинальд Джибс и Вальтер Дорман отлично умели это делать.

Самым занятым человеком этого общества в таком случае был Фред Кемпстер, которого по возвращении из путешествия ожидали определенные обязанности и определенная работа, но и ему особенно торопиться не приходилось, так как старший Кемпстер был еще жив и хорошо справлялся со всеми делами.

Маршрут путешествия был выработан заранее, но они могли свободно распоряжаться сроками. Случалось, что в каком-нибудь месте, где они предполагали задержаться несколько дней, им не нравилось. Тогда они сразу же отправлялись дальше. А другое место, где намечалось лишь возобновить запасы продовольствия, им приходилось по вкусу. Там они проводили три, четыре и больше дней. Бросив якорь в какой-нибудь гавани, они выходили на берег и направлялись в глубь страны. Так они посетили памятники античного мира, поездили верхом на ослах по Балканским горным отрогам, полюбовались красотами Канн и Галилеи, поднялись вверх по Нилу до Хартума и сделали много интересных снимков египетских пирамид и сфинксов. Всюду они встречали людей своей расы и всюду чувствовали себя как дома. И каждое непредвиденное препятствие

помогали преодолевать деньги.

Красное море... Индийский океан... Коломбо... Бенарес... Рангун... Сингапур. Поездка в глубь страны до подножия Гималаев, охота на тигров в джунглях, посещение искателей жемчуга, знойные дни и напоенные истомой тропические ночи, таинственный сказочный Восток... Вдоль китайского побережья они поднялись до самой Японии и целый месяц пробыли в «стране восходящего солнца», потом повернули обратно, с тем, чтобы, миновав Филиппинские острова, Целебес и Новую Гвинею, направиться в безбрежные просторы Океании.

Южное солнце и звезды буквально опьяняли северян. Ослепительными радужными видениями мелькали перед их глазами картины, одна прекраснее другой.

— Довольна ли ты путешествием? — спрашивал свою жену Фред Кемпстер.

Вздыхая, она была полна счастья:

— Мне кажется, что это сон. После него даже умереть не трудно.

Темный огонь в глазах Эвелины Дорман полыхал все ярче, ногти ее порою хищно впивались в плеча Аكو.

— Ты прекрасен, Аكو. О чем ты мечтаешь по ночам? Он покорно улыбнулся и не находил ответа.

— Знаешь ли ты, Аكو, что такое любовь? Любил ли ты? Какая она? Красивее меня? Лучше?

— Белая госпожа, очень красива, — сказал Аكو, — островитяне не белые. Ригондские девушки все темнокожие.

— А тебе нравятся белые женщины? Какие тебе кажутся красивее: такие ли, как я, или такие, как Грейс Джибс, светловолосые и с голубыми глазами? Эти светловолосые коварны. Они любят только себя, Аكو, ты берегись их.

Вопросы Эвелины часто ставили Аку в неловкое положение. Тогда он прикидывался более недалеким, чем был на самом деле, не ведая, что именно эта его наивность более всего пленяла искушенную женщину. А когда Аку шел убирать каюту Грейс, светловолосая северянка мешала ему работать.

— Зачем ты так спешишь, Аку. Я хочу, чтобы ты подольше задержался у меня.

И однажды она ему тихонько шепнула на ухо: *— Сегодня ночью, когда стемнеет и все уйдут спать, ты приходи ко мне. Приди так, чтобы тебя никто не видел. Я тебе что-то расскажу. Только никому не говори об этом.

Но Ако не пришел. Когда Грейс на другой день упрекнула его в непослушании, Ако солгал:

— Я не мог спуститься вниз, потому что у трапа все время сидел штурман. Он сказал: «Иди спать, что ты слоняешься тут!»

— Тогда приходи сегодня ночью. Не вечно же там будет сидеть штурман.

Но Ако не пришел и в эту ночь. Перехватив раздраженные взгляды Грейс, которые та бросала на Ако, Эвелина Дорман поняла, что островитянин равнодушен к блондинкам. Это ей пришлось по душе, и в следующий раз, когда Ако находился в ее каюте, Эвелина, возбужденно посмеиваясь, заглянула ему в глаза:

— Ты порядочный парень, Ако, если Грейс на тебя сердится.

И прежде чем он успел опомниться, она поцеловала его в висок. Ако показалось, что ко лбу его прикоснулся пылающий уголь.

— Понравилось тебе?

— Я не знаю... госпожа. Это было впервые.

— Но ты должен научиться, Ако. Это ведь чудесно... Только не смей никому рассказывать об этом.

Разумеется, Ако никому ничего не сказал. Одно время его одолевало желание поговорить о странном поведении белой леди с Марго — может быть, она дала бы хороший совет, но ему было стыдно заводить об этом разговор.

Не дождавшись взаимности Ако, Грейс Джибс заметила, что на яхте есть красивый рулевой, молодой парень Чарльз Смит. Он, конечно, не был столь экзотичен, как Ако, но в его взоре полыхало то первобытное пламя, вспышки которого Грейс тщетно ожидала в глазах Ако. Его взгляд настойчиво провожал Грейс, когда она появлялась на палубе, — она знала об этом.

Вечером, когда он стоял у руля, Грейс поднялась на капитанский мостик и лукаво, поощряюще посмотрела ему в глаза. Парень покраснел, смутился, и яхта стала рыскать из стороны в сторону.

— В чем дело, Чарли? — воскликнул штурман, бросив взгляд на компас. — Курс позабыл, что ли?

Грейс возбужденно засмеялась и сошла на палубу. Час спустя сменялись рулевые. Когда Чарли Смит спускался по трапу, ему навстречу в ночной полутьме сверкнул уголек сигареты. Получилось так, что ему пришлось остановиться, чтобы пропустить Грейс, так как он оказался у нее на пути. Опять глаза ее лукаво усмехнулись, и рядом с Чарли раздался шепот:

— Четвертая кабина справа... Приходи через час. Но ты должен уметь молчать.

Чарльз Смит был сообразительней Ако. Он пришел. И он умел молчать. «Полуночная мечта», словно во сне, скользила по водам Кораллового моря. * ...Две разные жизни в непосредственной близости друг от друга протекали на великолепной яхте. Одною жили Фред Кемпстер, Марго и их гости — в роскошном салоне и комфортабельных каютах. Другая жизнь проходила в кубриках и тесных каютах команды и обслуживающего персонала, где набитые, как сельди в бочке, обитали матросы, кочегары и слуги «Полуночной мечты». Там пахло потом и машинным маслом, там был спертый воздух и так мало места, что люди не могли разминуться, не задев соседа. Из расположенного поблизости котельного отделения сюда проникал раскаленный воздух, превращая и без того уже душное жилье в настоящий ад. И все же Ако чувствовал себя здесь гораздо лучше, чем там наверху — в салоне хозяина яхты и каютах гостей.

По вечерам, когда все дела были переделаны, Ако любил заходить в кубрик к матросам и кочегарам и часами слушать их разговоры, в которых звучала ненависть к тем, кто беспечно проводит свои дни в безделье, наслаждениях и развлечениях.

— На каждый обед молодой Кемпстер со своими гостями тратит больше, чем моя семья на питание в течение целого года, — сказал как-то один из кочегаров Джо Скотт, сын углекопа из Южного Уэльса. — Мы гнем спины, как рабы, каплю за каплей отдаем свои силы, создаем ценности, которые позволяют этим кровопийцам утопать в роскоши и всю жизнь бездельничать, а нам за это бросают жалкие крохи. Откуда взялось их богатство? Все создано нами, все украдено у нас, а попробуй ты лишь прикоснуться к малейшей крупице из награбленного ими — тебя сейчас же объявят вором и разбойником и сгноят в тюрьме. Эх, впихнуть бы их всех в какой-нибудь старый угольщик, вывезти в море, туда, где поглубже, да пустить ко дну, может тогда и мы зажили бы по-человечески.

Остальные кочегары соглашались с Джо Скоттом. И хотя грубее, проще и наивней, они выражали ту же мысль, что в тюрьме проповедовал Мансфилд. Они ненавидели Фреда Кемпстера и ему подобных, и их ненависть постепенно передавалась и Ако, хотя Фред пока что не сделал ему ничего дурного. Лично ему — ничего, но зато его другу — Эдуарду Харбингеру... Присутствие Марго на яхте было живым напоминанием о ловком преступлении Фреда Кемпстера против друга Ако. С каждым днем островитянин все больше и больше ненавидел Фреда. Ако нимало не

сомневался в том, что когда-нибудь этот человек причинит зло и ему. Следуя совету Мансфилда, Ако приобрел несколько книг из тех, которые тот рекомендовал ему прочесть. Каждый день, вернее говоря — *ночь*, он читал и учился часа по два, и его кругозор с каждым днем становился все шире. Уже теперь Ако мог судить о таких вещах, о которых у его товарищей по работе не было ни малейшего представления, но он не старался блеснуть своими знаниями и никогда не заводил со своими соседями разговора о прочитанном, поэтому они и не подозревали о его действительном уровне развития и знаниях. Так же, как Эвелина Дорман и Грейс Джибс, многие матросы и кочегары яхты по прежнему усматривали в личности Ако всего лишь нечто экзотическое.

Поздно вечером, когда на яхте все стихало, Ако иногда усаживался на носу, у самого бугшприта, и глядел на звездное небо. Там, наверху, опять были видны те самые созвездия, которые Ако не мог отыскать на севере. Легкий ветерок, шумевший над водой, птицы, порою появлявшиеся близ яхты, рыба, которую белые люди вылавливали удочкой, цветущие острова, в заливах которых они иногда бросали якорь, — все было точно таким, как на родине Ако. Ако ощущал близость Ригонды, его взор, полный надежды, обращался к горизонту. Скоро... может быть, уже сегодня... может быть, завтра...

Взволнованный ожиданием, он не мог уснуть, по ночам. Все меньше интересовался он жизнью белых людей на яхте. Ему было безразлично, чем они занимались, о чем тосковали, что чувствовали. Скоро он расстанется с ними...

На яхте все знали о переживаниях Ако. Марго Кемпстер на каждом острове и в каждой гавани расспрашивала островитян и мореплавателей, не знают ли они чего-либо о родине Ако. Судя по рассказам самого Ако, они — еще не вошли в нужный пояс. Ригонда должна была находиться где-то дальше на восток.

...В тот вечер на яхте дольше обычного не стихал пУмон: Вальтер Дорман праздновал день рождения. Много было опорожнено бутылок, много выкурено сигарет. Когда, наконец, сам виновник торжества утомился и уплелся в свою каюту спать, постепенно разошлись и остальные. Все были, изрядно под хмельком, и Эвелина Дорман полагала, что сегодня ночью можно действовать смелее. Шампанское сделало ее беспечной и решительной.

Удостоверившись, что Вальтер в своей каюте заснул и в остальных каютах все утихомирилось, Эвелина укуталась в светло-серый шелковый плед и выскользнула на палубу. Воздух ее освежил. С минуты

полюбовавшись фосфорическими переливами волн, она направилась на нос яхты.

— Ако, это ты? — тихо спросила Эвелина. Юноша очнулся от мечтаний и медленно поднялся на ноги.

— Да, госпожа. Уже поздно.

— Там, внизу, теперь настоящий хаос. Все перевернуто вверх дном и разбросано. Я хочу привести в порядок свою каюту. Иди, Ако, помоги мне немного.

— Сейчас же?

— Я уйду первой. Немного погодя приходи и ты. Не стучись, а сам отвори дверь. И постарайся не шуметь, иначе потревожишь сон других.

Крепкими, раздражающими духами веяло от ее волос, рук, одежды. В воздухе стоял аромат и после того, как она ушла. Немного обождав, Ако последовал за Эвелиной. Услышав тихие шаги в коридоре, она сама отворила дверь и впустила Ако. В каюте была двойная дверь, а стены так задрапированы, что не пропускали звуков, поэтому Эвелина, заперев дверь, ничуть не старалась умерить свой голос и передвигаться потише.

Ако в недоумении окинул взглядом роскошное помещение: что же здесь еще прибирать? Каждая вещь находилась на своем месте. Разве только книга, небрежно брошенная на подушке, просилась, чтобы ее закрыли и положили на стол.

— Что прикажете делать, госпожа? — спросил Ако. Его смущенный вид вызвал у Эвелины смех.

— Быть хорошим, милый Ако. Таким хорошим, каким ты со мной никогда еще не был. Я тебе нравлюсь, Ако?

— Госпожа очень любезна...

— Да, но Ако не любезен. Отчего это? Оттого, что думает, будто я хочу сделать Ако дурное.

— Этого я не думаю.

— Почему же тогда ты меня избегаешь? Видишь, ты молчишь. Пробовал ты когда-нибудь этот чудесный напиток? Нет? Возьми попробуй.

Это было шампанское, почти полная бутылка. Эвелина налила стакан, отпила глоток и подала Ако. — Пей, Ако. Я так хочу. Ничего дурного от тобой не случится.

Ако выпил стакан до дна. Действительно, ничего дурного не случилось.

— Вкусный напиток? — улыбнулась Эвелина.

— «Да, госпожа, прохладный и сладкий, — отве» тил Ако.

Не переставая улыбаться, Эвелина приблизилась к нему, обвила

руками его шею и впиалась губами в губы Ако. Поцеловала... долгим страстным поцелуем, так, что захватило дыхание. Потом отпустила его и, словно опьяненная, опустилась в мягкое кресло.

Растерянный Ако потупил взор и лишь изредка украдкой косился на дверь каюты. Он не осмеливался взглянуть в лицо этой женщине, в темных глазах которой пылали таинственный огонь, зов безумной страсти, мольба и приказание. Если бы Ако знал библейские мифы, эта сцена вызвала бы в его памяти образы Иосифа и жены Потифара. Но он не знал их, и чуждыми были ему многие поступки белых людей, поэтому такое положение могло только привести его в замешательство. Это не значит, что Ако был совершенно бесстрастным. Его сдержанность определялась понятиями отцов и дедов о житейской добропорядочности, эти понятия определяли также характер отношений между мужчиной и женщиной. Эвелина Дорман была женой Вальтера Дормана — для Ако она не была и не могла быть ничем иным. Ее красота, приветливость, ласки — соблазнительны и чудесны, но эти чудесные вещи принадлежали другому, поэтому Ако мог только издали смотреть на них, ни минуты не помышляя присвоить их или завладеть ими. К тому же Ако был убежден, что Нелима намного превосходит Эвелину.

— Подойди, поцелуй меня, Ако... — шептала она хриплым голосом.

— Не позволит ли мне госпожа уйти? — вздохнул Ако.

— Ты уйдешь, когда я разрешу тебе, Ако... Если ты не послушаешься, я прикажу.

Она нервно покачивала закинутой на колено ногой.

Но Ако не двинулся с места. Он вспомнил случаи на «Сигалле», когда матросы заставляли его съесть кусок мыла. Теперешнее происшествие было похоже на тот случай. Только там он был совершенно беззащитен и отдан на произвол дикарей матросов. На «Полуночной мечте» у него был друг, Марго... Это решительно меняло положение. Поэтому Ако мог смело сопротивляться.

— Ако, ты глуп, ты не отличаешь жемчуг от бисера, — поддразнивала Эвелина. — Но ты должен научиться отличать, поэтому я не отпущу тебя, до тех пор, пока ты не послушаешься меня. А если ты позовешь сюда других, я скажу, что ты сам ворвался в кабину и пристаешь ко мне. Они поверят мне, а тебя накажут.

Такой исход был вполне вероятен. Ако поник, и его несчастный вид вызвал новый взрыв смеха у Эвелины. Тогда он покорился и поцеловал белую женщину...

Потом Ако долго стоял на палубе и застывшим взглядом смотрел на

море. «Белые женщины точно такие же, как их мужчины, — думал он. — Они добиваются того, чего желают. Человек, потерявший родину, ничего не может с ними поделать, каким бы умным и честным он ни был. Только у себя на родине человек может жить так, как того требуют его обычаи и совесть, а на чужбине он должен подчиняться чужой правоте и чужой воле... есть мыло и любить тех, кого он любить не желает».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Семь месяцев «Полуночная мечта» кружила по Полинезийским водам, не ради Ако, ах, вовсе нет! — белым господам самим нравилось странствовать. Таити, Самоа, Тонга, Фиджи, Новые Гебриды, острова Гильберта и Маршалские острова, ужасные Меланезийские острова, большие и малые группы островов, коралловые атоллы и появившиеся в результате деятельности вулканов выступы суши посреди океана — все они видели, со всеми этими местами у них связывались воспоминания о чем-нибудь новом и прекрасном. Путешественники всюду приобретали бесчисленное множество вещей — посуду, оружие, украшения и фетиши туземцев. Яхта напоминала этнографический музей, где хороший специалист нашел бы богатейший материал для исследований по истории культуры. Один только Ако ничего не добился. Некоторые маршруты, правда, были проделаны специально ради него, но они дали столь же ничтожные результаты, как и расспросы моряков и туземцев. Единственное, что удалось выяснить, было таинственное исчезновение «Сигалла», об этом Фред Кемпстер вычитал в каком-то мореходном журнале. Погиб ли корабль или умышленно медлил с возвращением, не желая сообщать результаты плавания, этого никто не знал. Закупоренная бутылка с завещанием «Сигалла» еще блуждала по океанским просторам, либо валялась на побережье какого-нибудь необитаемого острова.

А как мало нужно было, чтобы Ако попал домой! Однажды они прошли мимо Ригонды на расстоянии восьмидесяти морских миль. Будь яснее погода, глаз Ако, может быть, рассмотрел и узнал бы вершину самой высокой горы своей родины. Если б сильнее подул восточный ветер... если б течение чуть больше отклонило яхту от курса на запад!..

Фреда Кемпстера это дело даже немного интересовало. Открытие неизвестного острова не осталось бы без внимания в мировой печати, имя открывшего его вошло бы в историю.

Но открытие не состоялось. И «Полуночная мечта» шла дальше, держа курс на север. Завернув еще по пути на остров Рождества и остров Фанинга, она направилась на Гаваи. Там они прожили три месяца, кочуя с одного острова на другой, справляя праздники вместе с канаками, слушая

их песни и обучаясь искусству носиться на доске по гребням волн. Иногда на яхте собирались гости, гремела музыка, сверкали лампы, в танцах кружились веселые пары.

Из Гонолулу они отправились в Центральную Америку, чтобы затем вдоль западного берега южного континента добраться до Чили и Огненной земли. Но в Буэнавентуре их ожидало роковое известие, которое перечеркнуло все их дальнейшие планы: скончался Роберт Кемпстер. Пароходство ожидало возвращения своего нового шефа.

Сразу затихла веселая суета на яхте. Фред Кемпстер нацепил на рукав черную траурную ленту. Марго и остальные ходили с серьезными лицами. В салоне состоялось срочное совещание. Был только один путь и одна цель — скорее вернуться в Англию. Так как в момент получения телеграммы Роберт Кемпстер был уже погребен, Фреду не имело смысла торопиться в Европу на пассажирском пароходе — те несколько дней, которые он мог выгадать, все равно ничего не дали бы. «Полуночная мечта» имела достаточно большую скорость, чтобы они могли и при теперешних обстоятельствах закончить путешествие на яхте.

Пополнив запасы горючего, они направились к Панаме и через канал, не задерживаясь, вышли в Атлантический океан. Самым прямым путем, на полную мощность машин, мчалась кучка путешественников на свою родину. Только Ако каждая пройденная миля отдаляла от родины: на небе снова показались чужие северные звезды и в лицо повеяло северной прохладой. Но ни у кого теперь не было времени думать об Ако.

Густою пеленою серых облаков, угрюмым рокотом kloкочущих бурунов, промозглыми ветрами и холодным неприветливым дождем встретила путешественников ранняя северная весна. Южное солнце слишком долго баловало их. Резкая перемена климата довольно ощутительно сказалась на организме путешественников. В Атлантическом океане Эвелина Дорман схватила насморк. У Реджинальда Джибса заболели зубы, а остальные сделались настолько чувствительны к холоду, что сколько не надевали на себя, все не могли согреться. Грейс Джибс беспокоилась, удастся ли ей сохранить до возвращения домой тот особенный загар кожи, который можно приобрести только на юге. В самом деле, было бы досадно, если бы ей не удалось щегольнуть перед своими знакомыми красивым, ровным заггаром именно теперь, когда зимние

туманы и холодный воздух совершенно выбелили лица северян.

Последний этап пути был самым скучным. Большую часть времени наши путешественники проводили в каютах. Слишком долгое пребывание вместе сделало всех их несколько апатичными и равнодушными к другим людям. Все заманчивее казалась им привычная, спокойная обстановка на родине, жизнь дома с ее проверенным содержанием и заведенным течением событий. Словом, — чрезмерное обилие впечатлений от чужих краев утомило их, они были подобны перегруженному судну, где ни для каких новых ценностей больше не оставалось места. Нетерпеливо считали они дни и часы, расспрашивали капитана, сколько еще осталось плыть, и постепенно упаковывали свой багаж.

За время путешествия «Полуночная мечта» всего два перенесла настоящую бурю, но, по счастью, всякий раз ей удавалось заблаговременно укрыться в каком-нибудь порту или в спокойном заливе. Так и на этот раз они надеялись ускользнуть целыми и невредимыми; когда в северной части Атлантического океана начался сильный весенний шторм. Понадеявшись на мощные машины яхты, они рассчитывали достичь канала Святого Георгия до того, как ураган успеет разыгаться во всю свою разрушительную мощь.

Какой маленькой и беспомощной стала теперь красивая яхта, оказавшись во власти грозной стихии! Какими ничтожными и бессильными казались уверенные в себе, гордые люди, которым принадлежали огромные богатства и право распоряжаться другими людьми, когда старый Нептун затрубил в рога своих бурь! Словно пьяные, пошатываясь, бродили они по коридорам и каютам, не притрагивались к еде, бледные, взволнованные, совершенно потерявшие чувство юмора.

Ако работал не покладая рук, прибирая пассажирские каюты. Мужчины были желчны, капризы женщин становились все более нелепыми, им казалось, что во всех неудобствах виноват Ако. Даже Марго — всегда приветливая и душевная Марго — стала неразговорчивой.

Днем с капитанского мостика можно было видеть большие, неуклюжие грузовые суда, которые отчаянно боролись с бурей. То здесь, то там с просторов океана доносились сигналы бедствий, крики о помощи. Но у яхты не было времени спешить на помощь, она сама находилась перед лицом серьезной опасности. И когда спустилась ночь, настал момент и для «Полуночной мечты» послать в эфир первый сигнал бедствия. Берег был недалеко — скалистая, пустынная местность с каменистыми островами и рыбацкими поселками. Ни одного подходящего залива, ни одного пригодного места, где можно стать на якорь. А водяные горы ежеминутно

перекачивались через маленькую дорожную игрушку, на которой в страхе дрожало несколько десятков человек. Каждый вал что-нибудь уносил с собой. Капитанский мостик был уже разрушен, спасательные шлюпки снесены в море. Временами вода захлестывала трубу яхты, через вентиляторы попадала в машинное отделение и окатывала моряков ледяным душем. Сидящие в салоне путешественники в ту ночь не думали а сне.

— Мистер Кемпстер, нам грозит серьезная опасность? — наперебой приставали к владельцу яхты Грейс Джибс и Эвелина Дорман. — Скажите, «Полу» ночная мечта» выдержит? Не приготовить ли спасательные пояса? Помогут ли они хоть сколько-нибудь в такую погоду?

— Все будет хорошо, — уверял Фред, сам уже давно потерявший присутствие духа. Когда на трапе, соединяющем капитанский мостик с салоном, появлялся капитан, все лица обращались к нему, и во всех глазах моряк читал немой вопрос, страх и мольбу. Ах да, теперь эти люди умоляют, чтобы их спасли от гибели, чтобы им дали возможность продолжать беспечную, счастливую жизнь, до конца испытать все радости бытия. В этот час они, может быть, согласились бы пожертвовать значительной частью своих привилегий, своим высоким положением, своим богатством, своими перспективами на будущее.

— Все в порядке, капитан? — спросил Фред Кемпстер.

— Плохо, мистер Кемпстер. Хотя шторм начинает, постепенно стихать, да и берег не так уж далеко... Мистер Кемпстер, штурвал яхты не действует. Ветер и течение относят нас к берегу. Я хочу попросить пассажиров подготовиться ко всяким случайностям. Для особого беспокойства причин нет, так как мы только что с берега получили ответ на наши сигналы бедствия. Как только шторм немного утихнет, они выйдут на спасательной лодке. Разумеется, до рассвета ничего не удастся предпринять.

Как ни осторожно — казалось, даже беспечным тоном — сообщил эту весть капитан пассажирам, действие ее было ошеломляющим. Мужчины побледнели и стали нервно покусывать губы, женщины разразились истерическими причитаниями. Образованных, хорошо воспитанных леди и джентльменов охватила паника, слепой, животный страх. В один миг разлетелась хрупкая скорлупа цивилизации, слетел весь лоск культуры.

Эвелина Дорман в довольно непристойной форме упрекала мужа за то, что он втянул ее в эту чреватую опасностями авантюру. Грейс Джибс грубо оттолкнула брата, когда он, наперекор собственному страху, пытался ее успокоить. Но все единодушно сошлись на том, что главный виновник

всего Фред Кемпстер.

— Ха-ха, тоже мне яхта! — нервно хихикал Вальтер Дорман. — Сколотил плавучий гроб и приглашает людей путешествовать! Но это. уж известный прием Кемпстеров — истратить пенс, а раздуть на гинею, ха-ха!

— Я никого насильно потянул с собой! — вспыхнул Фред. — Вы сами мне навязались!

— Грейс, ты слышишь! — вскричал Реджинальд Джибс. — Мы ему навязались, на коленях умоляли взять с собою!

Все острее становилась перепалка. Злобный блеск зажегся в глазах людей, лица скорчились в уродливые гримасы, желчь и яд кипели в каждом слове. Равнодушная, всеми забытая Марго наблюдала происходящее. И только когда мощный удар заставил вздрогнуть весь корпус маленького судна, эти разъяренные люди немного одумались, занялись каждый собой, стали искать спасательные пояса и ринулись на палубу.

— Еще ничего страшного, оставайтесь спокойно внизу, — преградил им дорогу капитан. — Яхта только вскользь коснулась какой-то подводной скалы.

В хмурый предрассветный час ветер бросил беспомощную яхту на какую-то другую подводную скалу. Шторм, правда, уже утих, но море еще бушевало по инерции; с палубы можно было ясно различить мрачное, скалистое побережье. В воздух взвились ракеты, им ответили ракетами с берега.

Яхта тонула. Сбившись на палубе в кучу, пассажиры и моряки смотрели на белую моторную лодку, которая отделилась от берега и, борясь с волнами, пробивалась в их сторону. Успеет ли она прийти вовремя? Всем ли хватит места?

В утренних сумерках поблескивал огонь берегового маяка, и снова Марго, как когда-то в начале путешествия, влекомая непонятной силой, не отрывала взгляда от белой башни и ярких снопов света, которые широкими кругами расходились по волнуемому морю.

Фред Кемпстёр смирился с тем, что ему придется потерять красивую, дорогую яхту, все остальные также примирились с мыслью, что их имуществу и собранным в путешествии сувенирам суждено погибнуть. Но когда белая моторка, проделав половину пути от берега до яхты, внезапно изменила курс и стала удаляться на юго-запад, всеми овладело страшное

смятение.

— Они не желают спасти нас, — завопила Эвелина Дорман. — Капитан, разве может быть, что они нас не видят?

— Да, что же это значит? — Фред Кемпстёр нервно нащупывал бинокль. — Или они увидели в море еще что-нибудь? Надо бы посигналить, чтобы поторопились. Долго ведь мы не продержимся.

— Может быть, полчасика, — тихо ответил капитан. Тонущая яхта медленно кренилась на бок.

— А потом? — Голос Вальтера Дормана дрожал, на палубе было очень свежо.

— А потом может случиться, что нам некоторое время придется вплавь держаться на воде, — сказал капитан. — Мне кажется, это будет не особенно трудно. Наши спасательные пояса вполне надежны.

— В этой холодной воде? — истерически взвизгнула Трейс Джибс. — Меня тотчас сведет судорога.

Ако неслышно вышел наверх и остановился подле Марго.

— Не бойтесь, госпожа, — шепнул он ей. — Я хороший пловец. Я буду возле вас и помогу вам добраться до берега.

В этот момент лодка вновь изменила курс, плавным поворотом обогнула яхту, затем против ветра стала приближаться к месту аварии. Вздых облегчения вырвался у всех из груди.

— Они знатоки своего дела, — сказал капитан. — Этот обход, видимо, был необходим из-за мели. Прямым курсом моторку не удалось бы подогнать к нам.

Те, кто больше всех дрожали, теперь пытались улыбаться и принять бодрый вид. Вальтер Дорман закурил сигарету, а Эвелина и Грейс открыли сумочки и, поглядевшись в маленькие зеркальца, проверили, как они выглядят.

— Все будет хорошо, дорогая... — вспомнил наконец о своей жене Фред Кемпстер. — Они успеют вовремя.

Марго безмолвно кивнула головой.

Когда моторная лодка подошла ближе, с яхты можно было рассмотреть двух мужчин в черных дождевиках и зюйдвестках. Один сидел у руля и наблюдал за мотором, другой стоял на носу лодки, приготовив причальный канат и держа багор. Метрах в двадцати от «Полуночной мечты» рулевой заглушил мотор и инерцией хода подогнал лодку к яхте с подветренной стороны. Матросы поймали причал и подтянули лодку бортом к борту яхты, другие поспешили спустить веревочный трап. И как только трап был привязан к поручням, Вальтер Дориан перелез через борт, решив, что так

дело будет вернее, лишь бы поскорее убраться с тонущего корабля. Но не успел он еще ступить на следующую перекладину, как один из находившихся в лодке мужчин стукнул его багром по спине.

— Убавьте прыти, мистер! Пусть первыми спуска» ются женщины. Времени хватит.

И он ударил еще раз, но так как Вальтер Дорман все еще упрямылся, двое яхтенных матросов сгребли его за плечи и втащили наверх.

— Тогда иди ты! — всердцах крикнул он Эвелине. — Чего ты ждешь, чего копаешься? Не видишь, что этот плавучий гроб сейчас пойдет ко дну!

Прошло несколько минут, пока все перебрались в моторную лодку. Наконец, на яхте остался один капитан, но он еще медлил, словно что-то забыв или чего-то ожидая.

— Брось ломаться, старина, спускайся вниз! — позвал рулевой с моторной лодки. — Эта безделка не стоит твоей жизни. Еще успеешь потонуть с каким—нибудь другим судном.

— Я смотрю, нет ли здесь... — пробормотал капитан.

— Нечего смотреть. Спускайся. Надо живей уходить.

Тогда командир «Полуночной мечты» перестал рисоваться и проворно перебрался на моторную лодку — яхта слишком угрожающе кренилась на бок. Заведя мотор, рулевой задним ходом отвел лодку от яхты, затем стремительным маневром развернул ее и направил к берегу. Едва они успели отойти метров .на тридцать, как «Полуночная мечта» покачнулась, будто в агонии стала переваливаться с боку на бок и затем исчезла в пучине. Глядя на водоворот, некоторое время еще клокотавший на месте крушения, спасенные люди содрогнулись от ужаса.

Моторная лодка неслась вперед, всплески волн хлестали через борт, обдавая брызгами одежду спасенных людей. Все взоры были прикованы к берегу, только Ако и Марго не спускали глаз с рулевого: спокойный, поглощенный своим делом, он, казалось, не замечал окружающих. Они узнали Эдуарда Харбингера, как только у яхты раздался его голос. И смущение объяло Ако, когда он присмотрелся к поведению своего друга: он бы на месте Харбингера радовался, что пробил великий час расплаты, что сейчас они по-мужски сведут счеты и Харбингер заставит Фреда Кемпстера своей жизнью заплатить за всю ту несправедливость, которую тот ему причинил. Ведь он мог оставить Фреда на яхте, сказать, что в лодке для всех «нет места. В этот час он мог потребовать у молодого Кемпстера возвратить то, что ему не принадлежало и что тот хитростью отнял у него. Но Харбингер ничего не сказал, даже пристальней не взглянул на своего врага — он спасал всех и всех доставлял на берег. Может быть, он

замышлял что-нибудь иное?

Один раз Ако поймал взгляд друга, и теплая улыбка Харбингера подтвердила, что тот узнал его. Еще Ако заметил, как Марго, сидевшая на корме моторной лодки, как бы невзначай слегка погладила руку Харбингера. Тот улыбнулся печально и горько, но не взглянул на Марго и ничего не сказал ей.

Так они прибыли на берег.

4

На узком скалистом мысе, глубоко врезавшемся в море, стоял Кренлироковский маяк. Метрах в сорока от стройной башни, в укрытии от свирепствовавших тут западных ветров, находилось жилое помещение его персонала. Ничто не украшало мрачного скалистого места. Несколько кустов, посаженных близ жилья, да пара цветочных клумб, правда, свидетельствовали, что человек все же пытался сделать свое окружение более привлекательным, но его старания оказались почти безуспешными.

Когда моторка общими усилиями была втащена в сарай, Харбингер повел спасенных людей в дом, а его помощник Дэвид Пэн направился на башню маяка погасить свет.

— Вы только вдвоем обслуживаете маяк? — спросил по дороге у Харбингера Вальтер Дорман, забыв, что этот самый человек недавно огрел его багром по спине.

— Да больше и не нужно, — отвечал Харбингер. — Но через каждые две недели нас сменяют двое других.

— И тогда вы отдыхаете в городе, не правда ли? — продолжал Дорман.

— Если есть желание, можно уехать в город, а если нет, можно оставаться тут.

— Этого, конечно, никто не делает? — вмешался в разговор Фред Кемпстер. — Кто же станет прозябать в этой пустыне, если имеет возможность пожить среди людей!

— Кто как, — промолвил Харбингер, — я не покидал этого места семнадцать месяцев.

— Серьезно? — изумленный Фред пожал плечами. — Как человек это может выдержать? Такая жизнь ничем не отличается от тюрьмы...

— Отчего же? Здесь довольно интересно. Разве моряк, вынужденный годы проводить на чужбине, находится в лучшем положении?

— Вы были моряком? — спросил Фред.

— Все служащие маяка — бывшие моряки.

— Да, конечно, они должны знать морскую жизнь и все, что связано с судоходством, сигналы, курсы.

— И должны быть привычны к одиночеству...

У дверей жилого дома Харбингер, что-то вспомнив, обратился к следовавшей за ним толпе:

— Вы меня извините. Сейчас я не могу вас впустить. Сами понимаете — мужское хозяйство... какой там может быть порядок.

Словно устыдившись, провожаемый добродушным смехом, он торопливо вошел в дом. Но если оставшиеся во дворе полагали, что Харбингер теперь убирает свое жилье, застилает постель и собирает разбросанную одежду, они заблуждались. Там ничего не было раскидано, каждая вещь была на своем месте. Только в комнате Харбингера на столе находился предмет, которому там не следовало быть. Этот предмет — портрет молодой женщины — он запрятал в ящик стола под бумаги, потом немного выждал и пошел впустить оставшихся у входа.

Пассажиры сидели у пылающего камина, грелись и сушили одежду. Экипаж яхты разместился в другом помещении. Кок готовил кофе и жарил яичницу на завтрак — продукты ему дал Харбингер. Подкрепившись и обогревшись, женщины зашли в комнату Харбингера привести себя в порядок, а мужчины остались курить в дежурном помещении маяка. Харбингер связался по телефону с ближайшим портом и сообщил о гибели «Полуночной мечты». Спасенные могли выбраться отсюда только по суше, так как зыбь еще была слишком велика, чтобы рискнуть на переполненной моторке, выйти в открытое море. Из города обещали» выслать в Кренлирокский поселок несколько автомобилей, но они могли прибыть только к вечеру, следовательно, спасенные должны были целый день провести на маяке.

Вальтер Дорман пошел сообщить об этом дамам. На минуту Фред Кемпстер и Харбингер остались вдвоем, так как Реджинальд Джибс взобрался на башню маяка и фотографировал местность — свой фотоаппарат он все-таки спас.

Теперь, когда страх и волнения были позади, Фред Кемпстер стал внимательнее приглядываться к тому, что его окружало, к предметам и людям. Эдуард Харбингер снял дождевик и зюйдвестку. В темно-синей куртке, смуглолицый, со слегка растрепанными волосами, сидел он за столом и что-то записывал в маячный журнал. Повнимательней всмотревшись в это лицо, Кемпстер подумал, что он где-то видел его раньше. Ему показались знакомыми эти строгие, мужественные черты.

Тщетно силясь припомнить, откуда ему знакомо это лицо, Фред заговорил:

— Скажите, не встречались ли мы раньше?

— Кажется да, мистер Кемпстер, — отвечал Харбингер, не подымая глаз от журнала и продолжая что-то записывать.

— Так вы меня знаете? — встрепенулся Фред и с напряженным интересом уставился на зрителя маяка.

— Да, конечно. Но что же тут удивительного? Зрителя маяков знают всех наиболее видных деятелей судоходства своей страны. Раз в год мы даже получаем подарки от некоторых пароходств.

— Но я никогда не бывал здесь.

— Когда-то и меня здесь не было, — Харбингер впервые за время их разговора взглянул на Фреда.

— Мы были знакомы? — спросил Фред. — Извините, что я так спрашиваю... мне приходится иметь дело с таким множеством людей, что упомянуть всех просто невозможно.

— Ясно. Особенно, если с кем-нибудь из них у вас было совсем пустячное, незначительное дело, — по лицу Харбингера проскользнула усмешка.

— Разрешите узнать ваше имя?

— Эдуард Харбингер.

— Харбингер...

Да, теперь Фред вспомнил все. Ему стало очень неловко. В замешательстве он чиркнул спичку и поднес огонь к уже дымившейся сигарете. Человек, который сидел за столом и, погрузившись в работу, казался, не замечал его присутствия, не мог быть ему другом. И этот человек спас жизнь ему и его жене, доставил их на берег, и они вынуждены пользоваться его гостеприимством в этом мрачном месте, где птицы не вили гнезд и цветам некуда было пустить корни.

Фреду Кемпстеру стало не по себе. Он поднялся, вышел и долго бродил по побережью мыса. Над скалами с криком кружились чайки. В море не видно было ни одного корабля, ни одной рыбачьей лодки. Лишь черные скалы, бурлящее море да завывание ветра на просторе.

Как тут мог жить человек? Почему Харбингер поселился здесь? Чем больше Фред думал об этом, тем беспокойнее становилось у него на душе. Растерянный и усталый, присел он на какой-то камень и просидел до тех пор, пока не пришел Аки и не позвал его обедать.

После обеда Харбингер сменил своего помощника и заступил на вахту — наблюдал за морем и регистрировал проходившие мимо суда. Улучив минутку, он зашел в лодочный сарай и стал разбирать сети, которые они с Пэном приобрели весной, — в дни отпуска рыбная ловля была хорошим времяпрепровождением. Там в сарае его и нашел Ако.

— Можно войти? — спросил островитянин. На сумрачном лице Харбингера показалась улыбка.

— Входи, Ако, тебе можно. На, посмотри, знают у вас на острове вот эти вещи?

Ако осмотрел сети, перебрал мягкие льняные нити со свинцовыми грузилами у нижней веревки и пробно* выми поплавками у верхней,

— Нет, мистер Харбингер, у нас таких не было.

— Когда вернешься домой, научи свой народ рыбачить сетями, — сказал Харбингер.

— У нас достаточно рыбы ловится на крючки. Куда нам девать ее, если наловим больше, чем можно съесть?

— Это верно, Ако, куда вам девать... Почему ты не остался в Южном море, когда яхта была там?

— Мы не смогли найти Ригонду. Потом мистер Кемпстер получил сообщение о смерти отца и направился прямо домой. А что, лучше было бы остаться на американском берегу?

— Не знаю, друг. Для мистера Кемпстера наверняка было бы лучше, если бы он так не спешил. Тогда, быть может, он не попал бы в такой шторм, уберег свою яхту от гибели и... не встретился бы со мной.

— А он знал, что вы находитесь здесь?

— Видимо, нет.

— Но Марго... она ведь знала?

— Почему ты так думаешь?

— Она дала мне на сохранение ваше письмо. Оно и теперь у меня.

Харбингер пристально посмотрел в глаза Ако.

— Она велела тебе хранить моё письмо?

— Да. Она сказала, что уничтожить его не хочет, но не желает, чтобы мистер Кемпстер его увидел. Ему будет очень больно.

— Вот как? — Харбингер тихо засмеялся. — Ему будет больно! Как она печется о самочувствии мистера Кемпстера.

И он опять засмеялся — отрывисто, презрительно.

Ако нерешительно переминался с ноги на ногу. Заметив его замешательство, Харбингер спросил:

— Ты хочешь что-нибудь сказать, Ако?

— Нет, ничего. Я только думаю — вам теперь будет лучше. Ваша жизнь станет счастливее, чем до сих пор, когда Марго останется здесь.

— Почему ты думаешь, что она останется здесь? -. Она была вашей подругой, когда вы уезжали.

Мистер Кемпстер только хитростью разлучил вас. Теперь он больше ничего не может сделать, и, если вы потребуете Марго обратно, он должен будет ее отдать.

— Ты думаешь — она согласится остаться со мной?

— Она ведь должна это сделать. Это ее долг. Кроме того... вы ей милее, чем Кемпстер.

— Почему ты так думаешь?

— Я это знаю, мистер Харбингер. Знаю потому, что она несколько раз брала у меня ваше письмо, когда мы были на юге. Прочитав, она всегда отдавала его обратно, но я видел, что с большим удовольствием она хранила бы его у себя. И, когда вы давеча подъехали к яхте... вам надо было видеть ее глаза. Мистер Харбингер, я никогда не видел, чтобы она так смотрела на Фреда Кемпстера, как она смотрела на вас.

— Ах, Ако... — застонал Харбингер. — Ты хороший парень, и я знаю, что ты желаешь мне добра, но этого тебе не следовало рассказывать.

— Почему?

— Лучше бы мне не знать этого. Ведь... Марго не может остаться здесь, и я не могу позвать ее к себе.

— Почему?

— Потому, что этого не позволяет моя гордость, мое человеческое достоинство. Никогда не надо просить милостыню и принимать любезность от человека, который когда-то плюнул на тебя, пренебрег тобой.

— Но вы ведь не оставите все так, как есть? Кемпстер ограбил вас, обманом удалил и отнял у вас Марго. Это был подлый поступок. Белые тоже за подлость наказывают своих. Теперь вы имеете возможность отплатить Кемпстеру.

— Да, Ако, возможность есть. И, может быть, я и воспользуюсь ею, но не так, как ты думаешь.

За дверью зашуршали шаги. Какой-то человек шел к лодочному сараю. Он остановился на пороге и сказал:

— Мне надо поговорить с вами, Харбингер.

— Заходите, Кемпстер, вредно стоять на сквозняке, — ответил Харбингер, не взглянув на пришедшего.

Ако понял, что сейчас должна произойти решительная битва, и его

присутствие излишне. Но, когда он направился было к выходу, Харбингер знаком показал, чтобы он остался. Фред заметил этот кивок.

— Мистер Харбингер, нам было бы лучше поговорить с глазу на глаз. Ако это никоим образом не может интересовать.

— Ако молод, ему надо учиться, — ответил Харбингер. — Я хочу, чтобы он познакомился со всеми тонкостями взаимоотношений наших соплеменников, тогда он лучше поймет, что мы за птицы.

— Мне неудобно говорить о таких вещах в присутствии «чужого человека, — настаивал Фред.

— Чувство неудобства оставьте за дверьми, мистер Кемпстер. Не всегда же искать самого легкого и удобного пути.

— Вы хотите меня унижить?

— Не ждете же вы, чтобы я унижался перед вами? — Харбингер выпрямился.

— Ну хорошо, пусть Ако остается. Но он не смеет...

— Он смеет все, мистер Кемпстер. Не ставьте, условий.

— Но вы же не знаете, о чем я хочу говорить.

— Я знаю, Кемпстер. Вы хотите оправдываться.

— Нет смысла оправдываться за прошлое. Какое оно есть, таким и останется. Я не желаю себя обелять. Более того, я не сожалею о сделанном, потому что если бы я так не поступил, то многое потерял бы в жизни. Да, Харбингер, Марго была мне необходима. Я за нее боролся и вышел победителем. И я очень доволен, что мне досталась Марго, потому что я люблю ее. С моей точки зрения, это очень хорошо, что мне удалось одолеть вас. Моя совесть в этом отношении абсолютно спокойна, так же спокойна, как у каждого мужчины, который в борьбе за любимую женщину осилил своего соперника. Смею вас уверить, что Марго счастлива и не сожалеет об исходе борьбы. Стало быть, что касается этого пункта, — здесь все в порядке.

Заинтересованный, Харбингер посмотрел на Фреда. Вызывающий тон Фреда больше пришелся ему по душе, чем если бы тот начал с жалобных вздохов и лицемерных причитаний.

— Продолжайте, Кемпстер.

— Хорошо. Как видите, Харбингер, у нас с Марго все в порядке. Мы довольны своей жизнью. А вот с вами что-то не в порядке.

— Моя дела предоставьте мне, мистер Кемпстер. Вы мне не опекун.

— Избави бог, не имею ни малейшего желания быть им. Будем говорить начистоту: мне не нравится, что вы изображаете из себя мученика. Если вы в одном деле потерпели крах, то это ведь не значит, что должна

пойти прахом вся ваша жизнь. Кому вы досаждаете, живя в этой пустыне? Мне? На меня это не действует. Марго? Она неповинна в ваших причудах и странностях. Она знает, что я предоставил вам лучшие условия, она знает, что вы могли бы жить обеспеченно и с удобствами. Следовательно — поселение на Кренлироковском маяке всего лишь дело вкуса. Но делая это, вы, наверное, думали, что мы нанесли вам обиду, и своим поступком надеялись заставить нас мучиться угрызениями совести, чувствовать себя неловко и так далее. Харбингер, это удар мимо цели, поэтому будет разумнее, если вы положите конец этому шутовству. Уезжайте отсюда. Я вам предоставляю место капитана на «Тасмании», так как старый Фарман будет необходим в конторе пароходства.

— Вашим слугой я никогда не буду, мистер Кемпстер, — едва сдерживаясь, ответил Харбингер.

— Как угодно. Если не желаете находиться в непосредственной зависимости от меня, я согласен иным путем обеспечить вам независимое положение. Я вам дам известную сумму денег...

— И что вы хотите взамен?

— То, что гораздо лучше и разумнее ненужной вражды, — вашу дружбу.

— Мне ваша дружба не нужна, мистер Кемпстер, а свою дружбу я не продаю за деньги. Даже за свои тридцать пароходов вы ее не купите.

— Не слишком ли высоко вы себя цените?

— Боюсь, что вы всех людей цените слишком низко. Мистер Кемпстер, вы вовсе не так богаты, как воображаете. Кое-что, хотя в ваших глазах оно имеет ничтожную ценность, вы все же не в состоянии купить. Понятно, это вас терзает и долго будет терзать, но меня это не трогает.

Фред Кемпстер сжал губы, немного помялся, потом заговорил другим тоном, приглушенным и просительным.

— Я не хотел оскорбить вас. Если вас не интересуют материальные ценности, мои благие намерения могли действительно показаться вам предосудительными, Харбингер, но если я обращаюсь к вам как человек, как виновный, которого вы имеете основания ненавидеть, как совершивший ошибку человек, который сознает свою вину и, сожалея о содеянном, протягивает руку для примирения, — разве вы и тогда не протянете своей?

— Слишком сентиментально и слишком лицемерно, мистер Кемпстер. Удовлетворение я уже получил — вы все-таки чувствуете себя виновным. Но я не хочу дать вам возможности откупиться чечевичной похлебкой. Поберегите деньги для своих наследников — они уж сумеют их растратить.

И любите себя превыше всего на свете, тогда будете чувствовать себя спокойно. Выкиньте из головы только одну вашу прихоть — не надейтесь купить любовь и дружбу тех людей, которым вы наплевали в лицо. Нельзя быть таким ненасытным. .

Кемпстер круто повернулся и вышел.

— Ну, Ако, чему тебя научила эта история? — спросил Харбингер, когда Фред ушел.

— Тому, что человек не должен продавать свое достоинство и честь.

— Правильно, Ако. Никогда нельзя продавать себя, пресмыкаться и унижаться, ни за какие деньги не надо позволять садиться себе на шею. Перед лицом силы нам иногда приходится отступать, но перед коварством и ложью — не следует никогда.

Через час позвонили из Кренлирокского поселка, что пришли машины за спасенными с яхты людьми. До поселка нужно было идти пешком. Девис Пэн пошел провожать их. Когда он вернулся, уже стало смеркаться, и Харбингер ушел зажигать огни маяка. Спустившись вниз, он встретил своего помощника.

— Теперь поделим подарки, — сказал Пэн, показывая всякие дорогие вещицы — золотой портсигар, брошки с драгоценными камнями и пачку денег, которые спасенные господа и дамы при расставании передали ему.

— Возьми себе, — сказал Харбингер. — Я свою долю уже получил.

Ветер совсем утих. Смотритель маяка глядел на море и думал, что вечером можно бы забросить несколько сетей. После сильной бури должна хорошо ловиться, рыба.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Во время путешествия Ако не переставал учиться. Теперь он хорошо владел английским языком и мог без труда читать любую книгу или газету. Если в этих книгах или газетах встречалось что-либо незнакомое и непонятное, он обращался с вопросом к Марго. Когда Фред Кемпстер однажды застал Ако за чтением «Истории колонизации», он сначала только подивился тому, что этот человек выучился читать и что его, представителя первобытного племени, интересуют в книгах нечто большее, чем цветные иллюстрации; но слегка полистав брошюру и местами прочитав по абзацу, молодой Кемпстер нахмурился и недружелюбно посмотрел на Ако.

— Незачем тебе думать о таких вещах, — сказал он. — Ты — слуга. Интересовался бы лучше, как правильно прислуживать за столом, — это принесет тебе в жизни больше пользы. Мировую политику мы уж сумеем вершить и без твоей помощи.

При этом он забыл то, что обычно забывает большинство богатых людей: что и слуга сознательное, мыслящее существо, наделенное такой же способностью рассуждать и такой же жаждой знания, как и все люди. Да, Ако был слугой, но сердцем и душой он был вольным, независимым человеком, которого не могли сбить с толку себялюбивые взгляды и извращенные истины других, с виду более сильных людей. С тех пор как Мансфилд пробудил его интеллект, он смотрел на мир своими глазами и видел вещи такими, какими они были на самом деле, а вовсе не такими, какими их желали представить некоторые люди. Если какое-либо дело или поступок были несправедливыми, таковыми они и оставались в его глазах, какими бы возвышенными или коварными вывесками их ни старались разрекламировать как порядочные и честные. Ако давно знал, что в жизни белых людей слишком много лжи. Они походя лгали друг другу, льстили тем, кого в действительности презирали, притворялись покорными перед теми, кого ненавидели, с серьезными минами выслушивали глупости, над которыми хотелось смеяться, — и называли это благопристойностью, ибо неблагопристойно ведь откровенно отзываться обо всем, говорить то, что думаешь, проявлять свои настоящие чувства. Наряду с этой обиходной ложью имела хождение общественная и международная ложь, еще более

циничная, чем первая. Когда в интересах класса эксплуататоров грабили все прочие классы, лишая их материальных благ и человеческих прав, то это называли назревшей необходимостью всей нации. Когда какая-либо великая держава силой захватывала то, что принадлежало какой-либо малой стране, это не называли грабежом и насилием, а, облакая в красивые и хитроумные фразы, изображали как исправление исторической ошибки и обеспечение жизненных интересов своего народа, — будто только у сильных могли быть жизненные интересы. И не то чтобы люди не понимали всей несправедливости и лицемерия подобных действий, просто они из расчета прикидывались непонимающими, обеспечивая себе таким путем более удобную жизнь. Трусы и глупцы безвозмездно помогали проповедовать ложь сильных мира сего; тех, кто поумнее да посмелее, старались подкупить, а кого не купишь за деньги и не запугаешь, умирляли в застенках, объявляя их врагами народа и государства. А кого же нельзя сделать преступником! Достаточно того, что закон запрещает человеку видеть и понимать. А если вы после этого осмелитесь смотреть открытыми глазами и думать, — вы преступник, под стать грабителю и убийце, даже в том случае, если вы доподлинно видели грабеж и назвали его своим именем.

Во всем цивилизованном и полужцивилизованном мире, начиная с семьи и кончая государством, господствовала система опеки. Это был наиболее удобный способ облечь насилие во внешне приличную, отеческую форму. Сильный всегда стремился расширить свои отцовские права и приумножить доходы за счет слабых, ему подчиненных. Хозяин, прогнавший своего слугу, работодатель, немилосердно выжимающий последние соки из своих рабочих, ни в коем случае не эксплуатировал их. О, нет! Он только по-отечески пекся о существовании своего работника, о хлебе и работе для него и его семьи — он предоставлял ему возможность влачить жалкое существование даже тогда, когда в результате этих отеческих забот на долю благородного опекуна перепадало гораздо больше мирских благ, нежели на долю ничтожного сироту, о котором он заботился. Большие, сильные и богатые нации нашли таких подопечных сирот в лице колониальных народов. Ах, эти бедные чернокожие и краснокожие! В глазах белых колонизаторов они были детьми, не знающими, что делать с собою, с плодами своего труда и теми природными богатствами, какими изобиловала их родная страна. Как заботливый отец, пришел он из-за моря, взял их под свое покровительство, заставил работать, подчиняться, быть прилежными и довольствоваться малым и так же, как порою строгий отец, выколачивал из них ребячьи капризы, строптивость и непослушание

хлесткой плетью. Он учил их покорности своей и божьей воле, внедрял в их разум благонравие с помощью хлыстов надсмотрщиков, ружей и пушек, — добрый человек, он действительно вкладывал уйму труда, и неблагодарность этих людишек иной раз огорчала его до глубины души. Но о том, что эти отеческие заботы в конце концов с лихвой окупались и стоили пролитого пота, свидетельствовали нередкие стычки в среде самих колонизаторов; если какая-либо другая клика, побуждаемая тем же «благородным желанием оказать помощь», норовила взять на себя покровительство и часть опекунских забот над каким-либо экзотическим племенем, тотчас же разгорались вражда и войны, причем подопечный сирота вовсе не имел при этом права голоса. Никто у него не спрашивал, какого наставника он желал бы.

Но самым удивительным было то, что эти сироты никак не могли достичь совершеннолетия и перенять отцовское наследство в свое распоряжение и под свое управление. Пока они росли, учились и зрели, вместо них хозяйничал опекун. В день же совершеннолетия — если таковой когда-либо наступит — их клеть окажется пустой, зато полны будут закрома опекуна. Ведь нельзя же требовать, чтобы он трудился ни за что ни про что...

Какие же блага получали эти сироты — все огромное и разнообразное скопище сирот — за свою покорность? Опекуны говорили, что эти блага — суть цивилизация: газеты, хлопчатобумажные ткани, патефоны, спортивные площадки, санитарная помощь, приюты для инвалидов, кино, велосипеды, церкви, кабаки, туалетное мыло и прочие хорошие вещи. Великой и могучей вещью была эта цивилизация — рекорд изощренности человеческого ума! Но коль скоро цивилизованный человек настолько умен и сообразителен, что мог использовать самые затаенные силы природы, заставить машину работать на себя, искоренить чуму и оспу, летать по воздуху и плавать на корабле под водой, как же он может быть таким рассеянным и, наряду с этими чудесами, оставлять без внимания и не устранить уйму всяких непотребств, с которыми его светлый ум мог бы легко справиться? Как это получается, что еще много людей живет впроголодь, что от недостатка питания гибнут миллионы детей, что несчетное число девушек и женщин продаются за деньги незнакомым мужчинам, которых они не любят? Чем объясняется, что многие люди, которым очень хочется жить, попадают иной раз в такое положение, когда жить становится невмочь, и они бросаются в воду, принимают яд, сами ищут смерти? Это говорит о том, что цивилизованный человек либо вовсе не такой уж всеумудрый, каким он считает себя, или же он умышленно, из

определенных соображений избегает применить свою мудрость в некоторых делах.

Ответа на эти запутанные вопросы Ако искал в книгах, которые ему посоветовал прочесть Мансфилд, и в самой жизни, пестрый поток которой, бурля и бушуя, проносился мимо него. Книги раскрыли островитянину глаза, сделали их зрячими и позволили отыскивать в событиях и поступках людей некий скрытый смысл, который сильные мира сего старались замолчать, а если это оказывалось невозможным, то пытались подменить его своей ложью. Для этой надобности в их распоряжении была тысячелетней давности побасенка о боге и загробной жизни, а также толстые томы законов, навязывающие желание господствующей клики целым народам.

Ако понимал, что сами белые тоже не все одинаковы. На каждом шагу он видел, что меньшинство, в распоряжении которого было много денег, огромные владения и вооруженная сила, со зверской жестокостью подавляет и эксплуатирует большинство и что между ними происходит постоянная борьба. В жажде все больших прибылей и богатства, в своей хищнической ненасытности меньшинство не делает различия между белыми и черными, красными и желтыми и выжимает соки из всех, кто попадает под руку.

Из этого Ако делал вывод, что было бы неверно считать своими друзьями или врагами людей в зависимости только от цвета их кожи или принадлежности к той или иной народности: могут быть и действительно являются врагами люди, принадлежащие к одной народности и говорящие на одном языке, и в то же время могут быть и действительно являются товарищами и друзьями миллионы людей, разных по цвету кожи, говорящих на разных языках. Господствующее меньшинство всех рас и народов, кровожадный слой эксплуататоров всех стран — это враги Ако, а бедные люди всех стран, огромное большинство человечества, которых притесняют богатые, — друзья Ако, с которыми можно и следует держаться вместе. Ако стало ясно, что Фред Кемпстер, Вальтер Дорман и Реджинальд Джибс принадлежат к меньшинству, а Бобби Грейн, Мансфилд, Харбингер и миллионы английских рабочих, так же как и Ако, принадлежат к большинству. И между этими двумя мирами нет моста. Существует справедливость и несправедливость и извечная борьба между ними, конечная победа в которой когда—нибудь будет на стороне справедливости.

Вот над чем порою размышлял и чем интересовался Ако. Такие мысли, разумеется, были не к лицу хорошему лакею, потому Ако и не мог

быть преданным слугой. Это, очевидно, понимал и Фред Кемпстер, особенно после последнего разговора с Харбингером на маяке, свидетелем которого был Ако.

Сознание того, что этот темнокожий парень знает, какой позор ему довелось тогда пережить, неотвязно грызло Фреда. В глубине души он с той минуты возненавидел Ако, но зная, как сильно Марго привязана к этому полинезийцу, старался открыто не проявлять своих чувств. Однако долго мириться с таким положением молодой Кемпстер не собирался и потому втайне обдумывал, как бы без помех избавиться от Ако.

По возвращении в Ливерпуль, когда Марго однажды уехала к портнихе, Фред позвал к себе Ако.

— Ты по-прежнему хочешь вернуться к себе на родину? — спросил он. — Может быть, ты уже раздумал и останешься здесь?

— Нет, мистер Кемпстер, я не раздумал, — ответил Ако. — Что же мне тут, на севере, делать?

— Если так, то сейчас тебе представляется возможность попасть на юг, — продолжал Фред. — Один из моих кораблей вскоре отправляется в Австралию. Если хочешь, пристрою тебя матросом на «Аспатрию», но в таком случае ты должен сейчас же ехать в Кардиф. Согласен?

Этот вопрос звучал как приказание.

— Хорошо, сэр... — сказал Ако.

Он собрал свои пожитки и два часа спустя уже сидел в поезде. Попрощаться с Марго ему так и не удалось.

Вечером Фред Кемпстер рассказал Марго, что Ако просил освободить его от службы.

— Говорит, что ему надоело быть слугой, что эта должность для него унижительна. Мне не оставалось ничего иного, как отправить этого субъекта на один из наших кораблей, который на днях уходит в Австралию. Ты баловала его, как брата, — и вот какова благодарность. Он не хочет служить тебе. Проверь, дорогая, не прихватил ли он при отъезде чего-нибудь из твоих вещей. От такого человека всего можно ожидать. Его предки, возможно, даже были людоедами.

— Странно... — задумчиво отозвалась Марго. — Если Ако надоело служить у нас, почему он мне ничего не сказал?

— Ему было стыдно признаться тебе, — объяснил Фред. Он взял руку Марго в свою, с минуту играл ее пальцами, все время загадочно улыбаясь при этом. — Отгадай, дорогая, какой у меня сюрприз. — Марго ничего не ответила, и он продолжал: — Послезавтра мы приглашены на обед к лорд-мэру Ливерпуля. Насколько мне известно, твоим соседом по столу будет

кузен королевы — герцог Нортемберленский. Настоящий герцог, Марго! Что ты на это скажешь?

— В самом деле? — глаза молодой женщины засияли. — Я буду сидеть рядом с герцогами Нортемберленский?

— И кузеном королевы, — присовокупил Фред. Марго была счастлива, от волнения и радости щеки зарделись. Она больше не думала о внезапном исчезновении Аки. Что значил какой-то островитянин из Океании по сравнению с настоящим герцогом!

2

Фред Кемпстер солгал, сказав Аки, что «Аспатрия» прямо из Кардифа направится в Австралию. Большое судно было зафрахтовано с грузом угля в Порт-Саид, а потом должно было идти в Румынию за пшеницей. По возвращении в Англию оно получило новое задание — доставить груз в Бомбей и оттуда отправиться в Мельбурн, но затем это приказание было отменено — причиной тому послужило одно непредвиденное чрезвычайное событие: «Аспатрия», на борту которой находился Аки, миновала Гибралтар и приближалась к Мессинскому проливу, когда где-то на севере началась большая война.

В Порт-Саиде Аки прочел в газетах сообщения о кровопролитных боях в Бельгии, Польше и Восточной Пруссии. И странно — Аки был более осведомлен об истинных причинах войны, нежели его спутники европейцы. Они полагали, что причиной кровопролитной бойни является выстрел сербского студента в Сараеве, жертвой которого пал престолонаследник Австро-Венгрии эрцгерцог Франц Фердинанд — как будто бы «из-за одного человека народы развязали борьбу не на жизнь, а на смерть. Аки понимал, что виною тому исторически сложившееся трение двух больших тел в каком* либо отдаленном месте, — великие опекунские „заботы“ о „несовершеннолетних“ племенах, беспрестанная грызня за рынки и источники сырья. Белые „отцы“ дрались за право распоряжаться достоянием своих цветных пасынков, за право пороть и вразумлять, „воспитывать“ и обогащаться во имя цивилизации. Они терзались алчностью и завистью друг к другу, их нервы в конце концов не выдержали пагубного искушения. Ясно, что теперь они не прекратят эту резню до тех пор, пока один из противников не выдохнется. Более выносливый тогда выпятит грудь и продиктует свою волю измотанному. Правда будет на его стороне.

В Порт-Саиде капитан «Аспатрии» получил от пароходства указание тотчас же после сдачи груза в Бомбее возвратиться в Средиземное море и поступить в распоряжение военного командования Антанты. Торговый пароход «Аспатрия» стал военным транспортным судном, а экипаж считался мобилизованным до окончания войны. Вот почему Ако не мог покинуть судно.

Более года плавали они по Средиземному морю между портами Франции, Алжира, Египта и Малой Азии, перевозя войска и боеприпасы Антанты, пока однажды темной ночью торпеда подводной лодки противника не пустила собственность Фреда Кемпстера ко дну, откуда пароход уже никогда не был поднят. Часть экипажа погибла. Ако вместе с другими двенадцатью членами команды добрался на спасательной шлюпке до одного из многочисленных островов Греческого архипелага. Их немедленно зачислили в десантные войска и, после того как они прошли соответствующий курс обучения, отправили на полуостров Галлиполи воевать с турками.

Полтора года Ако провел на фронте. За это время он научился обращению со всеми видами пехотного оружия и был участником многих кровопролитных боев. Один за другим гибли новые знакомцы и боевые товарищи Ако — англичане, ирландцы и шотландцы; многие получили увечья и были эвакуированы в Смирну и Александрию, а статный полинезиец ни разу не был даже ранен и окончил войну сержантом — командиром отделения. За боевые заслуги он был дважды награжден медалями, но в душе Ако меньше ценил их, чем искусство ведения современной войны и опыт, который он успел накопить за это время и который, быть может, в будущем ему пригодится.

Отзвук залпа «Авроры», прогремевшего на севере и возвестившего начало новой эры в истории человечества, докатился и до здешних мест, и Ако услышал его. Все человечество вслушивалось в гулкую поступь Великой Октябрьской революции. Алая утренняя заря зажглась на горизонте истории, предвещая всем угнетенным и униженным народам новые времена и начало новой жизни. И в сердце Ако народилось в это время нечто новое: вера, что чаяния угнетенных и униженных народов о свободе и справедливости — теперь не такая уж далекая и несбыточная мечта. Там, на севере, родилась новая исполинская сила, справедливость одержала победу над несправедливостью. Если это было возможно там, то это могло стать возможным и в других местах — в любой стране, где сегодня еще свирепствовала свора угнетателей.

И вот однажды островитянин снова оказался на большом торговом

судне, увозившем его на далекий юг. Промелькнули голые песчаные берега Красного моря, обдав путников знойным дыханием пустыни. Неделями пароход шел по тоскливым просторам Индийского океана, пока не открылись берега великого восточного острова. Наконец пароход пришвартовался у побережья Сиднейского залива. Ако с матросским мешком за плечами распрощался с пароходом.

Отсюда, с места, где перекрещиваются пути из самых отдаленных уголков Океании, хотел он начать поиски своей потерянной родины.

3

В последующие годы на юго-восточных островах и в портах Тихого океана можно было встретить странного человека, который, словно дух изгнания, скитался с одного архипелага на другой; всюду он интересовался рассказами моряков и местными легендами, которые представляли собой воспоминания здешних племен о далеких морских странствиях и незнакомых островах. Сначала у него водились деньги, и он платил капитанам за переезд с одной группы островов на другую. По прибытии в порт он тотчас же покидал корабль и смешивался с толпой островитян и колонизаторов. Через пару недель — через месяц, смотря по тому, когда уходил новый корабль, этот удивительный человек отправлялся в новые странствия.

Когда деньги, сколоченные им на службе у богачей, все вышли, он стал наниматься матросом на парусники, объезжавшие уединенные острова Южного моря и собиравшие там копру и сушеные плоды. За несколько лет он исколесил Океанию вдоль и поперек. Узнав из газет о какой-нибудь экспедиции, снаряжающейся в продолжительное путешествие для исследования морских течений и глубин, он спешил в отдаленный за тысячу километров порт и не давал покоя начальнику экспедиции до тех пор, пока тот не принимал его к себе на службу. Один исследовательский корабль провел в плавании целых три года, и его маршрут охватывал всю юго-восточную часть Тихого океана, вдаваясь даже в пределы Антарктики. Вернувшись из этого путешествия, Ако — а это был он — не искал отдыха и развлечений, как его товарищи, а стал расходовать заработанные деньги на новые странствия. Однако убедившись, что маршруты торговых судов не приведут его к цели, он стал селиться на отдаленных мелких островах и вместе с туземцами, на их примитивных плотках и пирогах бороздил самые забытые уголки Океании. Оставшись без денег, он искал работу,

подряжался чернорабочим в портах и на плантациях, нигде не оседая на постоянное жительство. Белые люди удивлялись его интеллигентности, островитяне изумлялись широте его познаний. Но он никому не рассказывал, как выучился этому. Среди европейцев он вел себя совершенно так же, как белый, одевался в соразмерное своему достатку платье белых людей, говорил на безукоризненном английском языке, читал, писал и считал лучше иного торгового агента средней руки. Но когда одна крупная торговая фирма выразила желание назначить его своим представителем на плодородный и густо заселенный остров Полинезийского архипелага, Ако отказался, хотя ему предлагали хорошее жалованье. С туземцами он изъяснялся на их языке, употребляя в разговоре простые слова, обозначающие доступные им понятия и представления, — и они понимали все, о чем им рассказывал Ако. Старейшины племен его уважали, прислушивались к его советам и наставлениям. О Ако торопился. Ему некогда было останавливаться и пускать корни, — словно порыв свежего ветра, налетал он из-за моря, обдавал бодрящим дыханьем сердца своих соплеменников и опять уносился дальше.

Так проходил год за годом. Ако еще не нашел того, что искал, еще не устал от поисков, только порою его начинали одолевать сомнения: не тщетны ли его усилия? Возможно ли вообще найти родной остров?

Мысль, что он навсегда потерял свою родину, что ему никогда больше ее не увидать, только усиливала энергию Ако. Он не хотел, он не смел умереть на чужбине, каждой клеточкой своего тела он стремился к потерянной стране своей юности. Рано или поздно взор хищников-колонизаторов заметит ее, тогда грянет буря, несчастье, гибель. В этот роковой час Ако хотел быть со своим племенем, а что его присутствие в тот момент будет там необходимо, Ако убеждало все, что ему довелось видеть и слышать на бесчисленных островах Океании, где уже с давних пор хозяйничали колонизаторы разных национальностей.

Ако пришлось видеть целые архипелаги, народы которых на протяжении двух поколений почти совсем вымерли от созданных колонизаторами жизненных условий и завезенных болезней, Ако своими глазами видел один большой остров, где некогда обитало цветущее племя — численностью до шестидесяти тысяч человек, — теперь этого племени больше не существовало, большая часть его вымерла, а несколько тысяч человек были угнаны в рабство на плантации белых людей и в рудники на другие острова. Ако видел и эти плантации и рудники, где в ярме бесправного рабочего скота влачили последние дни своей жизни духовно убогие, теням подобные существа — потомки некогда свободных

островитян. Хлысты надсмотрщиков плясали по их спинам и головам, а попы и проповедники различных вероисповеданий делали все возможное, чтобы ядом религии искалечить их души и подавить в них мысль о свободе. Много крови и слез было пролито да и сейчас лилось на этих островах. Ако близко познакомился с методами колонизаторов, с разными ухватками этих «носителей цивилизации», с последствиями их хозяйничанья. Ни один бандит с большой дороги не мог сравниться с ними в жестокости, кровожадности и ненасытности, — ведь бандит с большой дороги нападает всего лишь на отдельных людей и самим его действиям в известной мере угрожают законы той страны, где он орудует, «цивилизаторские» же усилия колонизаторов ставили под угрозу жизнь целых народов, и колонизаторы могли спокойно вершить свои кровавые дела под эгидой закона, который они сами же выдумали и установили.

У Ако сердце обливалось кровью при мысли, что его маленькому народу предстоит попасть в лапы хищников. В просторах Тихого океана станет одним несчастным островом и одним угнетенным племенем больше. Вот почему он так страстно хотел попасть туда, пока это еще не началось. Каждый потерянный день усиливал его боль и беспокойство.

Шли годы. Но ничего не было достигнуто. Уже девятый год пошел с тех пор, как Ако жил на чужбине.

И тогда он впервые серьезно заболел.

Началось это с совершенно невинного насморка, а кончилось воспалением легких, Если бы Ако в то время не находился на одном из больших островов Туамоту, где имелся врач и небольшая больница, дело могло бы окончиться весьма плачевно. Островитяне, у которых он поселился, вначале думали, что это приступ обыкновенной лихорадки, и лечили его домашними дедовскими средствами. Станным только казалось, что он сильно кашлял и мучился головной болью.

В таком положении, совершенно обессиленным, его нашел молодой врач Колинсон, полгода тому назад поселившийся на острове. Колинсон кое-что слышал об Ако, знал, какой популярностью и авторитетом он пользуется среди островитян, поэтому настойчивость, с какой он стремился залучить Ако в свою больницу, была продиктована не столько гуманностью, сколько чисто профессиональным расчетом: если Ако позволит лечить себя, то и другие островитяне станут доверять ему, потому

что Ако в их глазах был авторитетом.

Колинсону не пришлось уговаривать полинезийца.

— Доктор, мне сейчас нечем уплатить за лечение...— Вот все, что мог возразить Ако. — Но если вылечусь, я не останусь перед вами в долгу.

Ако тотчас же поместили в просторное бунгало, которое называли больницей, и Колинсон стал так заботливо ухаживать за ним, словно от этого зависела жизнь не Ако, а его самого. Это был добропорядочный молодой человек — один из тех оригиналов, которые из романтических побуждений отказываются от блестящей карьеры в метрополии и добровольно отправляются в изгнание на край света. В то, время как его товарищи по университету где-то на севере зарабатывали деньги обширной частной практикой, либо работали ассистентами в больших клиниках и санаториях, он все еще страдал от недостатка пациентов и конкуренции знахарей. Но Колинсон тоже не терял времени даром. Если больные не шли к нему, это не означало, что он не мог пойти к больным. Он начал обширные исследования о проказе, слоновости и других кожных заболеваниях тропической полосы, нависших тяжелым проклятием над этим островом. В течение полугода он собрал столько наблюдений и фактов, что материала вполне хватило бы на докторскую диссертацию. Но Колинсона не мучило тщеславное желание как можно скорей получить очередную ученую степень. Он хотел действительно знать несколько больше, чем знали его современники и предшественники, — нечто такое, что пока еще было тайной, и разгадка которой дала бы в руки науки новое мощное оружие. Только тогда он предстанет перед академической аудиторией, и степень доктора медицины не заставит себя долго ждать. Чтобы работа шла успешнее, Колинсон накопил сотни книг, выписал множество журналов, хотя и не все они относились к области его исследований. Таким образом он всегда был в курсе всего нового, что творилось на свете, а в особенности на просторах бескрайнего Южного моря.

Когда Ако начал поправляться, Колинсон стал давать ему новые газеты и журналы. Лежа в постели, островитянин читал о событиях во всех пяти частях света, о войнах, спортивных состязаниях и значительных путешествиях. На снимках он видел изображения дальних стран и чужих людей. Но все, что большинству людей казалось важным и интересным, оставляло его равнодушным.

Однажды, когда Ако уже начал ходить, доктор Колинсон дал ему несколько свежих географических ежемесячников. Удобно откинувшись в шезлонге, стоявшем на террасе бунгало, Ако перевернул несколько

страниц, прочел некоторые заголовки и стал рассматривать картинки. И вдруг у него сердце замерло. Он порывисто сел и впился взглядом в какую-то фотографию, где были видны хижины островитян на берегу залива, за ними пальмовая роща и несколько темнокожих людей на взморье у лодок. Он чуть было не вскрикнул от изумления и на секунду закрыл глаза, потом еще раз взглянул на фотографию. Нет, это не лихорадочный, не безумный бред, — это была действительность.

Ако узнал эти хижины, этот изгиб залива и, хорошенько взглядевшись, различил в группе людей знакомые лица. Разве это не Оно — его отец, а это разве не брат его Онеага, мужественнее и старше, чем тогда, но с теми же чертами лица, что и у Ако? Но тщетно искал он там милое лицо Нелимы, и старого Хитахи, и Туле, свою мать. Под фотографией стояла подпись: «Ригондские туземцы».

Одновременно с внезапно нахлынувшей радостью Ако охватила глубокая печаль: белые люди опередили его. Они там, а его нет со своим народом. Пока он попадет на родину, там могут совершиться всякие злодеяния. В том, что для беспокойства есть достаточно оснований, убедила его напечатанная в журнале статья.

Девять лет проблуждав по океану, бутылка капитана Мобса пристала к берегам Южной Америки, где ее выловил матрос с какой-то английской шхуны. Три месяца спустя у берегов Ригонды появилось небольшое торговое судно с представителями Южноморского торгового общества на борту. В течение двух недель пришельцы знакомились с условиями жизни на острове и природными богатствами, и в результате этого изучения Южноморское торговое общество поспешило получить концессию на эксплуатацию Ригонды и установление торговых связей с островитянами. Маленький торговый корабль отвез в Сидней полный груз копры и образцы ископаемых. После этого на Ригонде был учрежден постоянный торговый пункт и агент Общества поселился на острове. Ако вычитал в журнале, что с Ригондой налажена регулярная связь: два раза в год судно заходит в залив, сгружает товары и забирает предназначенные на экспорт продукты. Кроме того, предполагалось в будущем использовать Ригонду в качестве базы для китобойных судов, так как на острове очень удобно возобновлять запасы воды и продовольствия. Автор статьи, человек, видимо, сведущий в экономике, уже пускался в рассуждения о том, что на Ригонде можно будет построить завод по переработке китов и склады. Отдельные промысловые суда больше не будут зависеть от больших судов-баз. Местная почва сулила богатые перспективы для плантаторов. Одним словом, опять некоторые опекуны делили шкуру неубитого медведя.

Судно регулярного сообщения ушло на Ригонду несколько недель тому назад. В лучшем случае Ако мог добраться на родину через полгода, но тогда он должен сейчас же уехать с Туамоту — либо в Новую Зеландию, откуда корабль Общества начинает свой рейс, либо, на Таити, куда он заворачивает по пути.

Еще целых полгода! Теперь, когда путь домой был найден, земля горела под ногами у Ако. Он согласился бы сесть в туземную пирогу и мчаться туда, куда звало его сердце и великий долг перед своими соплеменниками. Но он был еще слишком слаб для такого путешествия — доктор Колинсон не отпустит его, пока он окончательно не выздоровеет.

Ако полагал, что лучше будет, если он никому не расскажет о своем открытии. Пусть лучше белые не знают о том, что он связан с вновь открытым островом неразрывными, кровными узами, — тогда они больше не смогут задержать его здесь, на чужбине, и, может быть, он вернется домой еще вовремя, ..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Доктор Колинсон не обманулся в своих надеждах: после выздоровления Ако туземцы нашли дорогу к бунгалю врача, и у него никогда теперь не было недостатка в пациентах. Не имея возможности заплатить врачу за его труды деньгами или чем-нибудь ценным, Ако выразил свою признательность иным образом, который был для Колинсона куда дороже любого гонорара: он рассказывал островитянам о великой мудрости и целительной силе доктора, намного превосходивших мудрость и целительную силу всех знахарей вместе взятых. В том, что делает Колинсон, нет никакого обмана или колдовства, а просто разумные действия, — если кто-то занеможет, пусть без боязни идет к нему, потому что он друг темнокожих.

Первых больных, а среди них был и старейшина острова, Ако сам привел к Колинсону. Убедившись, что научное врачевание начинает приобретать доверие в глазах островитян, он счел свой долг выполненным и распрощался с островом. На попутной торговой шхуне Ако добрался до Таити, а оттуда продвинулся еще ближе к главному тракту китобойных и торговых судов. Отсюда в определенное время года можно было попасть чуть не во все уголки Океании: тут проходили почтовые пароходы, торговые суда, яхты, совершающие увеселительные морские путешествия, караваны туземных пирог. Но Ако теперь уж никому не поверял своих намерений. Он только выпытывал у моряков, куда те отправляются, а потом старался разобраться по географической карте, приблизит ли этот маршрут его к родине или же отдалит от нее.

Ему пришлось прождать шесть недель, пока в бухту вошло небольшое, по-современному оснащенное китобойное судно «Даппер». От экипажа Ако узнал, что до отплытия в промысловый рейс корабль имеет задание зайти на Ригонду и разведать, нельзя ли устроить на острове промежуточную базу.

— Не нужен ли вам человек? — спросил Ако штурмана. — Я служил на китобойных судах, а сейчас ищу место.

Штурман велел Ако обождать, а сам пошел переговорить с капитаном. По правде говоря, экипаж «Даппера» был укомплектован полностью, но

лишний человек на промысловых судах никогда не помешает. Полинезийцы вообще слыли отличными моряками, а этот парень вдобавок казался очень смышленным. После испытаний, на которых Ако должен был доказать, что он владеет компасом, умеет управляться со штурвалом, лебедкой и снастями, его зачислили матросом. Работая на корабле, он старался помалкивать о своем прошлом и планах на будущее. Товарищи по работе считали его замкнутым, неразговорчивым человеком, из которого клещами слова не вытянешь. Но так как Ако хорошо исполнял свои обязанности, матросы его не задевали.

Паруса и корабельный винт гнали «Даппер» на юго— восток — туда, где находилась родина Ако. Каждый час, каждая минута приближали его к Ригонде, о которой он не переставал тосковать все эти долгие, горемычные годы. Сколько раз обращал он на горизонт полный ожидания взгляд — и всегда его ждало разочарование. Теперь, наконец, он знал, что близится исполнение мечты, но он должен был скрывать свою радость и хранить молчание.

2

В четыре утра Ако стал на вахту. Глухо рокотал корабельный мотор, нефтяной дым ветром относил в море, и он долго тянулся за судном, напоминая унизанную гроздьями, далеко протянувшуюся от ствола ветку. Серые с желтыми пятнами паруса все время были надуты.

Неся вахту впередсмотрящим, Ако любовался быстро меняющимися красками утренней зари, и сердце его затрепетало, когда из-за горизонта пробилась первая лучи солнца. Зажглось море, будто золотой прилив хлынул по океану, морская рябь заискрилась, запылала, засверкала всеми цветами радуги. Когда этот поток света докатился до корабля и расплылся по всей водной шири, слева вдали что-то замаячило над горизонтом. Ако стоял и некоторое время, словно зачарованный, напряженно вглядывался в островерхую макушку горы, которая постепенно всплывала над водой. Вскоре возле этой верхушки появилась другая, чуть пониже ее, и их подножья слились воедино.

— Штурман, земля! — громко воскликнул Ако. Сердце его рвалось из груди, он готов был пасть ниц и, словно паломник, изъявлять родине знаки своей любви. Но никто на корабле не должен был заметить его восторга и разгадать тайну Ако. Долголетняя закалка воспитала волю Ако, поэтому сегодня он сумел совладать со своими нервами. Может быть, только чуть

плотнее, чем всегда, сжимал он губы, может быть, чуть повыше, чем обычно, вздымалась его грудь, а на бесстрастном, застывшем, лице странно выделялись сверкающие глаза, — но никто этого не заметил.

Штурман несколько секунд глядел в подзорную трубу в направлении, указанном Ако, потом сказал:

— Это Ригонда... — и пошел докладывать капитану.

Судно приближалось к острову. Было то же самое время года и точно такое же утро, как в тот день, когда к берегам Ригонды причалил «Сигалл» и увез Ако на чужбину. Прислонившись к мачте, он думал: «Вспоминает ли там кто-нибудь сейчас обо мне, чувствует ли, что я уже совсем близко? И может статься, какой-нибудь юноша, томимый тоской по неведомым далям, взирает с вершины горы на этот морской призрак, с тайной угрозой приближающийся к моей родине?»

Теперь он уже стал различать верхушки пальм, туманные очертания берега. Зоркий глаз Ако вскоре заметил риф и хижины островитян. Может быть, это лодки — вон то, что движется по лагуне? Каким нежным казался ему гул прибоя у рифа! Радостно звенели голоса морских птиц, и, когда их появилась целая стая, Ако почувствовал, что это его собственное ликование вьется там в поднебесье. В мгновение ока все-все вокруг него перестало казаться обыденным. Чужими, далекими, какими-то нездешними существами представлялись ему те самые люди, вместе с которыми он проводил на корабле дни и ночи, с которыми он и сейчас еще делал общее дело. Да, он еще работал, травил канат, убирал паруса, спешил с одного места в другое, когда его звали, но все это происходило будто во сне. Душа Ако пела, точно дивный инструмент, чьих струн коснулось милое дыхание родины.

В картине, открывшейся его взору, когда корабль приближался к расселине рифа, все было знакомо ему до последней черточки. Но наряду со знакомыми приметами он увидел и нечто новое, чего раньше тут не было: на холме в излучине залива Ако заметил большое бунгало с открытой верандой, выходящей на море, в каких живут белые на других островах. На мачте, укрепленной поблизости от этого жилища, взвился флаг и вяло заполоскался в воздухе, приветствуя вымпел корабля. Среди многочисленных полуобнаженных фигур островитян, толпившихся на взморье, Ако заметил мужчину в белом костюме и в тропическом шлеме — он стоял посреди группы людей, но островитяне держались поодаль от этого человека, так как в руке у него был какой-то тонкий, гибкий предмет, какие пускали в ход всадники, погоняя лошадей.

Да, белый господин и его плеть уже были тут. Но теперь ведь и Ако

вернулся — такой же умный и опытный, как и этот с плетью. И оба они знали, чего хотят, только белый колонизатор еще не знал, чего хочет Ако. Никто этого не знал.

Громыкнул якорь, шмыгнули в глубь лагуны испуганные стаи рыб. Когда к судну приблизилась пирога островитян, Ако удалился в кубрик и долго не показывался на палубе.

3

Ако не видел людей, подъехавших к кораблю на туземной пироге, но слышал сиплый, самоуверенный голос незнакомого человека, оглашавший всю палубу.

— Надолго ли, капитан?

— До следующего прилива, мистер Портер, — отвечал капитан. — Надеюсь, вы поможете нам уладить наши дела.

— Ром привезли?.

— А разве ваши запасы уже иссякли? Не даете же вы пить этим чумазым обезьянам?

— Этого еще не хватало! — разнесся по палубе сиплый смех мистера Портера. Казалось, гавкал старый охрипший пес. — Пусть они скажут спасибо, что я еще не запретил им лакать ихнюю аву. Ах, капитан, если бы вы знали, что это за люди! Лодыри, болваны и примитивны до крайности. Сойдете на берег, сами увидите. Между прочим, их женщины — не так уж дурны собой.

— Мистер Портер, вы получили радиограмму?

— Да. Все исследовано. В Ригондской лагуне есть очень удобные рейды. Если от берега построить деревянный пирс на сваях — а это вовсе не сложно, — то такие суда, как ваше, и даже более крупные, могли бы чувствовать себя тут, как в доке. Лучшего места для базы и желать нечего. Вот съедем на берег, я покажу вам план.

— Зайдемте на минутку в каюту, мистер Портер.

— Самое время промочить горло, капитан. Письма вы мне тоже привезли?

— Несколько штук есть.

После этого капитан и его гость удалились. Час спустя, когда они снова появились, языки у обоих заплетались, а бессвязные речи свидетельствовали о том, что оба успели изрядно захмелеть.

— Кто хочет на берег? — крикнул капитан. Вызвалось так много

желающих, что лодка Портера не могла всех забрать и пришлось спустить на воду баркас. Отправились на берег и штурман с боцманом. Последний перед отплытием сунул голову в матросский кубрик, где находились Ако и еще один пожилой матрос. — Вы оба останетесь на корабле вахтенными. Один пусть все время прохаживается по палубе да поглядывает, чтобы кто из этих молодцов не забрался сюда и не стибрил чего-нибудь.

— Есть! Будет выполнено, боцман... — проворчал матрос. Он поднялся и вышел на палубу. Немного погодя, как только лодки достигли берега, он вернулся в кубрик и, зевая, уселся на койку.

— Вот ходи теперь да тарашь zenки, пока они там веселятся на берегу. После ночной вахты и глаз не сомкнул. А вечером — опять к штурвалу.

— Ложись на койку и вздремни, — посоветовал Ако. — Я подежурю на палубе.

— Славный ты малый, Ако, — признательно сказал матрос. — И правда, завалюсь-ка я спать. А когда старик будет возвращаться, разбуди меня. Сделаем вид, будто вовсе не спали. Может, тогда хоть этой ночью оставят в покое.

Он разулся, повесил берет на вешалку и лег на койку. Ако вышел на палубу. До берега отсюда было примерно сто метров. Он видел матросов, шатающихся возле хижин островитян, и две белые фигуры на террасе бунгало. В лагуне не было видно ни одной лодки. Появление корабля, очевидно, представлялось островитянам еще слишком значительным и необычным событием, чтобы в такой день кто-нибудь мог думать о своих будничных делах.

С минуту понаблюдав за побережьем и убедившись, что никто не намеревается плыть на корабль, Ако вошел в кубрик. Матрос заснул. Он не заметил, как Ако вытащил из-под койки брезентовый мешок, в который он заранее уложил все свои пожитки. Волоча мешок по палубе, Ако дотащил его до борта, обращенного к морю. Потом он принес с капитанского мостика две доски, связал их и смастерил нечто вроде небольшого плота. Если бы даже капитан с веранды и поглядел бы на корабль в подзорную трубу, он не мог бы увидеть манипуляций Ако — его скрывала палубная надстройка. Спустив доски на воду, Ако переправил на плот свой мешок, потом и сам перевалил через борт, и, держась под прикрытием корабля, вплавь погнал плот по направлению к рифу. До рифа в этом месте было метров сорок. Через несколько минут Ако уже доставал ногами дно. По-прежнему держась под прикрытием корабля, он подогнал плот к рифу, потом взял мешок и перенес его через узкую полоску суши к самому морю. Теперь он находился под прикрытием рифа и, пригнувшись, мог смело

передвигаться по усеянному водорослями берегу. Слева шагах в тридцати от расселины рифа росли две пальмы. Приливом это место никогда не заливало. Тут Ако и спрятал свое добро. С острова мешка не было видно, а если бы кто—нибудь увидел с моря, то издали принял бы за камень или за гроздь кораллов.

Через пять минут Ако уже был на корабле. Он спря* тал доски на прежнее место, смотал веревку и, точно бдительный страж, принялся расхаживать по палубе — от носа судна до кормы и обратно. Медленно текло время. Когда солнце стало припекать невыносимо, Ако ушел на корму и сел на кнехт под тентом. Почувствовав голод, он спустился в камбуз и порылся в шкафчике для продуктов. Кок тоже уехал на берег. Они там, видимо, чувствовали себя неплохо. Ако слышал выкрики и пение перепившихся моряков. Потом раздалось несколько выстрелов — верно, кто-нибудь из офицеров демонстрировал островитянам свое волшебство, сбивая птиц. Ако улыбнулся — скоро в этом больше не будет никакого волшебства, ведь в его вещевом мешке найдутся не только одежда и украшения. Вовсе нет. Там был настоящий револьвер, разобранная винтовка и несколько сот патронов. Этот арсенал, который в другом месте и при иных обстоятельствах имел бы ничтожное значение, здесь мог приобрести огромную ценность.

Под вечер возвратилась одна лодка с боцманом, коком и несколькими матросами. Они привезли два бочонка воды и целую гору плодов и рыбы. Сложив продукты в кладовую и слив воду в питьевую цистерну, два матроса снова отправились на остров, а остальные, оставшиеся на корабле, подняли невероятный гвалт. В тропической жаре белому человеку достаточно и авы, чтобы наклюкаться...

Из их разговоров Ако заключил, что островитяне очень забиты и запуганы. Мистер Портер внушил им плетью величайшее уважение к белым. Результатом этой запуганности были плоды, рыба, украшения и оригинальные предметы домашнего обихода, которые островитяне отдавали без возражений, когда кто-либо из приезжих выражал желание взять их себе. Взамен они получали насмешки и грубые шутки.

Стиснув зубы, Ако улыбался, когда кок рассказы* вал ему о своих приключениях на берегу. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда перепившийся матрос, с сознанием превосходства своей расы, тупоумно издевался над обычаями и укладом жизни островитян, над тем, что было дорого и свято для Ако. Но когда через пару часов от берега отвалило несколько лодок, он снова забрался в кубрик и не показывался на па* лубе до тех пор, пока штурман не кликнул людей к парусам.

В сумерки, когда день сменяется ночью, «Даппер» снялся с якоря и, стуча мотором, двинулся через рас* селину рифа в открытое море. Миновав полосу прибоя, они развернули корабль на восток и начали ставить паруса. И вот случилось так, что, возясь в полутьме с парусами, Ако вдруг потерял равновесие и с легким вскриком свалился за борт. Тревожные возгласы матросов ветер отнес в море. Островитяне, вышедшие на своих челноках в лагуну посмотреть на отплытие корабля, не слышали минутной суматохи на палубе. Разве только странным им показалось, что судно, уже удалявшееся от берега, вдруг остановилось и несколько секунд вроде бы не двигалось с места. Но потом оно опять тронулось и, мигая белесыми сигналь* ными огнями на мачтах, постепенно скрылось в ночи.

Над водой Ако не появлялся.

— При падении он, как видно, ушиб голову и потерял сознание, — решил капитан. — Нам нет смысла задерживаться. А жаль... хороший был работник. — И, удостоив такого признания, цивилизованного дикаря Ако вычеркнули из списка живых. Может быть, по возвращении «Даппера» в порт соответствующее учреждение и объявит, что разыскиваются наследники, а может, и нет. И то сказать, какое могло быть наследство у такого всесветного бродяги (несколько шиллингов недополученного жалованья) и какие у него могли быть наследники. В старом вещевом мешке, оставленном на корабле, нашли одни лишь лохмотья. А нового мешка, который он раньше прятал в старом, никто не видел.

Метров тридцать Ако проплыл под водой. Этого было достаточно, чтобы с корабля его больше не могли увидеть. Высунув голову из воды лишь настолько, чтобы можно было дышать, Ако передвигался бесшумными эластичными движениями тела и все больше удалялся от корабля. Когда мотор «Даппера» снова захлопал, островитянин уже миновал полосу прибоя и ползком пробирался к рифу. Там он еще некоторое время полежал, прижавшись к земле, и только когда все пироги островитян вернулись на берег, Ако встал и направился по рифу на восток. Так он шел минут пять, а может и больше, пока не достиг места, где риф вдавался в лагуну напротив мыса, образующего восточное побережье бухты острова. Теперь уж он был уверен, что из поселка островитяне его не заметят. В этом месте лагуна была шириной метров в восемьдесят. Над островом сиял месяц. И снова, как в те далекие дни, мерцала водная гладь

лагуны, серебром отливала листва в купах деревьев и кустарников, и стройные пальмы отбрасывали длинные тени. С минуты Ако стоял будто в полусне, предаваясь очарованию нахлынувших чувств. Сновидением казался ему этот миг, но он знал, что теперь это уже не сон. Это его родина, это она покоится тут в ночной тишине — столь же прекрасная и милая, как и прежде. Метни Ако камень через лагуну, и он упадет на берегу Ригонды.. издай возглас радости и счастья, и его услышит твое племя! Дома... ты дома, Ако! Ты больше никогда не расстанешься с этой землей — твоя судьба, каждый твой вздох с этого дня до смертного часа будет связан с судьбой Ригонды.

И вдруг он почувствовал, что больше не может спокойно устоять на месте. Торпедой врезалось его тело в воду, сильные руки бесшумно и быстро рассекали сверкающую гладь, вздымая по обеим сторонам зыбкую рябь. Ако не беспокоила мысль, что на него может напасть спрут или акула, — пусть они только попробуют, тогда увидят, что Ако не разучился сражаться с чудовищами. И вот он уже на берегу, мокрый, слегка усталый и взволнованный. Но не от усталости припал он к земле и гладил ригондский песок, траву, корни, стволы пальм. Его губы шептали странные слова, он разговаривал с ветром, шелестевшим в чаще кустов, он задавал вопросы и отвечал плеску воды, яркому лунному свету, тихому стрекоту невидимых насекомых. Ему хотелось обнять и прижать к своей груди этот маленький мирок, слушать, как бьется его сердце, и ласково ободрять: я теперь дома, все будет хорошо. Столь необычными были эти чувства, что он готов был смеяться и плакать в одно и то же время.

Поздно ночью какой-то человек лесом шел по направлению к поселку, туда, где в своих легких жилищах спало племя этого острова. Он дал круг, обошел бухту и с суши приблизился к хижинам островитян. Словно живая тень, передвигалась его фигура между стволами деревьев. А потом он вышел из рощи и стал глазами искать одну из хижин, которая должна была находиться здесь. Но место очага Оно и Тули было пусто. Другая хибарка, в устройстве которой пришелец узнал приметы иного рода, стояла на холме у излучины залива.

Ако пошел дальше. Напрасно искал он жилище Хитахи там, где оно находилось раньше. У него дрогнуло сердце при виде заброшенного, занесенного песком очага, у которого когда-то хлопотали милые руки смуглокожей девушки Нелимы. И вдруг ему почудилось, что все, все здесь разрушено и опустело, что он пришел в пустыню, в царство смерти и безмолвия. Где ты, Нелима? Где вы, Оно и Тули, мой младший брат и все мои добрые друзья? Идите сюда, сядем у костра, и я поведаю вам быль о

далеких морях.

Отделившись от дерева, с треском плюхается на землю зрелый плод. За рифом рокочет океан, свежий полуночный ветер треплет волосы Ако. И вдруг он слышит во тьме вопли боли, это очень странно, что ночью так кричат. В хижинах шуршат спальные циновки, во многих жилищах слышится боязливый шепот. А вопли не стихают.

Ако возвращается в рощу и, прячась за стволы деревьев, направляется в ту сторону, откуда доносятся исступленные вопли. Они приводят его к бунгало английского агента. На веранде горит огонь. На столе валяются опрокинутые бокалы и пустые бутылки. В пятне света, причудливо расплывающемся во тьме, йиден вдребезги пьяный нездешний человек. Лицо его медно-багрово, в уголках рта скопилась пена и слюна. Безобразно перекошенное гневом лицо напоминает хищную птицу — Ако видел много таких лиц во всех концах света. Белый изверг хлыстом избивал какого-то островитянина, в бессилии свалившегося на пол, сопровождая свои удары сиплым ревом:

— Обезьяна, дубина стоеросовая! Это тебе за твою дурь, за неповоротливость, за лень! Это за разбитую рюмку! А это за нагрешшую воду и неподметенную веранду! Вот тебе, на!., на!., на!..

Потом он пинает ногой сникшего человека и тяжело откидывается в кресле, глаза его сверкают и ноздри от возбуждения непрерывно раздуваются и опадают. Шагах в двадцати от бунгало начинает сверкать другая пара глаз, но агент не видит этого. Ожесточенный и мрачный, словно каменное изваяние, стоит Ако на опушке леса, и ему кажется, что весь остров стонет, что лесная чаща и море, земля и воздух шепчут ему повесть своих страданий. Теперь Ако знает, что этот остров уже не тот, что был прежде. Башмак колонизатора грубо попрал свободу его племени, Ригонда превратилась в застенок страданий.

Ако пригибается к земле. Что-то свистит в воздухе. Что-то твердое и ребристое вдруг ударяет агента в щеку. На ней проступает кровь. Мгновенно воцаряется тишина. И темнокожий островитянин, вскочивший на ноги и изумленно глядящий на своего повелителя, и белый изверг, которого хватил вылетевший из темноты камень, — оба они словно затаили дыхание и ждут чего-то сверхъестественного. Мистер Портер выглядит совсем растерянным, он хлопает глазами и ощупывает саднящую щеку — это и в самом деле кровь, и в самом деле в него швырнули камнем! Какой-то островитянин осмелился поднять руку на белое божество! Божество этим крайне поражено и озадачено.

Но напрасно он прислушивается, всматривается в кусты и в группы

деревьев. Остров молчит. В роце даже ветка не шелохнется.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

В полночь Онеагу разбудил лунный свет, ударивший ему в лицо через раскрытую дверь хижины. Юный островитянин открыл глаза, и сон тотчас слетел с него.

В дверях хижины стоял какой-то человек. Его лица не было видно — оно находилось в тени. Одной рукой он держал сдвинутую в сторону дверную циновку, а взгляд его был устремлен на лежащего Онеагу, его жену Тамо и обоих детей. Онеага привстал и испуганно спросил:

— Что случилось? Белый человек опять беснуется?

— Белый человек отсыпается с похмелья, но он непременно снова будет бесноваться, — отвечал Онеаге чей-то голос, который он когда-то в своей жизни слышал, но теперь не мог узнать. — Выйди сюда.

Незнакомец отступил от входа и, убедившись, что Онеага следует за ним, пошел через рощу к кустарнику. Здесь он остановился и повернулся лицом к свету.

— Онеага, ты узнаешь меня?

Онеага с минуту глядел в это лицо, — когда-то юное и нежное, а теперь ставшее от пережитого худощавым, суровым и мужественным.

— Я тебя видел... — в крайнем смущении пробормотал островитянин.

— Ты меня видел, Онеага, но меня долго не было здесь. Узнаешь ты меня? — Улыбка, показавшаяся на лице пришельца, смягчила его, и в нем проступило нечто такое, что сохранилось в памяти Онеаги. И вдруг он вздрогнул, в сильном испуге отпрянул назад, в глазах его промелькнул ужас, покорность, мольба.

— Ако... — сорвался трепетный шепот с губ Онеаги.

— Да, брат, я Ако. Не бойся меня, я не Дух, я живой человек, такой же самый, как и ты. Я прибыл на корабле, что вчера останавливался в лагуне, и тайком от белых людей сбежал на берег. Они думают, что я умер, но я жив, Онеага. Я никогда не умирал. Подойди пощупай мои руки, послушай мое сердце. Оно бьется так же, как и твое. На мне одежда белых людей, но скоро я перестану носить её. Тогда все вы узнаете меня.

Несмело, с опаской приблизился Онеага к брату, боязливо прикоснулся к нему руками; ощупывая, они скользили по его плечам, груди, лицу. Ако

улыбался. И с лица Онеаги постепенно исчезал суеверный ужас, он поверил, что перед ним стоит живой человек, Ако, а не тень умершего брата. Бурная радость охватила его, он прыгал» вокруг своего брата, подбегал к нему, гладил его плечи и лицо, потом отскакивал, издали смотрел в глаза Ако и восторженно улыбался.

— Говори тише, Онеага, — предостерег Ако. — Белый человек не должен знать, что я пришел на остров. Давай уйдем подальше от хижин.

И они углубились в чащу. Когда радость Онеаги от встречи с братом немного улеглась, они уселись под большим хлебным деревом и долго разговаривали.

— Расскажи, Онеага, что вы обо мне думали, когда я уехал?

— Мы думали, что ты больше не вернешься, потому что белые люди разгневались на тебя. Два раза в год мы ставили на Тихом берегу еду и питье твоей душе. Нелима долго верила, что ты вернешься. Она часто взбиралась на гору и смотрела на море. И когда ты все не приходил, она хотела последовать за тобой. Однажды она взяла твою пирогу и уплыла за риф так далеко, что с острова уж не стало видно ее. А потом поднялся сильный ветер и пригнал пирогу обратно к острову. Тогда Нелима сказала, что это знак, предупреждение, чтобы она не смела следовать за тобой и что ты когда-нибудь сам вернешься. Племя выстроило хижину Манго, и Манго просил Нелиму стать его подругой. Но она не пошла в хижину Манго. Ловаи получил хижину и пирогу и пригласил Нелиму к себе, но она и к нему не пошла. «Я должна ждать Ако, — сказала она, — я обещала хозяйничать в его хижине». Потом Хитахи научил ее готовить из корней и плодов настойки, которые делают больных крепкими и здоровыми, и Нелима стала ходить по хижинам к больным, помогать хворым детям и чахлым женщинам. Никто больше не звал ее подругой в свою хижину — она стала другом всем немощным.

Затаив дыхание, внимал Ако рассказу брата. При свете луны его лицо было как на ладони, и Онеага видел, как взволнован его брат. Он приумолк, пока Ако не спросил:

— А как остальные?

— Многие старые мужчины и старые женщины умерли, но на острове много мальчиков и девочек, которые родились уже без тебя. Хитахи скончался на третью весну после того, как тебя увезли. Старейшиной племени стал наш отец. Оно долгое время давал советы нашим мужчинам и был хорошим старейшиной, пока белые люди в другой раз не прибыли на остров. Тогда он сказал: «Белые люди несут нам беду и горе. Они уже увезли моего сына Ако; теперь они приехали, чтобы снова увести кого-

нибудь с собой. Не позволим этого, не подпустим их близко к себе». И все мужчины и женщины последовали за ним в лес, а белые кинулись вдогонку и хотели заставить нас вернуться. Они окружили нас со всех сторон, метали гром и молнии из своих палок и пригнали нас к заливу. Несколько дней они пробыли на острове, а когда отплывали, они дали нашему отцу посудину со сладким огненным напитком. Оно выпил и стал словно одержимый: повалился на землю и захохотал. Потом злой дух, который вселился в него, вогнал отца в лагуну, и он утонул. Через два полнолуния кокосовый орех упал на голову нашей матери» и она ушла к отцу в подземный мир. И сейчас же после этого приехал белый человек. Он созвал всех людей и сказал, что отныне он наш старейшина и повелитель, мы должны исполнять все, что он прикажет.

— Что он велел вам делать? — со стоном вырвалось из груди Ако.

— Первым делом он приказал выстроить просторную хижину, где он теперь живет, и другую хижину, куда складывают кокосовые орехи, плоды и прочие вещи, которые мы ему приносим. Он колотит всех, кто» нерасторопно работает и не приносит столько кокосов, сколько он желает. Он всегда злой, орет и пинает ногой каждого, кто подойдет к нему поближе. Ты помнишь Манго?

— Да, Онеага, он был моим другом.

— Манго не хотел отдавать белому свои орехи, он ослушался его приказа и не пошел работать, а убежал в лес. Тогда белый повелитель взял громобойную палку и отправился искать Манго. Он нашел его на другом берегу острова. Манго тотчас же вскочил на ноги и хотел скрыться, но гром белого человека настиг его и убил. После этого никто уж не смел ослушаться белого человека. У него есть гром. Островитяне ничего не могут поделаться. Они отдают все, что у них требуют, они лазают на пальмовые деревья, сбрасывают оттуда орехи, сушат копру и сносят в большую хижину. За это белый человек дает тонкий блестящий камушек, в котором можно видеть себя еще яснее, чем в спокойной воде. Иногда он дает пеструю ткань, иной раз блестящие бусы, мужчин он хочет приучить тянуть дым из чудной штуковины, которая называется трубкой. Тому, кто лучше всех ему угодит, он дает испить глоток огненного напитка.

— Что он еще делает тут на острове?

— Он уводит мужчин к подножию горы и велит копать землю. В другом месте велит отбивать от скалы большие куски камня. Молодых парней он посылает в лагуну, чтобы те ныряли и доставали со дна раковины. Если в какой-нибудь раковине находят белое сверкающее зернышко, то он забирает его себе, а парню дает что-нибудь. Сверкающие

зернышки никто не смеет утаивать. Один парень запихнул зернышко в ухо и хотел было принести его в хижину, но белый человек заметил это. Он оторвал парню ухо и до тех пор колотил его палкой по спине, пока тот не стал харкать кровью.

— И никто не пришел ему на помощь... тому, кого били?

Онеага изумленно посмотрел на брата.

— На помощь? Как же можно помочь? Белый человек — повелитель, его надо слушаться. У него гром, который поражает человека. А у нас ничего нет. Нельзя противиться белому человеку.

— У меня тоже есть гром, Онеага. Такой же самый, как у белого. И вовсе это не гром, а маленькая круглая пуля, которую подожженный ветер вгоняет в тело человека. Я умею поджигать такой ветер. И если захочу, белый человек будет мертв. Но рассказывай дальше — все, что ты о нем знаешь.

И Онеага продолжал свой рассказ. Мистер Портер властвовал в своем царстве подобно древним деспотам. Он облюбовал себе слуг и служанок из островитян, он приказывал самым миловидным девушкам спать в его хижине, — когда одна надоедала, он брал другую. Не было ничего на свете, чего бы он не мог и не посмел сделать.

— Где сейчас Нелима? — спросил Ако.

Онеага понурил голову и долго молчал.

— Белый человек позвал Нелиму в свою хижину. Добром она не пошла. Тогда белый человек велел при* вести ее силой и запереть в своей хижине. Сейчас она там. Он больше не выпускает ее.

Лицо Ако передернулось и побледнело. Будто погрузившись в раздумье, он долго смотрел вдаль, в те»мень кустов, потом произнес:

— У тебя есть пирога, Онеага?

— Конечно, Ако.

— Ты завтра поедешь ловить рыбу?

— Поеду.

— Тогда переправься через лагуну к правойГ стороне рифа. Возле двух пальм ты найдешь узел. Возьми его в пирогу и перевези через лагуну, но так, чтобы другие не видели, — это мои вещи. Я буду ждать тебя за мысом в кустарнике. А потом иди и поговори с моими и твоими друзьями, с теми, кто не дружен с белым человеком. Расскажи, что я вернулся и хочу освободить остров от этой напасти. Пусть они приходят завтра ночью в ложбину к подножию большой горы, пусть идут тихо и захватят с собою остроги, да так, чтобы белый человек ничего не заметил. Женщинам и детям не рассказывай ничего. С трусливыми мужчинами не говори. Если

люди послушаются меня, Ригонда снова станет свободной и мы сможем жить, как сами пожелаем.

— Ой, Ако, — и ты сумеешь это сделать?

— Сумею, Онеага. Верьте мне. Завтра ночью я расскажу вам, что мне довелось пережить на чужбине у белых людей.

— Ако, тебе не хочется есть? Я принесу тебе что-нибудь из хижины...

— Не беспокойся обо мне. В лесу много съестного. А теперь ступай.

Онеага поднялся, доверчиво и дружески улыбнулся своему большому брату, который пришел освободить свое племя; потом пошел обратно к берегу залива, в свою хижину. Когда Онеага скрылся из виду, Ако сел под дерево и стиснул голову руками. Мрачными и мучительными были его думы, сердце, раздирала щемящая боль.

2

Полукругом перед Ако расселась целая толпа мужчин и юношей. Всего он насчитал пятьдесят шесть человек. Они пришли с острогами, с тяжелыми дубинами, пращами и костяными кинжалами. Взрослые и пожилые мужчины еще хорошо помнили Ако, а парням помоложе он представлялся легендарным героем, существом из далекого прошлого, о котором рассказывалось в родовых преданиях. Поэтому велико было изумление юношей, когда они увидели перед собой молодого, сильного мужчину, а не дряхлого старца, каким по их представлениям должен был выглядеть Ако. И когда он говорил, у него был голос живого человека, такой же, как у других мужчин Ригонды, только мысли были совсем иные, и то, что он рассказывал, — столь необычайно, что в глазах слушателей это делало Ако существом почти сверхъестественным.

Луна разливала свет над уединенной ложбиной, и в этом призрачном освещении сказочной казалась фигура Ако, стоящая перед толпой людей. Говоря, он почти не шевелился, только возбужденно горели его глаза и бурно вздымалась грудь. Речь Ако текла плавно, полная уверенности и первобытно-возвышенной торжественности. Он говорил:

— Братья мои, мужчины и юноши Ригонды! С вами говорит ваш брат Ако. Он долгие годы был в Чужой стране у белых людей, и вы считали его умершим. Но Ако не умер, он был лишь потерян для своего острова и для своего племени, и мертвы были его радость, его свобода и счастье. Он видел то, чего не увидишь отсюда, — острова, больше и меньше нашей Ригонды, белых, черных, желтых и коричневых людей, селения из

огромных каменных хижин, лодки, которые по вели* чине в тысячу раз больше наших пирог и которые плавают по морю без парусов, видел всякие другие удивительные вещи и события. Ако встречал и добрых, и злых людей. С добрыми ему хорошо жилось, злые мучили его. Он хотел домой, но не мог найти дорогу. Никто не знал, где находится Ригонда. Если бы белые знали это, они никогда не оставили бы вас одних. Нет, тогда они давно бы прислали огромную лодку, которая называется кораблем, и белый сердитый человек уже давно поселился бы на острове. Я знаю, как вам теперь живется. Вы больше не можете жить так, как вам нравится. Тут теперь белый человек с громобойной палкой и плетью, он принуждает вас работать на себя и делает с вами все, что ему вздумается. Лучше ли вам стало, чем раньше?

Островитяне, понурив головы, угрюмо молчали. Ако услышал общий вздох.

— Радостно ли у вас на душе, когда чужестранец бьет вас, отрывает уши и пинает ногой? Можете ли вы беззаботно распевать, когда он велит снести в свой сарай всю копру и говорит: «Это мое»? Может, вы думаете, что блестящие камушки, рыбы и лоскуты ткани, которые он швыряет вам, стоят дороже того, что вы отдаете ему? Может, вам кажется, что он божество и вы должны подчиняться ему? Вы боитесь громобойной палки? Вы покорно молчите, когда он уводит в свою хижину ваших дочерей и сестер, жен и подруг? Вы верите, что он всемогущ и ему нельзя перечить? Друзья, это заблуждение. Пришелец такой же человек, как и вы, он так же рождается, а придет время — умирает, как и люди на острове. Он не может повелевать ни землей, ни морем, и никакой бог ему не помогает. Он только поумнее вас и знает то, чего вы еще не знаете, потому что на Ригонде никто еще не учил вас этому. И вы могли бы смастерить громобойную палку и сразить белого человека так же, как он поражает вас. И вы смогли бы построить такие же корабли, какие строит он, вы все смогли бы. Тогда он не посмел бы свирепо орать, пинать ногой и избивать вас. Всему этому можно выучиться. Поэтому я не остался в Чужой стране, а приехал домой, чтобы помочь вам. Я знаю то «же самое, что и белый человек, у меня есть громобойная палка и огонь. Обдумайте все и скажите мне, хотите ли вы, чтобы все осталось так же, как оно есть теперь, или же чтобы стало так, как это вам по душе?

— Ой, Ако, неужели ты можешь это сделать? — стоном прозвучал вопрос Ловаи. — Мы хотим жить свободной жизнью, но разве это возможно? Белый человек разгневается, если мы ослушаемся его.

Ако мрачно усмехнулся.

— Белый человек будет слушаться нас. А если нет, тогда мы разгневаемся. Как захотим, так и поступим с ним. Он один, нас — много. Один подчиняется большинству, а если не подчиняется, то его уничтожают. Ригонда принадлежит нам. Белые люди не могут отнять ее. Пусть они живут в своей стране, мы у них ничего не просим. То, что есть на острове, принадлежит нам, и нам оно нужно, мы ничего не отдадим белому. А если ему чего-нибудь понадобится из того, что у нас есть в избытке, то пусть он приходит как Друг и скажет: «У вас есть вот это, а у нас это. Произведем справедливый обмен. За такое-то количество копры я вам уделю столько-то и столько-то нарядных тканей, посуды и других хороших вещей». И если он захочет честно менять, тогда мы станем меняться, но если он задумает мошенничать, то мы ничего не дадим ему и ничего не возьмем у него. Тогда пришелец одумается и поймет, что ригондские люди не глупцы, они знают цену каждой вещи. Он вернется и отдаст из своего добра столько, сколько нам причитается. Мы добьемся этого, если будем действовать смело и держаться все вместе. Если же мы струсим и станем слушаться белого, то с нами произойдет то же самое, что произошло на других островах, где я побывал.

— А что там произошло?

— Там белые люди отобрали у темнокожих всю землю, все деревья и кустарники. Темнокожие лишились свободы, они гнут спины на тяжелой работе, а взамен получают побои и грубые окрики, быстро старятся и умирают от тяжелых болезней. Со временем вымирают все, и на острове не остается ни одного темнокожего. Белый человек забирает остров себе. Братья, вы еще не знаете, какво работать на белого человека. Он заставит вас нырять в воду и собирать раковины, потому что в них есть блестящие зернышки. За одно такое зернышко белый получит столько всякого добра, что несколько лет можно прожить в изобилии, — а что он даст вам за это? Ничего. Он прикажет вам рыть под высокими горами глубокие норы и выносить из них драгоценные камни. Их погрузят на корабли и увезут в Чужую страну, где белый человек получит за них множество всякого добра, а вам не достанется ничего, хотя горы и драгоценные камни — ваши.

Вас будут бить и ругать, вот и все. Дети белого человека будут расхаживать в роскошных одеждах, свободные, счастливые и сытые. Ваши дети будут чахнуть и голодать, они не вырастут большими и красивыми. Вам будет жалко своих детей, но белый человек только посмеется над вашей болью. Так будет, если вы не послушаетесь меня. Что вы думаете делать, братья?

Мужчины и юноши встали и сгрудились вокруг Ако. Онеага

промолвил:

— То, что ты рассказывал про белого человека, — это правда. Так он поступает у нас. Ты мудрейший из нас. Как ты велишь, так мы и сделаем.

— Хорошо, тогда я укажу вам правильный путь, — сказал Ако. — Слушайте меня и ничего не бойтесь.

Когда на другое утро мистер Портер вышел из бунгало и, зевая, взглянул на лагуну и на поселок островитян, где у очагов «хлопотали женщины, ничто не предвещало, что ему угрожает опасность. Несколько стариков мирно беседовали возле лодок, дети играли на прибрежном песке, а некоторые мужчины налаживали свои удочки. Напоминая о своем присутствии и могуществе, Портер щелкнул плетью: „Коричневые черви... — презрительно подумал он. — Вот наступлю сапогом — и нет червя. Моей милостью все дышит и живет... и помирает тоже. Хорошо быть сильным“. От приятного расположения духа он заорал не своим голосом:

— Эй, орава бездельников, долго вы еще думаете околачиваться возле своих халуп? На работу, дьяволы! Собирайтесь и марш в лагуну! Если до вечера не выловите мне полную пригоршню красивых жемчужин, то я...

Как глухарь в своем песенном экстазе гложет, так и Портер, опьяненный мощью своего голоса, не слышал ничего — ни шелеста кустов, ни хруста песка, ни тихого гула шагов. И вдруг он был окружен, повален ничком наземь, и спину его оседлала целая ватага мужчин. Он не видел, но чувствовал, что из рук у него выхватывают плеть, от пояса отстегивают револьвер, а ноги его и запястья оплетают крепкими веревочными путами. Потом его перевернули навзничь и прислонили к стволу пальмы. Во главе толпы островитян стоял статный мужчина, которого Портер на острове раньше не видел. Он держал в руке револьвер и плеть Портера и с мрачным спокойствием созерцал пленника.

— Что это значит, мерзавцы? — взревел Портер. — Сию же минуту отпустите меня, иначе я всех вас поражу своими громами!

— Полегче, громовержец нашелся... — к великому удивлению Портера на чистейшем английском языке произнес неизвестный мужчина. — Не беснуйся. Твоих громов мы не боимся. Отчего ты так побледнел, мистер Портер? Может быть, ты думаешь, что мы оторвем тебе уши, так же, как ты отрывал наши? Не бойся, этого мы не сделаем. Мы вовсе не такие собаки, как ты. Смотри и удивляйся, белый зверь. И помни: так будет с каждым, кто попытается прийти сюда с враждою.

Потом Ако сказал что-то островитянам на их языке. Ликующие и возбужденные, кинулись люди к бунгало белого человека, распахнули настежь двери и окна и выволокли наружу тюки мануфактуры, бутылки с

напитками, оружие, мебель, мелкие товары для обмена и ларец с жемчугом. Они торжественно сложили все это в роще под деревьями. И Ако сказал:

— Это теперь наше, мы поделим это между собой. Люди пели, подпрыгивали, шумели от восторга. А юноши тем временем нанесли из складского сарая в лодку Портера целую кучу сушеных плодов, копры, вяленой рыбы и прочей снеди. Несколько парней сбегали к роднику и, притащив в кувшинах воды, наполнили ею дубовый бочонок. Они были даже настолько услужливы, что сами укрепили мачту на лодке и поставили парус. Потом повелителя острова под общий смех и песни усадили в лодку. Ако и еще двое мужчин залезли в нее и, сопровождаемые целой флотилией пирог, выехали через расселину рифа в открытое море. Они отплыли далеко, так что с берега их почти потеряли из виду. Тогда Ако и его спутники перерезали веревки, которыми Портер был связан по рукам и ногам, и перебрались в пироги островитян.

— Пусть море решает твою судьбу, — сказал Ако. — Если ты пристанешь где-нибудь к берегу, то расскажи людям, что ригондское племя не хочет стать рабами. Каждого, кто придет сюда врагом, постигнет твоя участь. Если же ты погибнешь, это не будет чересчур суровой карой за твои грехи. Держи на северо-запад, там есть острова. Через несколько недель ты можешь добраться до них. Если же ты попытаешься приблизиться к Ригонде, мы тебя уничтожим. Люди и днем и ночью будут стоять на страже.

Подпрыгивая и покачиваясь, пироги островитян быстрым ходом ушли обратно к берегу. Мистер Портер был так ошарашен, что позабыл даже выругаться. Будто издеваясь над его бессилием, журчали и плескались волны. Солнце пламенело над водной пустыней, в парусе свистел ветер, и, словно предостерегающе поднятый к небу палец, высился вдалеке пик ригондской скалы.

Портер схватился за руль.

— Свинство, и больше ничего, — пробурчал он. — Но я вам еще покажу... вы еще увидите у меня, где раки зимуют, будьте уверены, бездельники «проклятые»!

И он погрозил кулаком в направлении острова.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Все ригондское племя собралось на небольшой поляне между поросшей кустами подошвой горы и лагуной. Люди постарше уселись на земле, скрестив под собой ноги, другие присели на корточки, опершись на одно колено, а большинство стояло. Взрослые время от времени одергивали подростков, когда те затевали возню и поднимали шум, заглушая голоса Ако и других мужчин. Женщины баюкали на руках своих малышек и делали все, чтобы они не расплакались. Лишь радостные крики птиц никто не мог унять, так же как и рокот волн, все время ласково гудевших за рифом.

Большинство присутствующих все еще не могло постичь происшедшего, и в их глазах Ако читал то сомнение, то растерянность, то невысказанную мольбу. Белый человек — это всеильное существо, которому ни один островитянин не смел прекословить, — был сегодня унижен, с позором и насмешками изгнан с острова! Ригондцы не только осмелились воспротивиться его воле, но и силой навязали ему свою. Что только теперь будет! Гнев белого человека чудовищен; разгневаться, как он, — не может ни один островитянин даже в минуту самой тяжелой обиды. А что если он вернется вместе с другими белыми... если найдет на остров ужасные опустошительные грозы? Уж он придумает, как выместить свою ярость.

Ако понимал, какие думы обуревали в этот миг головы его соплеменников. Первое опьянение свободой у них уже прошло, и началось нечто вроде похмелья, которым назавтра утром мучится островитянин после того, как накануне вечером хватит лишку доброго напитка авы. Ако сознавал, насколько велика его ответственность, — ведь он же зачинщик всего содеянного, ему и ответ держать за последствия. Ако готов был к этому. Ни одного мгновения он не сожалел о случившемся, нет, его не угнетали заботы о возможных событиях в будущем. Все было правильно, иначе и не могло быть. Если бы Ако не сделал этого, ему не стоило бы возвращаться на родину.

Ако остановился в кругу своих соплеменников и заговорил:

— Слушайте, мои братья и сестры! Я расскажу вам о том, как живут

люди на других островах и в Чужой стране. Вы должны знать, что получается, когда какое-либо племя больше не может жить так, как ему самому нравится, а вынуждено жить так, как приказывают чужеземцы. И, когда вы узнаете это, вам станет ясно, почему белому человеку, которого мы сегодня выпроводили в море, нет места на нашем острове.

Воцарилась глубокая тишина. Все время, пока он говорил, все глаза, не отрываясь, глядели на Ако.

И он рассказал ригондским мужчинам и женщинам о разбросанных в океане островах и архипелагах, где островитяне на протяжении уже нескольких поколений томятся в ярме рабства, подвластные произволу колонизаторов. Он поведал им о вымерших народах и о тех несчастных племенах, которые были вывезены со своей родины на далекую чужбину, где их заставляли надрываться на плантациях и в копиях. Там люди умирали от болезней и гибли, не выдерживая непосильного труда, и никто из них никогда больше не вернулся на свой родной остров. Плоды, выращенные ими, рыба и жемчуг, что они добывали, драгоценные камни, которые они отыскивали в недрах земли, — все это прибирали к рукам чужеземные, жестокие повелители, такие прожорливые и алчные, что им всегда всего было мало.

— Но не думайте, — говорил Ако, — что белые выжимают соки только из наших людей, таких, как вы и я. Нет, они грабят и своих соплеменников, других белых. Часть белых людей принуждает другую часть белых непосильно трудиться и жить впроголодь, чтобы только самим всего было побольше. Есть и такие темнокожие, что, наглядевшись на белых, плохо обходятся со своими темнокожими братьями, мучат и грабят их, и эти темнокожие грабители ничуть не лучше белых. Стало быть, не по цвету кожи надо судить, добры люди или жестоки, а по их делам: есть хорошие белые, коричневые, черные люди, и есть плохие коричневые, черные и другие люди. Чтобы хорошие люди могли уберечься от несправедливости, они должны держаться сообща против всех плохих людей. В Чужой стране я встречал и таких белых, которые относились ко мне по-братски. Если бы они когда-нибудь приплыли в большой, лодке на наш остров, мы могли бы им позволить остаться у нас. С ними мы жили бы, как с добрыми друзьями. Много я повидал разных стран и всяких народов, и в каждой стране большинство было таких людей, которым живется трудно и которые стремятся к лучшей жизни. Мы сегодня изгнали с острова своего тирана, ибо он был один, а нас много и все мы были единокорны. В других землях таких тиранов гораздо больше, и тем, кто хотят от них избавиться, не так-то легко это сделать. Поэтому там еще

долго надо бороться, копить силы, добиваться единодушия, — тогда и там люди прогонят насильников и заживут свободно. Я видел своими глазами и слышал своими ушами, что и там с каждым днем все больше людей начинают думать одинаково. Завтра станет больше, а послезавтра еще больше таких, кто жаждет свободы. Они хотят стать свободными. А мы уже завоевали свободу; наша задача — не потерять ее. Хотите вы этого?

— А сумеем ли мы? — раздался в толпе чей-то голос.

Ако взглянул на говорившего и узнал Ловаи.

— Надо сильно захотеть, тогда сумеем, — ответил Ако. — Так сильно захотеть, чтобы не жаль и не страшно было даже умереть за это.

Ловаи еще на шаг выступил к центру круга.

— Мы тебе верим, Ако, — сказал он. — Ты был в дальних краях и многое повидал. Тебе лучше знать, что можно и чего нельзя. Одна только дума угнетает меня.

— Что это за дума, Ловаи? — спросил Ако. — Может быть, мы все вместе сумеем обдумать ее и она перестанет угнетать тебя.

— Что будет, если белый человек, которого мы прогнали в море, вернется на остров? — продолжал Ловаи. — Может, быть, он придет не один, а со многими другими белыми людьми. И у них будут громобойные палки и прочая ужасная сила. У нас же только одна громобойная палка, и ты один умеешь с нею обращаться. Что же мы тогда сделаем против белых?

Ако с минуту обдумывал ответ, потом сказал:

— Это неверно, Ловаи, что у нас только одна громобойная палка. У нас их несколько — больших и малых. Я научу вас, как обращаться с ними. И разве вы хотите, чтобы белый человек опять каждый день бил вас и пинал ногами?

— Нет, нет! — раздалось со всех сторон. Будто отбиваясь от страшной опасности, люди махали руками, а в глазах их темнел ужас.

— Правильно, братья и сестры, — ответил Ако. — Этого нельзя допустить. И поэтому нам предстоит борьба. Белые изверги не оставят нас в покое. Они не смиряются с тем, что мы прогнали Портера. Рано или поздно они разузнают, что сегодня произошло на Ригонде. И тогда пришлют другого Портера, и он будет ничуть не лучше прежнего. Но пока они еще не знают этого, мы должны использовать каждый день, чтобы подготовиться к борьбе с ними. Мы должны быть готовы к длительной борьбе и величайшим трудностям. А чтобы хорошо подготовиться, надо все как следует обдумать и тогда уж всем делать то, что потребуется. И снова заговорил Ловаи:

— Ако говорит правильно. Будет борьба. Надо быть готовыми. Все

должны делать то, что нужно для всех. И чтобы все шло, как надо, один должен быть старшим. Что он велит, то все и будут делать, а не то, что кому в голову придет.

— Верно говорит Ловаи, — откликнулось в толпе множество голосов. — Старейшина нужен. Такой, как Хитахи... такой, как Оно.

И все взоры обратились на Ако. Он понял, о чем думали его соплеменники. Наконец один старик, Таомо, вслух высказал то, что у всех вертелось на языке.

— Ако больше всех знает. Ако и быть старейшиной. Он знает, как бороться со злыми людьми. Мы будем делать, что он прикажет.

Кругом раздались возгласы одобрения. Тогда Ловаи повернулся к толпе и спросил:

— Думает ли кто-нибудь из вас иначе, чем Таомо и другие?

— Ако! Ако! — кричала толпа и радостно, ободряюще махала руками. — Ако будет нашим старейшиной.

— Так хочет народ, — обратился Ловаи к Ако.

— Хорошо, если так хочет народ, я исполню его волю, — ответил Ако. — Вы дарите меня большим доверием. Я постараюсь делать так, чтобы вам не пришлось сказать: «Ако нас обманул». Все свои знания я отдам вам, чтобы и вы обо всем знали. С этой минуты в моей жизни будет только одна цель и задача: делать все, чтобы ригондцы всегда оставались свободными и чтобы им жилось хорошо.

— А что нам теперь делать? — нетерпеливо допытывался брат Ако Онеага.

— Я хочу продумать все до конца, — отвечал Ако. — Дайте мне подумать до утра и побыть одному. Тогда я скажу вам, что я придумал.

— Так разве ты еще не знаешь? — разочарованно воскликнул кто-то.

— Знать можно многое, но из того, что знаешь, нужно выбрать самое лучшее и пригодное, — объяснил Ако. — Тогда не придется делать лишнее, а необходимое не будет забыто.

— Думай крепко и много, Ако... — пожелали ему люди.

Толпа начала понемногу расходиться. Вскоре Ако остался на полянке один. Некоторое время он постоял там, в одиночестве и безмолвии, потом медленно вошел в лес.

Ако долго бродил по лесу и кустарникам. Сегодня ему некуда было

спешить — время спешки отошло в прошлое, с ним было покончено в ту самую минуту, когда Ако впервые после долгих скитаний ступил ногой на ригондскую землю. Ощущение счастья, наполнявшее все его существо, невозможно описать: оно было подобно чистой, дивной мелодии, которую пела душа пришельца и чарующим звукам которой вторило все живое, доступное взору; оно могло сравниться с восходом солнца, с пробуждением всей природы после долгой темной ночи, — если бы можно было в одном чувстве соединить все прекрасное, радостное и возвышенное, всю прелесть красок, светлый трепет жизни, непостижимое и беспрестанное течение всего земного, тогда у нас, может быть, сложилось бы хоть примерное представление о том, что сейчас переживал Ако, неторопливым шагом прогуливаясь по незабвенным местам времен своей юности.

Многое в этом ландшафте было уже не таким как прежде. Старые деревья уступили место молодым, на тогдашних полянках сегодня раскинулись цветущие рощи, множество молодых пальм тянулись к солнцу своими благородными вершинами там, где раньше берег лагуны был голым. Все рождалось и умирало, все изменялось, неизменным и вечным остался только, сам закон жизни.

В некоторых местах, с которыми связывалось какое-либо происшествие в детстве или юности Ако, он задерживался подольше и мысленным взором воскрешал в памяти давние картины прошлого. У него было такое чувство, будто он грезит.

— Неужели это и в самом деле явь? — вопрошал себя Ако. Невероятным казалось, что он снова находится здесь — дома, на родине, в самом милом и самом прекрасном месте на свете, и что самые сокровенные чаяния его жизни наконец-то исполнились. И снова, так же как прошлой ночью, Ако ласкал стволы деревьев, ветки кустарника и даже землю, и губы его нашептывали нежные слова, исполненный благодарности и радости привет всему окружающему родному миру. Нет, это были не грезы, а самая доподлинная действительность, хотя она и обладала красотой и сказочностью грез.

Ако был счастлив в полном смысле этого слова.

Он долго просидел у родника, созерцая похожие на жемчужины пузырьки, которые устремлялись со дна ключа вверх, к зеркалу воды. А когда солнце стало клониться к горизонту, Ако взобрался на самую высокую гору острова и стал оттуда взирать на мир. В памяти отчетливо встало одно давнее утро, когда он поднялся сюда наверх, влез на гладкую каменную глыбу и пытался разглядеть, что видно за краем света, откуда по утрам выплывает солнце. Ничего он не увидел, лишь небо да неоглядную

ширь океана, тогда он не имел даже туманного представления о том, что находится за линией горизонта. Как он стремился вдаль! Как жаждал увидеть невиданное, изведать неизведанное! Теперь все это сбылось. Ако видел, Ако знал, он мог сравнивать.

Вся Ригонда лежала у ног Ако — со своими маленькими бухтами, бестрепетной лагуной, кольцом рифа вокруг острова. Обнимая все это взглядом, Ако размышлял о положении острова среди бескрайних водных просторов океана, о континентах и морях, находившихся там, за горизонтом, и о жизни, какую там жили другие люди. И вдруг какое-то новое ощущение охватило все его существо: ему открылась вся мизерность, ограниченность его родины. Сам остров и все, что на нем находилось, стали гораздо меньше и ничтожнее, чем раньше. Теснее показалась лагуна, ближе все расстояния от одного берега до другого, холмы и даже самые высокие вершины стали ниже — все будто сжалось и сплющилось. Казалось, будто он глядит на свою родину через уменьшительное стекло. Ако знал, что это вовсе не обман зрения: предметы остались такими же самыми, как и до его отъезда, но представление об окружающем мире изменилось, поэтому сегодня он имел возможность сравнивать. И как только он делал это, размеры всех предметов становились иными, чем раньше.

«Прекрасная маленькая Ригонда... — думал Ако. — От того, что ты стала меньше, моя любовь к тебе отнюдь не убавилась. Люблю тебя так же, как в былые дни».

Он думал о жизни на острове, какой она была до этого и какой ей надлежит стать в будущем. Ако было ясно, что жизнь, какую вели ригондцы до сего времени, больше не годится и нет никакой надобности сохранять ее со всем ее прежним содержанием. Не для того он рвался домой, чтобы наложить на свое племя печать оцепенения. Он только хотел быть тут и применить на деле свой опыт, свои познания, когда на острове старая жизнь станет сменяться новой, убежденный, что его присутствие уберезет ригондцев от того ненужного и губительного, что зачастую следует по пятам за принесенными колонизаторами суррогатами цивилизации. Старая жизнь островитян непригодна, она слишком тесна и узка для человека. Племя Ако должно стать цивилизованным, причем речь идет не о внешних атрибутах культуры, а о самой ее сущности. Белые колонизаторы принесут только атрибуты в виде хлопчатобумажных тканей, патефона и молелен всевозможных вероисповеданий, а людям на острове необходима сущность цивилизации — знания, новые понятия, верные представления о явлениях природы и ходе развития человечества. Они

должны получить это в чистом виде, без всех тех вредных примесей, которые приносит с собой кровожадная свора колонизаторов разных национальностей. И самое главное: сохранить свою свободу, не отдать за чечевичную похлёбку своих священных человеческих прав. Совершить преобразования без потерь, чтобы перемена была благоприятной. Нелегко будет добиться этого, но дело стоит даже кровопролитной борьбы. И когда все это совершится!..

Ако грезил не во сне, а наяву о завтрашнем дне своего племени. Сколь прекрасной и счастливой станет жизнь островитян, когда они достигнут уровня культуры белых людей, научатся читать и писать, узнают про все, что было и есть на свете! Они выстроят себе красивые, легкие жилища, построят большие лодки, на которых под парусами можно будет доплыть до других островов. Наладится постоянная связь с внешним миром, навсегда окончится вековое одиночество, мир островитян станет широким и величественным.

«Что же может быть прекраснее и благороднее, чем посвятить свою жизнь такой цели — воспитанию своего народа? — думал Ако. — С этого дня я должен стать учителем для всех людей на острове, для взрослых и детей».

Солнце медленно садилось в море. Чувствуя приближение ночи, птицы спешили к своим гнездам. Затих ветерок, умолк шелест листьев, только невидимые насекомые, для которых теперь наступала пора ночного бдения, подняли тонкий стрекот. Погрузившись в раздумье, Ако не обращал внимания на окружающие звуки, и поэтому вздрогнул, когда внезапно почувствовал за спиной теплое человеческое дыхание. Но он тотчас же улыбнулся своему инстинктивному страху: он же теперь находится на своей родине, на земле согласия и дружбы, Ригонде, — здесь ему ничто не могло угрожать.

И он обернулся. В последних лучах заходящего солнца золотом отливала смуглая фигура молодой женщины. Грациозная и спокойная, стояла она перед Ако. Ее волосы были украшены цветами, гирлянды цветов обвивали ее нежные плечи и грудь, а глаза, словно два маленьких солнца, глядя в лицо Ако, светились нескрываемой радостью, в них Ако прочел немой робкий вопрос.

— Нелима... — тихо прошептал он, взволнованный до глубины души. Он подошел к ней и бережно, ласково коснулся своей щекою ее щеки.

Они долго молчали, и только взволнованное биение двух сердец свидетельствовало о ликовании, клокотавшем сейчас у них в груди. А потом они сидели на большом гладком камне, еще сохранившем в себе

тепло ушедшего дня, руки Ако играли пальцами Нелимы, время от времени глаза их встречались, и они оба разом принимались смеяться, беспечно и радостно — совсем как дети.

— Вот наконец я и вернулся... — проговорил Ако. — Ждала ты меня?

— Да, Ако... — ответила Нелима. — Каждый день и каждую ночь ждала. Ты долго пропадал.

— Теперь я навсегда останусь здесь... вместе с тобой.

Они рассказывали друг другу о своей жизни во время разлуки, о крупных и мелких происшествиях и о неизбывной тоске, с какой они встречали каждый грядущий день. Много грустной прелести было в этих рассказах, огромная сила надежды и неиссякаемая вера.

И вот теперь все исполнилось. Так же, как много лет тому назад, Ако сказал этой ночью той, что была ему милее всех женщин на острове и во всем мире:

— Скоро Ако построит себе новую хижину. И новая лодка будет у меня, и удочки, свои копыя и посуда для хранения пищи. И в этой хижине нужна будет подруга, которая бы разводила огонь и ожидала возвращения Ако с рыбной ловли.

И так же, как в тот раз, Нелима ответила:

— Да, она будет нужна...

— Ако хочет знать, придет ли Нелима в его хижину подружкой. Может быть, ей нужно подумать? Ако подождет до утра.

— Нелима уже подумала. У нее было много времени думать, пока Ако жил в дальних краях. Она ждала Ако.

И так же, как тогда — ночью, полной надежд ранней юности, — серебристый свет луны разливался над океаном, над заснувшим островом, пальмами, белым побережьем и двумя детьми природы, сидевшими тут, наверху, нежно прижавшись друг к другу. Было хорошо — так, как и должно было быть. Незаметно пролетели часы в этом сказочном бодрствовании. Скрылся месяц, погасли звезды, восточную часть моря охватил золотой огонь.

Тогда они встали и спустились вниз с горы, чтобы возвестить соплеменникам о своем великом решении.

То, что Нелима стала женой Ако, было для каждого островитянина само собой разумеющимся делом. Вполне естественно, что теперь им

понадобилось жилище, где бы можно было укрываться по ночам и в ненастную погоду, а также очаг для приготовления пищи. При других обстоятельствах племя общими силами построило бы Ако хижину, выдолбило бы новую лодку и обеспечило его утварью, необходимой на первых порах для самостоятельной жизни, — посудой, рыболовными принадлежностями и охотничьим оружием. Теперь же об этом нечего было заботиться — разве около селения островитян не стояло бунгало мистера Портера, где имелось все необходимое для жизни человека? Каждая семья островитян располагала своим жилищем, только у Ако и Нелимы его не было, поэтому ясно, что бунгало Портера должно достаться им. Так и порешили на общей сходке жителей острова.

Тогда же Ако ознакомил племя со своими замыслами, как лучше организовать жизнь острова, и, если так можно выразиться в столь миролюбивом племени, с планами обороны острова. Все предложения Ако ригондцы приняли без возражений.

И он начал действовать. На острове теперь царило всеобщее целеустремленное оживление. Детально исследовав весь остров и взвесив, сточки зрения возможных в будущем событий, разные обстоятельства, Ако выбрал новое место для поселка островитян, к которому не мог бы подойти корабль. Оно находилось на юго-западном берегу острова. В рифе там был узенький проход, через который могли пробраться лишь мелкоплавающие лодки, и лагуна в том месте образовывала узкий, метров в двести длиною, залив, вдающийся в сушу. С моря этот залив не виден — его берега поросли густым кустарником, а пролив, которым он соединялся с лагуной, скрывали густые заросли тростника. В этом заливе можно было разместить все пироги островитян, а постороннему и невдомек будет, что за тростником и кустарником находится потайная бухта ригондцев. Если дело дойдет до открытой борьбы, — а что так оно и будет, в этом Ако нимало не сомневался, — то неприятель обрушит свои ожесточенные удары на пустое место, не причинив жителям острова никакого вреда. Понятно, что о новом расположении поселка и бухты никто из посторонних не должен знать. Вся видимая жизнь, при приближении какого-нибудь корабля, должна протекать на месте старого поселения, на восточном побережье острова.

За несколько недель мужчины построили новые хижины у Тростникового залива. Их оборудовали всем необходимым, и в таком виде они остались — пустые и необжитые — до той поры, пока нужда не заставит племя переселиться сюда.

Потом островитяне — строители лодок смастерили под руководством Ако множество новых пирог и несколько лодок-плотов с мачтами и

парусами — в таком количестве, чтобы в случае надобности все население острова могло разместиться на них и переплыть море до какой-либо ближайшей группы островов. Эти просторные плоты самим строителям сначала казались чем-то непонятным и лишним, но когда первый из них был готов и, полный народу, совершил свой испытательный рейс вокруг острова, целесообразность его стала понятна каждому.

Пока одна часть жителей острова, строила пироги и плоты, остальные продолжали рыбачить, охотиться, собирать плоды и корни. Они делали это не по старинке и собирали не только насущно-необходимое для пропитания на несколько ближайших дней. Если нагрянут враги и придется вступить с ними в борьбу, островитяне не смогут ни рыбу ловить, ни охотиться, возможно, что им по целым неделям придется скрываться в лесных чащах, — вот тогда-то и пригодятся запасы продовольствия, и они вовсе не будут лишними. Женщины, дети и старики за несколько недель без особого труда наготовили такую массу продуктов, что их могло хватить жителям острова более чем на полгода. Они навялили много рыбы, насобирали корней, засушили плодов, нажарили огромное количество копры. Часть этого добра разместили в новом поселке у Тростникового залива, другую часть запрятали в делянках центральной части острова, где между двух гор близ маленького родника Ако велел устроить еще одно тайное убежище для женщин, детей и стариков: может случиться, что борьба на острове станет слишком жаркой и опасной, тогда здесь укроются все, кто не сможет участвовать в бою. И хотя все это не вязалось с обычаями ригондцев и их прежним укладом жизни, люди без колебаний выполняли все указания Ако, восхищаясь необыкновенной дальновидностью своего старейшины.

Конечно, трудиться им приходилось гораздо больше, чем раньше, но зато и сделано было за пару месяцев столько, сколько в прежнее время делалось за много лет. Вместо одного поселка теперь стало три, лодочная флотилия удвоилась, к тому же в распоряжении островитян теперь имелась целая дюжина больших плотов, на которых все племя могло уплыть в море в любом направлении.

Это был не шаг, а огромный скачок вперед в их жизни. Топоры и пилы, найденные Ако в бунгало Портера, во много раз ускорили все строительные работы. Каменный век сменился железным веком, который, в свою очередь, пестрел различными элементами двадцатого столетия. Ригондский рыбак, выезжавший в лагуну со своими старыми костяными крючками и острогами, брал теперь с собой металлические крючки, и его улов стал гораздо богаче прежнего. А по вечерам, когда все племя

собиралось в своем старом селении, Ако выносил из бунгало Портера небольшой ящик, который умел говорить, петь и играть. Белый человек выдавал это за свое колдовство, сверхчеловеческую силу, но Ако показал внутренность диковинного ящика и все подробно объяснил; островитяне убедились, что это вовсе не чудо, а только умно и хитро устроенная вещь, придуманная человеком.

Когда обширная строительная программа была завершена, Ако начал претворять в жизнь свои остальные замыслы. Он разделил все население на несколько довольно больших групп и каждой дал свое задание. Примерно полтора юношей и молодых мужчин, физически самых крепких, составляли теперь войско островитян. В то время как одни островитяне ловили рыбу, охотились, собирали плоды и готовили копру, продолжали работу по сооружению нового поселка и лодочной флотилии, группа воинов только половину дня уделяла строительству, во второй же половине — под руководством Ако упражнялась в овладении военным искусством.

Весь арсенал Ако состоял из трех ружей, трех револьверов и нескольких сот патронов. Одну винтовку и револьвер Ако сам привез на остров, а одну винтовку, одну охотничью двустволку и два револьвера в то памятное утро отобрал у Портера. Это немного, но все-таки несколько больше, нежели копья островитян с костяными и каменными наконечниками, старые луки с деревянными и бамбуковыми стрелами и допотопные пращи. Все эти виды оружия появились на свет не для борьбы с человеком, а для охоты.

С неиссякаемым терпением знакомил Ако своих воинов, как обращаться с винтовками и револьверами, учил разбирать и собирать их. Когда же, наконец, это оружие в сознании его питомцев из чего-то сверхъестественного превратилось в вещь обычную и понятную, Ако стал обучать своих соплеменников прицеливанию и только тогда, когда теоретическая часть стрелкового искусства была усвоена, перешел к практическим упражнениям. Примерно четыреста патронов — половину всего запаса — Ако израсходовал на упражнения в стрельбе. Этого оказалось достаточно, чтобы тридцать наиболее способных юношей и мужчин практически овладели искусством стрельбы и без особого труда могли сбить на лету чайку или раздробить на расстоянии тридцати шагов положенный на пень орех. Теперь каждому из этих тридцати можно было смело вручить винтовку — и тогда пусть враг только попробует сунуться!

Ако обучал свое войско и тактике борьбы, скрытному передвижению, разведке и премудростям службы связи, насколько сам в ней смыслил. Все войско он разделил на три подгруппы, по пятьдесят человек в каждой, во

главе с командиром, а каждую подгруппу, в свою очередь, — на пять отделений, по десять человек в каждом. Таким образом, всего получилось пятнадцать подразделений, достаточно сильных, чтобы в сложных условиях местности они могли действовать самостоятельно.

«Ах, если бы у меня было для каждого отделения хотя бы по одной винтовке, — мечтал Ако. — Тогда ни один солдат противника не осмелился бы ступить ногой на ригондскую землю».

На вершине самой высокой горы днем и ночью стоял наблюдатель. Он глядел на море, во все стороны, а возле гладкого камня находился деревянный барабан — он рассыплет свою дробь, когда наблюдатель заметит вдали корабль или чужую лодку.

Со времени изгнания Портера прошло уже пять месяцев, но барабан по-прежнему молчал. Пока длилась эта проникнутая ожиданием тишина, островитяне заканчивали устройство своих потайных поселков, продолжали накапливать и возобновлять запасы продовольствия, постигали военное искусство и кое-что делали для удовлетворения своих повседневных нужд — что и составляло истинную и главную цель существования этого племени.

В лагуне были жемчужные раковины. Юноши-островитяне ныряли в пучину и доставали их. Добытые жемчужины становились общей собственностью всего племени, Ако клал их в особый ларец и берег для той поры, когда на острове развернутся обменные операции с приезжими торговцами. Он знает цену этим сверкающим зернам, и не отдаст ни одной жемчужины алчному скупщику за бесценок. Этот ларец с жемчугом, так же как груда копры в складском помещении бунгало, составлял валютный фонд острова — придет время и за них можно будет получить множество хороших и полезных вещей, которые потом племя поделит между родами, по их потребностям и заслугам. Чем больше будет жемчужин и копры, тем больше хороших вещей смогут получить ригондцы. Поэтому правильно, что все племя работает и продолжает умножать свои запасы, хотя их уже скопилось столько, что хватило бы на целый год. Когда-нибудь Ако накупит столько оружия и патронов, что сможет каждому воину выдать по винтовке и по сотне патронов. Потом они выменяют себе достаточное количество одежды, красивой посуды, книг с картинками, первый молочный скот и свиней. И, возможно, настанет время, когда у них будет свой корабль, на котором можно будет отправлять свое добро на континенты и продавать там за полную цену. Все это может осуществиться, если только белые господа в Чужой стране примирятся с тем, что темнокожие островитяне сами устраивают свою жизнь. Если примирятся... Но если нет, тогда...

«Мы должны быть готовы к борьбе», — снова и снова твердил себе Аю.

Наряду с этими приготовлениями, Аю проводил еще другую работу, не менее важную для преобразования жизни островитян; уже к концу второго месяца после своего возвращения он учредил на острове нечто вроде школы.

В бунгало Портера Аю отыскал несколько книг, целый ворох старых журналов и газет и подробный географический атлас. Сам он привез в своем дорожном мешке пару букварей и несколько учебников для начальной школы, в числе их и пособие по английскому языку для начинающих.

На побережье, возле своего жилища, Аю ежедневно собирал на несколько часов детей островитян и терпеливо занимался с ними. Он помнил, как когда-то Мансфилд обучал его самого, и старался подражать методу своего учителя. Конечно, Аю не был таким хорошим учителем, как Мансфилд, и его воспитанники в большинстве своем оказались менее прилежными учениками, нежели сам Аю, поэтому усвоение предметов шло значительно медленнее, но им и спешить было некуда. Мансфилд задался целью — за полтора года сделать из Аю вполне цивилизованного человека. Цель Аю была гораздо скромнее: за два-три года научить детей и юношей-островитян читать и писать по-английски, вооружить их необходимым запасом слов и элементарными знаниями по арифметике. Хорошо зная характер своих соплеменников, он распределил учебный материал таким образом, чтобы чересчур не утомлять своих учеников, но постоянно поддерживать в них живое любопытство. Всякое злоупотребление занятиями могло отпугнуть их от школы и убить в них веру в свои силы.

Аю не оставлял без внимания и взрослых. Каждый вечер он рассказывал им что-нибудь о жизни в других странах, об устройстве вселенной и явлениях природы. Свои лекции он облакал в форму свободного повествования, и они походили скорее на занимательные приключенческие рассказы, чем на учебный материал. Аю начал с рассказов о происхождении мира и строении вселенной, потом описал земной шар и солнечную систему, затем перешел непосредственно к географии.

Шаг за шагом продвигаясь вперед, он делал все более понятными и доступными своим соплеменникам окружающий мир и явления природы. Его память хранила рассказы из истории человечества, рассказы о разных народах и их взаимоотношениях, о человеческом обществе и извечных противоречиях между различными его слоями — словом, всю историю культуры и общества с древних времен до наших дней. И тут ему не надо было торопиться, потому что времени было достаточно. Многие из того, что Ако рассказывал своему племени, островитяне не могли постичь до конца, и ему приходилось некоторые рассказы повторять по нескольку раз, пока кое-что прочно оседало в сознании ригондцев. О многих вещах, отсутствовавших в обиходе островитян, они приобретали лишь приближенное, порою весьма туманное представление, но и эта приближенность давала уже кое-что. В результате рассказов Ако суеверие ригондцев заметно ослабевало, а один мужчина средних лет даже отважился в дневное время пройти по Тихому берегу — месту пристанища душ умерших, от которого до сей поры все островитяне старались держаться подальше. После этого все подробно расспрашивали смельчака, но он не видел на Тихом берегу ничего такого, чего следовало бояться.

Однако самым главным достижением Ако считал то, что ему удалось лишить белого человека в глазах островитян его божественного ореола. Сверхъестественное, всемогущее существо превратилось в простого смертного человека, который так же рождается, так же умирает и подчинен тем же самым законам бытия, как и все прочие люди, — только он гораздо умнее, искуснее и хитрее во всем, ибо знает больше обитателей острова. Когда они будут знать столько же, сколько белый человек, они смогут тягаться с ним в любом деле — вот почему ригондцы должны много учиться, набираться ума и внимательно слушать рассказы Ако — этим они умножат силу всего племени.

Одной из самых старательных и успевающих учениц Ако оказалась Нелима. Быстрее подавляющего большинства островитян усваивала она все слышанное. Многочисленные вопросы, с которыми она обращалась к Ако, когда они оставались наедине, свидетельствовали о том, что ее ум беспрестанно жаждет все новых понятий и что каждое из этих новых понятий обогащает его. Как бы ни уставал иной раз Ако — а для усталости у него сейчас были причины, — он откликался на каждый вопрос Нелимы и посвящал ей все свои редкие минуты досуга без остатка.

Это была напряженная борьба, мощный водоворот, стремительное движение целого первобытного племени от вековой отсталости к новой,

полноценной жизни. Бездну времени, отделяющую это племя от среднего уровня цивилизации текущего столетия, оно хотело перескочить на протяжении одного поколения, даже быстрее. Дерзкий мечтатель Ако был убежден, что в этом нет ничего невозможного.

Однажды вечером после дневных трудов и занятий Ако и Нелима по обыкновению ушли на берег лагуны и, присев на опушке рощицы кокосовых пальм, загляделись на тихий бескрайний пейзаж — вечерний небосвод, сливающийся с океаном. Лениво, вяло разбивались волны о ребристые выступы рифа. Горы отбрасывали чудовищные, длинные тени в море, которое уже начинало сливаться с вечерними сумерками. В лагуне плеснулась какая-то рыба, оставив на зеркальной глади воды мелкие разводы волн, которые постепенно угасали, так и не достигнув берега.

Нелима посмотрела на мужа ясным задумчивым взором и положила руку на его руку.

— Я хочу тебе кое-что сказать, Ако... — заговорила она.

— Я слушаю, Нелима, — ответил Ако и, видя, что у нее не хватает решимости продолжать, ободряюще улыбнулся. — Что у тебя на душе? Тебя что-нибудь тревожит?

— Нет, Ако, у меня большая радость. Я думаю, и ты обрадуешься, когда узнаешь.

— Ты ведь знаешь — все, что тебе доставляет радость, и для меня источник радости. Что же случилось, Нелима?

Тогда она взяла руку мужа и прижала ее к своей груди, под сердцем.

— Ты чувствуешь, Ако?

Ако с минуту прислушивался, потом посмотрел в глаза Нелимы и счастливо улыбнулся.

— У тебя будет ребенок, Нелима.

— Да, Ако, твой ребенок. Теперь я это знаю наверняка. Как мы назовем его, Ако?

Ако долго раздумывал, не переставая улыбаться.

— Не знаю, Нелима, — наконец ответил он. — У нас еще хватит времени выбрать имя своему ребенку. Я знаю только одно: мы должны делать все, чтобы наш ребенок родился на счастливой земле и чтобы у него впереди была прекрасная, свободная жизнь.

— Так оно и будет, Ако... — прошептала Нелима. — Ты же заботишься об этом.

— Может быть, будет, — тихо и задумчиво промолвил Ако. — Я все, все сделаю, чтобы так было.

Долго еще в тот вечер сидели они возле лагуны, мечтая о своем

будущем — самом прекрасном и возвышенном будущем, какое они хотели в суровом труде, не щадя своих сил, создать для своего ребенка. Но ведь так же мечтает каждый человек под луной, услышав первое биение новой жизни. Всем дозволено мечтать, но не все мечты сбываются.

Несколько дней спустя, когда Ако поутру совещался с людьми о том, какие работы предстояло сделать в этот день, молодой островитянин Леагу преподнес неприятный сюрприз. Когда Ако спросил Леагу, куда он желает идти — ловить рыбу или собирать плоды, тот отрицательно мотнул головой и угрюмо буркнул:

— Никуда,

— Ты плохо себя чувствуешь, Леагу? — поинтересовался Ако. Парень выглядел совершенно здоровым, да и не слышно было, чтобы он когда-нибудь болел.

— Я чувствую себя хорошо, но мне неохота работать, — ответил Леагу. — Незачем работать. Мне нравится сидеть на берегу и глядеть, как плавают рыба.

— Но на что это будет похоже, если все остальные станут работать, а ты один будешь сидеть на берегу без дела? — продолжал Ако. — Женщины будут работать, дети будут работать и старые люди — каждый чем-нибудь займется, один Леагу — сильный мужчина, который может сделать больше нескольких женщин и стариков, будет сидеть сложа руки. Самому потом совестно станет. Леагу только мотал головой».

— Не к чему, Ако. Куда нам девать столько съест* ного? Нам и так его хватит больше чем на год.

— А что если приедут белые люди и надо будет с ними драться? Тогда придется жить в лесу.

— Белые не приедут, Ако. Зря мы построили новый поселок у Тростникового залива и еще один в лесу в горном ущелье. Они не понадобятся. Белые люди забыли про Ригонду. Прошло шесть полнолуний. Ни один белый не приплыл к нам. Поэтому Леагу не хочет работать. У меня есть что кушать. А запасов мне не надо.

Прочие островитяне внимательно прислушивались к их разговору. Окинув взглядом толпу, Ако понял, что Леагу не одинок в своем настроении. Некоторые островитяне потупили глаза, когда Ако взглянул им в лицо, другие отвернулись и сделали вид, будто этот, разговор их не

касается.

«Неужели я и в самом деле перегнул, хватил через край? — спрашивал себя Ако. — Может быть, им и нелегко привыкнуть к моим темпам? Но время слишком дорого, мы не вправе терять ни одного часа».

Принудительные меры тут негодились, это могло вовсе убить интерес островитян к новым мероприятиям. Что бы ни делалось, они все должны делать по доброй воле, только тогда они будут находить удовольствие в труде и лишь тогда им доставят радость результаты их усилий. У Ако оставался только один путь — убедить своих соплеменников. Теперь, когда в головы некоторых островитян закрались сомнения в целесообразности нововведений, убедить их будет труднее, чем полгода тому назад, но другого выхода у Ако не было. Он погрузился в раздумье и начал соображать, какими бы доводами наиболее убедительно доказать правильность своих действий. С минуту стояла полная тишина. Ако понимал, — от того, как он преодолеет это осложнение, зависит весь его авторитет: либо его положение еще более укрепитя, либо островитянам придется избрать себе другого старейшину. Вождь, которому не доверяют, больше не вождь.

Неизвестно, чем бы окончился этот инцидент, если бы внезапно не случилось нечто такое, что вместо Ако разрубило этот гордиев узел и сделало его положение таким прочным, как никогда раньше: на вершине самой высокой горы Рнгонды загремел деревянный барабан. Так долго тщетно ожидаемый сигнал тревоги наконец прозвучал! Каждый островитянин знал, что это означает.

Теперь все взоры обратились на Ако. Леагу смиренно приблизился к старейшине острова и спросил:

— Что мне прикажешь делать, Ако? Теперь мне опять хочется работать. Ты прав. Не сердись на Леагу, Ако. Большим глупцом был Леагу, когда лсотел сидеть на взморье и смотреть на плавающих рыб.

— Ступайте все по своим хижинам и ждите, пока я не скажу вам, что делать, — обратился Ако к людям. — Ты, Ловаи, пойдешь со мной. Мы взберемся на гору и посмотрим, что случилось.

Прежде всего он направился в свое бунгало и захватил с собой оставленную Портером подзорную трубу, а затем вместе с Ловаи поспешил на вершину горы. Барабанный бой все это время не прекращался. Он умолк только тогда, когда наблюдатель заметил на горной тропинке фигуру Ако. . — Что ты увидал? — спросил Ако.

Наблюдатель — молодой парень — взволнованно показал рукой на северо-запад. Взглянув в том направлении, Ако заметил корабль. Это была

одна из тех парусно-моторных шхун, которые обслуживали бесконечно растянутые торговые линии Океании. На фок-мачте были подняты паруса, а на корме дымилась короткая труба.

Ако навел подзорную трубу и некоторое время рассматривал пришедшее судно. Судя по всему, это был корабль Южноморского торгового Общества, совершающий свой очередной рейс по островам, разбросанным в этой части океана, собирающий заготовленные агентами Общества запасы товаров и развозивший почту. Регулярное сообщение с Ригондой осуществлялось два раза в год. Как раз теперь и было самое время появиться этому вестнику внешнего мира.

— Что будем делать? — спросил Ловаи. — Не увести ли нам женщин и детей в потайной лагерь?

— Может быть, это совсем и не понадобится делать, — ответил ему Ако.

— Ты думаешь — они пройдут мимо острова?

— Они наверняка зайдут в Ригондскую лагуну, но, может быть, нам вовсе нечего их опасаться. Это торговый корабль, Ловаи. Им нужна наша копра, сушеные плоды и жемчуг. Возможно, они и не знают, что произошло с Портером. Тогда нам будет нетрудно столкнуться с ними.

— А что если им известно про нашу расправу с Портером? — не унимался Ловаи. Парень внимательно прислушивался к их разговору, но Ако не заметил на его лице ни малейших признаков страха, лишь напряженное любопытство. ,

— Если им это известно, на острове будет большой шум, — отвечал Ако.

Корабль описал плавную дугу вокруг северного мыса острова, затем развернулся на юг и взял курс на ворота бухты островитян — эта расселина в рифе, видимо, стала известной всем навигаторам Океании.

Сказав наблюдателю, чтобы тот оставил в покое свой барабан, пока не заметит в море чего-либо нового, Ако и Ловаи стали спускаться с горы. В поселке царил переполох. Когда Ако появился у хижин, островитяне засыпали его вопросами:

— Что ты видел? Велика ли опасность? Куда нам податься?

На всякий случай Ако велел увести стариков и женщин с маленькими детьми в лес, а остальным оставаться на месте. Одно из подразделений своего небольшого войска он разместил в кустах с таким расчетом, чтобы в случае необходимости оно могло преградить путь пришельцам к лагерю и задержать их, пока оставшиеся в хижинах успеют добраться до леса. Остальным мужчинам и юношам Ако велел спокойно заняться чем-нибудь

на берегу, возиться у своих пирог и рыболовных онастей. То обстоятельство, что ни один островитянин не вышел сегодня на рыбную ловлю, не могло возбудить никаких подозрений; такое событие, как появление корабля на заброшенном острове, было слишком редким и значительным, чтобы островитяне на день не пренебрегли заведенным порядком жизни, — приезжие сами прекрасно поймут это.

Час спустя корабль вошел в лагуну и стал на якорь. Островитяне приветственно махали прибывшим ру» ками и пучками цветов. На корабле в ответ размахи» вали шапками и платками. Какой-то человек, по-видимому капитан, смотрел в бинокль на берег. Он долго разглядывал бунгало Портера, будто ожидая чего-то, но ничего не дождавшись, приказал спустить шлюпку. Два матроса сели на весла, двое других, вооруженные винтовками, уселись рядом с капитаном на кормовую банку. Через несколько минут лодка причалила к берегу прямо против Портеровского бунгало. Там приезжих ожидал Ако, одетый в белый европейский костюм. Его сопровождало десятка два островитян.

— Ооой тоггпп, — буркнул капитан, мельком взглянув на Ако, и, невзирая на свою внушительную комплекцию, довольно ловко выпрыгнул из шлюпки на берег.

— Соо тоггпп, — учтиво, но сдержанно ответил Ако. Он протянул капитану руку, но тот, казалось, ее не заметил и своей руки не подал.

Матросы были не так чванливы, как их начальник, они обменялись с Ако рукопожатием и весело кивнули остальным островитянам.

— Что, мистер Портер еще не встал? — опять пробурчал капитан. — Верно, похмелье после вчерашней попойки. Так-то он встречает своих друзей, проклятая бестия.

Теперь Ако стало ясно, что прибывшим ничего не известно об участии Портера. Он что-то шепнул своему брату Онеаге, и тот поспешил в поселок к хижинам известить островитян, что им ничто не угрожает и люди могут спокойно выходить на побережье. Старики и женщины с малыми ребятами тоже могли теперь возвратиться из леса в свои хижины.

— Сэр, разве вам не известно, что мистера Портера уже несколько месяцев нет на острове? — заговорил Ако. — Ему что-то понадобилось в Сиднее, и, когда мимо Ригонды проходил какой-то корабль, он оставил меня своим заместителем, а сам уехал отсюда. Скоро уже полгода, как его здесь нет.

— Вот как... — удивленно нараспев протянул капитан. — Значит, напрасно я завернул в эту проклятую дыру.

— Почему вы так думаете? — спросил Ако.

— Потому, что я, по расчетам Общества, должен был забрать на Ригонде по крайней мере пять тонн копры и разного другого добра, но теперь придется уезжать с пустыми руками.

— Я ведь сказал вам, что мистер Портер оставил меня своим заместителем, — продолжал Ако, спокойно глядя в кислое лицо моряка. — Я полагаю, что тонн пять копры у нас найдется... и еще кое-что интересующее вас.

— Вот как... — удивился капитан, — значит вы теперь торгуете с этими дикарями? Тогда давайте сюда свой товар.

— Позвольте узнать, какие товары прислало нам Общество? — осведомился Ако.

— Найдется все, что заказывал Портер. Бусы, зер* кальца, табак и мануфактура, несколько ящиков с на* питками.

— Насколько мне известно, Портер заказал также несколько топоров, пил и новые запасы патронов, — сказал Ако, хотя не имел ни малейшего понятия о том, что заказывал Портер. Он назвал эти вещи наудачу, зная, что на других островах они обыкновенно служили предметом обмена. — А что касается бус и зеркал, то старый запас еще не обменен и нам нет расчета держать на складе неходкий товар.

— Вот как... — снова подивился капитан. — Где это видано, чтобы дикари пренебрегали блестящими побрякушками?

— На Ригонде так обстоит дело.

Несколько часов продолжался обмен товарами.

Ако отдал капитану весь запас копры, приготовленный для обмена, довольно много сушеных плодов и несколько десятков жемчужин — не самых больших и красивых, а таких, которые стоило отдать за привезенные товары. Ако наотрез отказался принять дешевые стеклянные побрякушки, какими купцы имели обыкновение надувать островитян. Ни одного ящика напитков и табаку не позволил он оставить на своем складе. Четыре топора, три пилы и полдюжины мотыг казались ему куда более ценными, чем целый бочонок рома или полный бидон виски. Он не отказался и от металлической посуды, ножей и ложек, но был чрезвычайно привередлив в выборе мануфактуры и брал только самый добротный и красивый товар. Когда обмен был закончен, капитан Никольсон — так его звали — прикинул в уме, что на этой сделке Южноморское торговое Общество хорошо если заработало каких-нибудь жалких тридцать процентов. Это уж не коммерция, а чистая благотворительность, и Общество делает глупость, держа на Ригонде такого агента. Надо будет потолковать об этом в Сиднее с кем-нибудь из директоров Общества. Такой агент, как Ако, мог в пару лет

разорить своих шефов, а это были солидные шефы, настоящие миллионеры.

Ако думал несколько иначе. Ему казалось, что состоявшаяся коммерческая сделка была выгодной для обеих сторон и налицо всего лишь правильный, справедливый обмен.

Больше всего огорошил капитана Никольсона отказ Ако распить с ним бутылку виски. Другого такого торгового агента, вероятно, не было во всей Океании. В сердце старого морского волка закрались сомнения и подозрения — все ли тут в порядке. Может быть, он допустил ошибку, согласившись вести дело с этим темнокожим молодчиком? Исправлять что-либо теперь было уже поздно. Никольсон приказал поднять якорь и, воспользовавшись наступлением прилива, вышел в открытое море.

Его подозрения и опасения еще больше бы усилились, если бы он узнал, что, кроме изрядного запаса патронов, который он собственноручно передал Ако, темнокожий агент у него за спиной купил у матросов за несколько прекрасных жемчужин две совершенно новых винтовки. Но матросы были не лыком шиты и умели молчать об этом бизнесе.

Корабль привез Портеру несколько писем и целую кипу газет и журналов, которые уже успели устареть. Ако жадно читал их каждую свободную минуту. В них говорилось, что мировая война уже окончилась, а в России совершилась революция и во главе этой великой державы теперь стоит человек, которого угнетенные и обездоленные всех стран считают своим другом и вождем. Он борется против угнетателей и мракобесов всего мира, значит — он друг и вождь и племени Ако. Имя его ЛЕНИН. Издаваемая богачами газета писала о нем с превеликой злобой — они, как видно, очень боятся Ленина.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

В тот день в правлении Южноморского торгового Общества царило торжественное настроение. Тише обыкновенного сновали по длинным коридорам служащие; клерки, скинув сюртуки, вполголоса называли в телефонные трубки цифры и наименования товаров; стенографистки выглядели так, словно их выбрали, и будто под сурдинку мягко постукивали по клавиатурам пишущих машинок. Во всех десяти этажах здания правления чувствовалась необычная атмосфера сдержанности и тишины, а на третьем этаже, где находился зал заседаний правления Общества, седовласые швейцары, в расшитой галунами форменной одежде, предупреждающе прикладывали палец к губам, как только кто-нибудь показывался в коридорах или фойе.

— Тсс... — казалось, шептало все огромное здание, от которого протягивались незримые щупальца к самым отдаленным уголкам Океании, опутывая острова и архипелаги прочной, неразрывной паутиной сделок.

В зале заседаний в этот момент происходило очередное ежегодное собрание дирекции Общества. Генеральный директор Генри П. Кук делал сообщение остальным директорам о результатах деятельности Общества за истекший торговый год. Наступил самый важный момент в жизни Общества — дележ прибыли. Судя по оборотам и рыночной конъюнктуре, в этом году можно было ожидать рекордной прибыли. Столпы Общества поделят миллионы, построят новые корабли, воздвигнут новые дома; на улицах Сиднея появится множество новеньких роскошных лимузинов, а супруги директоров со своими сыновьями и дочерьми займут места на огромном пассажирском пароходе и поспешат на север — в Париж, Швейцарию, на-Ривьеру, якобы, состязаясь в расточительности и праздности, промотать хотя бы часть полученной прибыли.

Кое-что перепадет и мелкой сошке — заведующим отделами и филиалами, ответственным служащим управленческого аппарата. После больших пиршеств на столах всегда остается много обмусоленных объедков — значит, достанется кое-что и тем, кто питается крохами с чужого стола и обгладывает кости. Оттого-то сегодня такая тишина, такая сдержанность, полный ожидания приятный покой в главном святилище

Южноморского торгового Общества. Поэтому на улице перед зданием правления ожидает целая вереница шикарных лимузинов — паккардов, крейслеров, роллс-ройсов, кадиллаков...

Генри П. Кук был, как говорится, мужчина в расцвете сил. Виски его уже подернулись сединой; крокет, и гольф помогали предотвратить излишнюю тучность, поэтому представительную фигуру генерального директора очерчивали всего лишь округлые и мягкие линии. Сто двадцать килограммов веса — это сама умеренность для человека со столь видным общественным положением.

Генри П. Кук зачитал отчет сидя. Для пущей важности он надел очки. На мизинце левой руки красовался перстень с большим рубином. В галстук сверкала огромная жемчужина.

Отчет был именно таким, каким его и надеялись услышать присутствующие господа. За вычетом всех правленческих расходов, пошлин и стоимости ремонта торгового флота, чистая прибыль равнялась шестидесяти четырем процентам. В абсолютном выражении это было число, состоящее из семи цифр — два миллиона четыреста тысяч фунтов стерлингов. Эти бесчисленные острова, архипелаги, коралловые атоллы действительно были настоящим золотым дном. Во время мировой войны Общество значительно расширило районы своей деятельности, проникнув на территории, которые раньше контролировал немецкий, японский и французский капитал: но куда уж однажды пробралась щупальца Общества, там жертве редко удавалось вырваться.

В общем, что касается результатов деятельности Общества, то не стоило плакаться, они были блестящи, но директор Саймоне не был бы Саймонсом, если бы даже при таком положении не усмотрел многих упущенных возможностей. Когда Генри П. Кук окончил доклад, Саймоне от имени всех остальных директоров довольно сухо поблагодарил генерального директора за его труды, которые принесли Обществу эти скромные шестьдесят четыре процента чистой прибыли, затем крякнул и продолжал неторопливо, ворча, как собака, которой помешали грызть кость:

— Многим может показаться, что мы сделали блестящий бизнес, но у тех, кому известны все обстоятельства дела, нет причин для восторга. Господа, назовите мне другое такое предприятие, деятельность которого была бы связана с таким же риском, как деятельность нашего Южноморского торгового Общества. Наши суда могут погибнуть. На том или ином архипелаге, где у нас имеются рудники и плантации, могут возникнуть эпидемии и уничтожить нашу рабочую силу. В большой игре

международной политики какой-либо экономической район, где вложен наш капитал, может перейти в сферу чужого влияния, и наши капиталовложения будут заморожены на неопределенное время, пока международная ситуация не изменится в нашу пользу. При таких обстоятельствах нельзя довольствоваться обычной прибылью. В течение одного — максимум в течение двух лет — мы должны вернуть вложенные нами капиталы. За чей счет, вы спросите? Конечно, за счет тех, кого мы одарили всеми благами цивилизации, за счет тех, кто, не будь нашей благотворной деятельности, по-прежнему продолжали бы прозябать в глубочайшей дикости, — за счет туземцев, господа. Как этого достигнуть? Очень просто. Надо использовать для обмена еще более простую, еще более дешевую продукцию, чем до сих пор. Полинезийцу или малайцу безразлично, даем ли мы ему за его копру, жемчуг, за труд хлопчатобумажную ткань первого или третьего сорта, — он все равно не разберется. Главное — только чтобы попестрее, побольше кричащих красок. Мне еще и теперь неясно, почему мы посылали в свои фабрики и сортовой товар, когда вполне можно обойтись браком. Туземец ничего не понимает в недостатках и суррогатах. Но ведь именно в браке и суррогатах скрываются неограниченные резервы, грандиозная возможность увеличить доходы Общества. Я хочу, чтобы господа директора обсудили мое предложение. Затем слово взял другой директор — Данбар.

— Я вполне согласен с мистером Саймонсом. Общество в евоей деятельности еще слишком часто попадает в положение филантропа. Но даже социалисты говорят, что филантропия — порочна, и в этом пункте я с ними вполне согласен. Брак и суррогаты, действительно, наши величайшие резервы, и мы должны их пустить в ход.

— Господа, я должен напомнить вам, что примерно шестьдесят процентов всех наших товаров в прошлом году уже составляли брак и суррогаты, — напомнил Генри П. Кук. — Принимая во внимание конкуренцию Соединенных Штатов, еще больше снизить качество товаров было бы опасно.

— С янки можно договориться, — заявил Данбар. — Они так же, как и мы, заинтересованы в увеличении прибыли.

Генри П. Куку эти дебаты наскучили. Он знал по опыту, что в конце концов все будет так, как он предложит, потому что большая часть акций Общества принадлежала ему — он был центром, главной силой, остальные же — только приатки и бутафория. Но раз в год, так уж было принято, позволяли и «маленьким» директорам излить свою душу, почувствовать себя в роли вершителей судеб Общества. С их мнением можно было не

считаться, но выслушать их надо — хотя бы только ради приличия. В конце концов Саймоне и Данбар ничего такого не предлагали, чего бы уже раньше не практиковало Общество, — они только любили называть вещи своими именами, как бы грубо это ни звучало.

Генеральный директор то и дело посматривал на часы. В три часа после полудня ему предстояло навестить одну молодую даму, Еву Брис, которой он ежемесячно выплачивал определенную, довольно солидную сумму денег, с тем расчетом, чтобы это прелестное создание не стало любовницей ни одного другого сиднейского толстосума, кроме Генри П. Кука. Сегодня он хотел порадовать свою, подругу парой чудесных серег: в каждой сережке было по четыре маленьких и одной большой жемчужине — два молодых канака погибли, добывая эти прекрасные большие жемчужины — значит, с подарком связывалось что-то остроромантическое, а такие вещи очень нравились Еве.

До двух часов он позволил директорам высказываться, затем велел подать прохладительные напитки. За кофе и коньяком директора принялись обсуждать вопрос о вербовке туземцев на работу, а новых пунктах, которые следовало включить в трудовые договоры, что являлось ничем иным, как легальной работоторговлей двадцатого века. Огромный процент смертности среди завербованных работников заставлял Общество искать все новые и новые контингенты, чтобы заполнять постоянно образующиеся пробелы. Ни одному из директоров не пришла в голову мысль об улучшении условий жизни и труда на плантациях и в рудниках, а если бы кто-нибудь необдуманно заикнулся об этом, остальные осмеяли бы его.

Чтобы не портился товар, для него подготавливали соответствующие склады. Человек — живое орудие труда, с помощью которого выколачивались деньги, — был в глазах этих господ только товаром, но он относился к другой категории и ассортименту, и никто не мог требовать, чтобы о нем заботились так же, как о тюках мануфактуры, машинах и механических орудиях труда. Последние надо было производить, а человек рождается сам* без инициативы и усилий Общества.

В половине третьего Генри П. Кук принял решение и закрыл заседание. С высоко поднятыми головами, с выражением таинственности на застывших лицах вышли директора из зала заседаний, стены которого были украшены атрибутами, характеризующими деятельность Общества: географическими картами, моделями кораблей, картинами и портретами прежних генеральных директоров. И на миг в большом здании все застыло, все замерло и затихло. Швейцары еще подобострастнее согнули свои спины, отлично натренированные в искусстве кланяться. Каждый человек,

находившийся в то время в фойе, коридорах и на лестницах, замирал на том месте, где его застигло торжественное шествие директоров. Двери послушно отворялись перед ними, услужливые руки протягивались к ним, подавая шляпы и трости с золотыми инкрустациями. Целая вереница роскошных лимузинов пришла в движение и разъехалась в разные стороны, развозя некоронованных властителей Южного моря в их дворцы — после того, как они отпраздновали свою очередную большую победу.

По окончании заседания Генри П. Кук сейчас же прошел в свой кабинет, отпер сейф и достал из него маленький футляр с серьгами. Он кое-что понимал в этих вещах, и предвкушал радость при мысли, какое сильное впечатление произведет этот подарок на Еву Брис. Одаренная — достойна этого дара. Генри П. Кук улыбнулся — всегда выходило так, что он делал удачные сделки.

Он спрятал футляр в карман, потом позвонил Еве по телефону.

— Мое сокровище, через полчаса буду у тебя.

— Много говорить он не любил, так как его время было дорого. Каждое слово, произнесенное им, имело определенную материальную ценность, и никто не мог требовать, чтобы он был слишком расточительным. Положив трубку,» генеральный директор хотел нажать кнопку звонка и вызвать к себе секретаря, но в этот момент зазвонил телефон. Немного помедлив, Генри П. Кук нехотя снял трубку. Это была миссис Кук, его жена.

— Генри, ты будешь обедать с нами? — спросила она.

— Вряд ли, милая, — ответил он. — Мне предстоят еще два совещания, затем аудиенция у генерал— губернатора, который только что прибыл в Сидней. Садитесь за стол без меня.

Потом он вызвал к себе секретаря. Молодой человек молча выслушал распоряжения генерального директора и, когда шеф кончил, заговорил сам:

— Сэр, один человек уже три часа ожидает приема. Это некто мистер Портер, наш агент на Ригонде. Он уверяет, что должен сообщить вам что-то чрезвычайно важное и категорически просит аудиенции.

— Портер? Насколько мне известно, я не вызывал его в Сидней, — сказал Генри П. Кук. — Не принято, чтобы агенты Общества без нашего ведома оставляли свои фактории.

— Он уверяет, что его вынудили к тому чрезвычайные обстоятельства, — продолжал секретарь. — Портер говорит, что вы, безусловно, извините его настойчивость, когда выслушаете сообщение.

Генри П. Кук, поморщившись, взглянул на стенные часы. До квартиры Евы Брис можно доехать за десять минут. У него еще было немного

времени.

— Ну, хорошо, пусть Портер войдет, — сказал он. — Только предупредите его, что я не могу уделить ему более пяти минут.

— Понимаю, сэр...

Секретарь вышел из кабинета. Генеральный директор удобно и важно откинулся в клубном кресле за письменным столом в той великолепной позе, одновременно самоуверенной и непринужденной, какая пристала руководителю огромного предприятия, когда он принимает одного из своих служащих.

2

Мистер Портер был слишком мелким винтиком в том огромном механизме, которым управляла воля Генри П. Кука, поэтому генеральный директор не подал ему руки, а, небрежным кивком головы ответив на приветствие агента, указал пальцем на кресло, и пробурчал в нос:

— Рассказывайте. Будьте лаконичны. Я не люблю описаний природы.

Портер сел и, понаслышке зная характер шефа, сразу же приступил к делу.

— Капитан Никольсон был так любезен, что доставил меня на своем корабле в Сидней... — начал он.

— Я это вижу без ваших пояснений, — отрезал Генри П. Кук. — Лучше расскажите, кто вам позволил оставить факторию и явиться сюда, где о вас никто не соскучился.

— Не зависящие от меня обстоятельства, сэр, — ответил Портер. — Я нахожусь здесь не по доброй воле, а потому, что мое пребывание на Ригонде стало невозможным. Короче говоря, сэр: туземцы взбунтовались и принудили меня покинуть остров.

Генеральный директор подскочил в своем кресле, его щеки и шея внезапно побагровели,, глаза выпучились.

— Вы... вы... идиот, кретин несчастный... и вы это допустили? — закричал он. — Да понимаете ли вы, что вы говорите?

— Что значит «допустил»?.. — Это от меня не зависело... — продолжал Портер. — Они применили грубую физическую силу. Меня связали, бросили в лодку и вывезли в море. Я могу благодарить бога, что была тихая погода и мне посчастливилось после девятидневных скитаний по океану попасть на какой-то жалкий остров. Там мне пришлось в вынужденном безделье провести целых полгода, пока наконец капитан

Никольсон, совершая очередной объезд, не причалил на своем судне к этому островку.

— А фактория, наши товары? — спросил генеральный директор. — Что произошло с нашей собственностью?

— Судя по рассказам Никольсона, фактория сохранилась, но в ней объявился какой-то новый хозяин, настоящий узурпатор, который теперь действует от имени Общества. Ничего не зная о случившемся, Никольсон принял его за моего заместителя и вступил с ним в сношения. Никольсон взял на Ригонде намеченное количество копры, сухие плоды и немного жемчуга, но ему пришлось оставить за это на острове такое количество разного товара, которое в три раза превышает установленные Обществом нормы.

Портер назвал несколько цифр, которые чуть было не свели с ума Генри П. Кука. Взволнованный генеральный директор заходил по кабинету, лицо его все больше омрачалось, голос охрип от крика.

— Это что-то неслыханное! Вызов, плевков в лицо всей белой расе! Туземцы осмеливаются поднять руку на белого человека и потом диктовать цены Южноморскому торговому Обществу. Портер, понимаете ли вы, что вы наделали?

— Я? — смутился Портер. — Мне кажется, что досталось-то мне...

— Именно потому, что вы позволили так поступить с собой, виноваты во всем вы. Вашей мягкотелости мы обязаны тем, что авторитет, положение сверхчеловека, полубога, которое наша раса более двухсот лет создавала в сознании этих черных и коричневых дикарей, теперь рухнуло и развеялось на вечные времена. Племя, которое прикоснулось к белому человеку, убедилось, что это вещь возможная. А это значит, что теперь их ничто не удержит повторить то же самое второй, третий, десятый и сотый раз — при всяком удобном случае. В таких делах быстро входят во вкус. Такие вещи не забываются, особенно, если они остаются безнаказанными. Портер, вы недостойны носить имя белого человека!

— Напрасно вы меня обвиняете в мягкотелости, сэра, — оправдывался Портер. — С первого дня на острове я действовал с надлежащей строгостью. Моя плеть не лежала без дела. К вашему сведению, в течение полугода я привел в негодность, приблизительно дюжину самых прочных плеток.

— Слишком мало, Портер! Что такое дюжина плеток, когда на карту поставлен престиж Британской империи?

— Я не пренебрегал и другими, более суровыми средствами, когда этого требовали обстоятельства, — продолжал Портер. — Одному туземцу,

который отказался исполнить мой приказ, я лично вот этими руками оторвал оба уха. А сколько таких, кому мой кулак вышиб все зубы. После всего этого утверждать, что я мягкотелый... сэр, это меня в известной степени оскорбляет.

— Какое мне сегодня дело до всех эт"х оторванных ушей и выбитых зубов, если Общество фактически изгнано с Ригонды, — продолжал"» бушевать генеральный директор. — Да знаете ли вы, какое значение имеет для Общества Ригонда? Наплевать нам на копру и пригоршню жемчуга, которые мы там получаем, — этого добра достаточно и в других местах. Но географическое положение острова... одна из редчайших стратегических руд, найденная нами в образцах ископаемых острова, делает этот остров золотым самородком. В случае новой мировой войны роль Ригонды будет в тысячу раз важнее, чем того заслуживает площадь в двадцать четыре квадратных мили.

— Этого я не знал, сэр... — пробормотал Портер. — Но если бы и знал, то все-таки не в силах был бы предотвратить происшедшее. Сэр, я надеюсь, что вы не оставите безнаказанной эту мерзкую выходку...

— Само собою разумеется. Возмездие не заставит себя ждать, мы сделаем все, чтобы отбить у ригондских негодяев охоту в ближайшее тысячелетие повторить нечто подобное. Только не думайте, Портер, что мы это сделаем ради вас. Вы не стоите того, чтобы английский солдат выпустил хотя бы одну пулю для вашего удовлетворения.

— Я понимаю, сэр...

— Что будет сделано, то сделают только ради престижа Британской империи.

— Сэр, надеюсь, что мне разрешат принять участие в этой акции. Я знаю остров, знаю местные условия. Могу оказаться полезным.

— Это посмотрим после.

— Если бы Общество еще раз доверило мне руководство факторией на Ригонде, я сумел бы действовать с такой энергией, которая удовлетворила бы самые высокие требования.

— Я подумаю об этом, Портер.

— Каковы будут ваши указания на ближайшее время, сэр?

Генри П. Кук задумался. Несмотря на весь гнев, вызванный в нем неудачей Портера, он вынужден был признать, что никакой другой агент не придумал бы ничего лучшего в аналогичном положении. Нет, мягкотелым Портера нельзя назвать, а если генеральный директор позволил себе это, то лишь с воспитательной целью. В дальнейшем Портер без сомнения будет действовать с еще большей жестокостью, а это как раз то, что надо было

Куку.

— Пока я даю вам только одно указание, — наконец вымолвил он. — Молчать. Обо всем молчать. Заткните рот капитану Никольсону и всем его людям. Скажите, что такова моя воля. Оставьте моему секретарю свой адрес и постарайтесь, чтобы мы в любое время могли найти вас. Это все. Можете идти.

Портер поклонился и тихими шагами вышел из кабинета. Вместо обещанных пяти минут аудиенция продолжалась целых полчаса. Об этом Генри П. Куку напомнил телефонный звонок вскоре после того, как ушел Портер. Нехотя он поднял трубку.

— Алло! Кук слушает...

На другом конце провода раздался укоризненный голос Евы Брис:

— Генри, так вот как вы исполняете свои обещания. Мы условились, что вы будете у меня ровно в три. Теперь уже четверть четвертого. Зная вашу пунктуальность, я готова подумать, что вы разлюбили меня. Может быть, я ошиблась?

— Непредвиденные дела, Ева... — ответил Генри П. Кук. — Я не смогу быть ни в четыре, ни в пять. Очень возможно, что сегодня вечером вообще не смогу приехать. Прошу тебя, не спрашивай у меня подробностей. Таких вещей по телефону не говорят.

Но Ева была не из тех женщин, которые легко отступают, когда им говорят «нет». Капризным голосом избалованного ребенка продолжала она сетовать на равнодушие Генри, которое в данном случае граничило с жестокостью, и клянчила, как завзятая торговка, стараясь вынудить у него обещание посетить ее сегодня вечером. Так как Кук все же не уступал, и в его ответах уже слышались нетерпение и дбсада, Ева допустила небольшую оплошность, разыграв из себя оскорбленную.

— Вы меня игнорируете, потому что ваша жена, верно, устраивает сегодня что-нибудь дома и у вас не хватает духа отказать ей.

Для генерального директора Южноморского торгового Общества это было уж слишком. Он рассердился, ибо не привык, чтобы кто-нибудь — даже его метресса — говорил ему подобные вещи.

— Довольно болтать, — резко оборвал он. — Я попрошу вас не забываться, когда разговариваете со мной. Я вам плачу звонкой монетой и не желаю, чтобы вы мне что-либо диктовали. Получайте свои деньги, а об остальном предоставьте думать мне.

Деньги... всегда и всюду Кук умел использовать их чудодейственную силу, покупать и продавать... До сих пор это ему всегда удавалось. Жизнь — это торг, с какого конца ни подойди. Такой опытный торгаш, как Генри

П. Кук, умел покупать все, к чему лежала душа.

Ева испугалась и, как птичка, защебетала извинения. Кук, не слушая ее, сказал:

— Со мною всегда выгодно разговаривать в корректном тоне... — и положил трубку.

Потом он позвонил генерал-губернатору и испросил аудиенцию. Принимая во внимание чрезвычайную важность и спешность вопроса, генерал-губернатор разрешил Куку, явиться к нему немедленно. Такая готовность льстила Куку, хотя и прежде за всю пятнадцатилетнюю практику никогда не случалось, чтобы австралийский генерал-губернатор хотя бы полчаса заставил ожидать приема генерального директора Южноморского торгового Общества, когда у последнего была надобность говорить с наместником короля.

Генерал-губернатор внимательно выслушал сообщение Кука, ни разу не перебив его вопросами или замечаниями. Сам Кук держался здесь гораздо спокойнее и сдержаннее, чем недавно в своем кабинете. Событие, о котором он рассказывал, несомненно, было чрезвычайным, и положение требовало чрезвычайных мер, но это еще не означало, что можно дать волю необузданному гневу и впасть в истерику. Генерал-губернатор — наместник короля в доминионе — сам принадлежал к королевскому дому Англии и исполнял свою миссию с той театральной наигранностью, которая свойственна отпрыскам древних династии.

Когда Кук закончил свое сообщение, генерал-губернатор немного подумал, потом посмотрел на портрет короля, висевший на стене в столь массивной раме, что человека постороннего не покидало опасение, долго ли может выдержать стена подобную тяжесть, и сказал спокойным, бесстрастным голосом:

— Этого так оставить нельзя. Виновные должны понести заслуженную кару. Я полагаю, нет необходимости объяснять вам, мистер Кук, что это дело не должно получить огласку в широких кругах.

— Вполне понимаю, сэр... — отозвался Кук.

— Карательную экспедицию должно провести энергично, быстро, но без шума, — продолжал генерал-губернатор. — Просторы Южного моря достаточно велики, чтобы несколько пушечных выстрелов, раздавшихся у берегов какого-нибудь острова, не были услышаны ни на одном другом

острове — конечно, если мы сами не захотим, чтобы их услышали. — Он умолк. Тонкие губы растянулись в жестокую усмешку. Он поднялся и подал генеральному директору руку. — Мы вас попросим еще раз пожаловать к нам, когда получим согласие метрополии на задуманную экспедицию.

— Всегда к вашим услугам, сэра... ••— сказал Кук. — Материальные расходы, связанные с карательной экспедицией, Общество охотно покроем из своих средств. Нет такой жертвы, которую мы не принесли бы для приумножения славы и чести нашей империи.

— Благодарю, мистер Кук... — сказал генерал-губернатор и в первый раз за время аудиенции изобразил нечто похожее на улыбку. На самом деле это даже была не улыбка, скорее гримаса удовлетворения — на более выразительную мину это лицо было неспособно.

Сейчас же после ухода Кука генерал-губернатор пригласил к себе своего политического секретаря и командующего военно-морскими силами. Полчаса он просоветовался с ними. И полетели кабалограммы из Сиднея в Лондон и из Лондона в Сидней. О событиях на Ригонде узнали английский король и премьер-министр империи. И оскорбленный индеек империализма распушил свой хвост. Орава дикарей осмелилась навязать свою волю одному из верноподданных короля! Это был вызов всей империи; сотни лордов, адмиралов, епископов и купцов ни в коем случае не могли примириться с этим. Король держал совет с министром иностранных дел и премьером империи, сказал свое слово и начальник генерального штаба, после чего в Сиднее было получено решение метрополии:

«Немедленно отправьте на Ригонду какой-нибудь легкий крейсер или канонерку. Действуйте с надлежащей энергией и строгостью. Санкционируем все мероприятия, которые найдете нужными для ликвидации инцидента».

Это означало, что генерал-губернатору предоставляется полная свобода действий. Он не замедлил воспользоваться этим.

— Можете ли вы рекомендовать мне энергичного и инициативного командира, у которого не дрогнет рука при исполнении специального задания? — спросил он у старого адмирала, командующего военно-морскими силами.

— Без сомнения, сэра, — отвечал адмирал. — Лучшей кандидатуры, чем капитан второго ранга Спенсер, нам не найти.

Спенсер — командир канонерки «Шарю» — был весьма колоритной фигурой. О его жестокости и цинизме ходили легенды от мыса Доброй Надежды до Сиднея и Сингапура.

— Спенсер... — задумчиво проговорил генерал-губернатор. Недобрая слава этого командира дошла и до его ушей. — Вы правы, сэр, более подходящего руководителя для этой экспедиции не найти на всем Тихом океане. Я попрошу вас незамедлительно вызвать его ко мне.

Через час капитан второго ранга Спенсер появился в приемной генерал-губернатора.

Это был высокий, сухопарый человек, с полным ртом золотых зубов. На вид ему было не более сорока лет. Как и положено воину, он выслушал задание без всяких эмоций, будто бы речь шла о самом обыденном из всех заданий, которое мог получить офицер королевского флота, и в ответ сказал:

— О, уез, все ясно. Будет исполнено, сэр.

Ему дали приказ по боевой тревоге подготовить канонерку к отплытию. Отпуская Спенсера, генерал-губернатор дал ему понять, что в случае успеха и быстрого завершения экспедиции он может надеяться на повышение по службе и на орден. Тогда Спенсер, этот матерый и несчетное количество раз испытанный убийца, еще лучше уразумел, чего хочет от него генерал-губернатор.

— Все будет исполнено наилучшим образом... — еще раз заверил он.

Назавтра утром канонерка «Шарк» с мистером Портером на борту вышла в море. Генри П. Кук считал, что с этим делом покончено, и снова обратил свое внимание и «энергию на другие дела, которых у такого человека, как генеральный директор Южноморского торгового Общества, всегда была .пропасть. Например, хотя бы та же самая Ева Брис...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Командир канонерки Спенсер только что кончил завтракать в своем небольшом салоне, как вахтенный офицер доложил, что справа по борту показалась земля. Вместе со Спенсером завтракали два старших офицера и Портер. Даже изрядное количество выпитого рома не могло рассеять их желчного настроения, которое все последнее время одолевало их и отравляло жизнь их спутникам на корабле. Виною тому были беспросветные ливни, начавшиеся на полпути между Сиднеем и Ригондой, — на скорое прекращение которых уповать не приходилось, так как наступил очередной период затяжных дождей.

— Это должна быть Ригонда, — сказал Спенсер. — В ясную погоду мы бы заметили ее несколько часов тому назад, но что поделаешь, если мистеру Портеру заблагорассудилось организовать бунт именно в тот момент, когда вся влага мира скопилась в этом месте.

— Мистер Спенсер... — попытался протестовать Портер, но Спенсер не дал ему продолжать.

— Я уже знаю, вы хотите сказать, что не виноваты в возникновении бунта и что свинский инцидент, которому мы обязаны этим путешествием, будь оно неладно, произошел семь месяцев назад, — сказал он. — Это ничего не меняет. Причиною всему вы, но не следует воспринимать это как упрек. Что может быть лучше, чем в мирное время устроить охоту на живых людей? Озолотить вас надо, мистер Портер, за то, что вы доставили нам эту возможность. В знак признательности я разрешаю вам первому лично пристрелить пять мятежников. А? Вам это кажется мало?

Портер усмехнулся:

— Для начала хватит, мистер Спенсер. Надеюсь, что выбор вы предоставите мне. С некоторыми парнями на острове у меня особые счета. А за это вы (по своему вкусу) сможете выбрать самую красивую женщину острова.

— Это я сделаю и без вашего согласия, — отрезал Спенсер, напоминая Портеру, что главное лицо во всем этом предприятии — он, командир канонерки, а не представитель Южноморского торгового Общества, хотя именно оно финансировало экспедицию. — А теперь посмотрим, как

выглядит это гнездо бунтовщиков.

Он надел дождевик, натянул поверх фуражки капюшон, прихватил бинокль и вышел на палубу. Остальные последовали его примеру, надели дождевики и вышли из салона. Сильные струи дождя ударили им в лицо. Сквозь дождевую завесу можно было различить лишь смутные очертания острова.

— Расскажите, что где там расположено, — обратился Спенсер к Портеру.

Корабль в это время проходил мимо северного мыса острова. Портер взялся объяснять, но ничего толком и сам не знал. Немного послушав его, Спенсер махнул рукой и оборвал агента:

— Лучше не путайте, Портер, вы слабый географ.

Потом сам во всех подробностях описал остров, насколько вообще о нем в то время было известно, назвал и примерно указал все наиболее примечательные точки Ригонды — мысы, возвышенности, изгибы рифа и главные ворота напротив поселка островитян.

Портер молчал, не зная, как вести себя: то ли обидеться на грубость командира канонерки, то ли пропустить все мимо ушей. В конце койцов решил, что со Спенсером ссориться не стоит, — Генри П. Кук находился слишком далеко, чтобы помочь своему агенту защитить честь Общества.

Когда «Шарю» подошла к расселине рифа, Спенсер приказал остановить судно и бросить якорь. Ввести канонерку в лагуну он не хотел по двум причинам: нельзя поручиться, что корабль не сядет на подводные скалы, и сектор пушечного обстрела из лагуны был бы гораздо уже, чем с того места, где судно стало на якорь.

Канонерка остановилась и легко покачивалась на волнах. Команда с любопытством рассматривала побережье острова. Портер с удовлетворением заметил, что его бунгало стоит, как стояло, на своем месте. Пироги островитян были вытаснены на берег, но возле них не виднелось ни одного человека, ни одного любопытного не высунулось из хижин.

Спенсер приказал зарядить орудия боевыми снарядами.

— Мистер Спенсер... — Портер схватил его за рукав дождевика. — Я прошу принять во внимание, что это бунгало слева — мое жилище...

— И что из этого? — вопросом ответил Спенсер.

— Вы могли бы сказать артиллеристам, чтобы они избрали целью для своих снарядов другие объекты. Мне ведь понадобится свой кров. Пускай стреляют по хижинам туземцев.

Спенсер испытующим взглядом посмотрел в лицо Портера и, казалось,

что-то обдумывал.

— Гм... Вы рекомендуете стрелять по жилищам островитян. У меня было намерение для начала пострелять просто так, шума ради по горам и по лесу. Но если уж вы на этом настаиваете, я могу доставить вам это удовольствие.

— Нет, я не настаиваю... — пролепетал Портер. — Мне кажется, вы лучше знаете, что и как надо делать. У вас есть инструкции... действуйте сообразно с ними.

Спенсер грубо захохотал.

— Бойтесь ответственности, мистер Портер, так ведь? Эх вы, сухопутная душонка... даже кровь дикарей ему страшно пролить.

— Ничуть не страшно, — защищался Портер. — Пятерых дикарей я сегодня своей рукой застрелю, но, мне кажется, неудобно совсем игнорировать... формальную юридическую сторону дела.

— Юридическая сторона? — опять засмеялся Спенсер. Потом пренебрежительно сплюнул и сказал: — Я вам сейчас покажу свою юриспруденцию.

Он повернулся к артиллеристам и приказал открыть огонь по хижинам островитян.

Огонь повели одиночными выстрелами с минутными перерывами. Каждый снаряд разносил одну из хижин островитян. Хрупкие сооружения рассыпались во все стороны, кое-где возникали небольшие пожары, но не прекращавшийся проливной дождь быстро тушил их. Глухо и грозно отдавался в горах грохот выстрелов. Но нигде по-прежнему не показывался ни один человек.

— Ваши бунтовщики трусливы, как зайцы, — дразнил Портера Спенсер. — Прямо удивительно, как вы могли таких испугаться.

— Оказались бы вы на моем месте... — проворчал Портер.

— Тогда не произошло бы такой скандальной истории, — резко отпарировал Спенсер.

После двенадцатого выстрела он велел прекратить огонь в полной уверенности, что на островитян нагнали достаточно страха и им в голову не придет сопротивляться. С корабля спустили на воду две шлюпки. В каждой разместилось по десяти матросов, вооруженных ружьями и автоматическими винтовками. Отплывая на берег, они взяли с собою и два легких пулемета. В первой лодке сидел сам Спенсер, во второй, рядом с одним молодым лейтенантом занял место мистер Портер. В карманах у него было два револьвера, а в руках он держал заряженную винтовку — агент имел очень бравый и воинственный вид.

Маленький десант без каких-либо происшествий высадился на берег и сейчас же по всем правилам военного искусства начал операции. Половина десантников под командой лейтенанта обыскала все еще уцелевшие хижины островитян, но не нашла там ни одного человека. Остальные прочесали кусты и ближайший лес у берега. Ничего не обнаружив, все опять собрались у лодок, ожидая дальнейших приказаний Спенсера.

— Надо лишить возможности островитян маневрировать, — сказал командир канонерки: — надо изру» бить и перепортить все их лодки.

— Это удачная мысль, — согласился Портер.

— Это я знаю и без вас, — сухо заявил Спенсер. — К тому же ваше мнение меня несколько не интересует, и вы можете держать его при себе.

— Насколько мне известно, представителем гражданской власти на острове являюсь я, мистер Спенсер... — возразил Портер.

— Плевать я хочу на вашу гражданскую власть. Если вы на что-нибудь способны, — покажите это. Прикажите островитянам собраться на взморье. Скажите им, чтобы они устроили угощение для моих людей. Почему вы медлите, мистер Портер?

— Ваши шутки неуместны, мистер Спенсер. Пока я не вижу, чтобы ваши военные манипуляции принесли ощутимые результаты.

— Вы не видите? Так посмотрите.

И Спенсер велел матросам рубить пироги острови* тян. Их было множество, и как бы ни была хрупка каждая такая пирога, матросам пришлось целых полчаса потрудиться так, что рубашки на них взмокли, пока их разрушительная работа была доведена до конца. Результаты удовлетворили Спенсера.

— Теперь мы превратили этих обезьян в сухопутных крыс и можем делать с ними все что угодно. Ребята, сыпаните-ка свинцовым градом туда, по тем ку* стам! — приказал он пулеметчикам.

Матросы живо установили два легких пулемета и начали стрелять длинными очередями. Пули секли стволы деревьев и ветки, на землю падали кусочки коры и сбитые листья. Но кусты молчали.

— Вперед, ребята! — заорал Спенсер. — Присту» пом взять вон ту рощу справа от бунгало! Мистер Пор* тер, это ваша резиденция, поэтому, будьте любезны, руководите ее освобождением.

Портер взял ружье на изготовку и с кислой миной стал во главе десятка матросов. Растянувшись цепью, маленький отряд начал продвижение к роще. Взобравшись на обломки искромсанной пироги, капитан второго ранга Спенсер принял величественную позу главнокомандующего и, ухмыляясь, смотрел на эту комедию, которую он

затеял единственно для того, чтобы позлить Портера. Так бы эта затея и кончилась комедией, если бы в ее исполнение неожиданно не вмешалась посторонняя сила.

Один за другим раздались два одиночных винтовочных выстрела. Пуля просвистела мимо левого уха Спенсера. Главнокомандующий проворно соскочил на землю со своего наблюдательного пункта, во весь рост растянулся на прибрежном песке и дурным голосом, в котором слышались неподдельное волнение и неподдельная тревога, завопил:

— Назад! Ложись!

Потом раздался второй выстрел, так же как и первый откуда-то из полумрака кустов, — и мистер Портер, как подкошенный, рухнул на землю, выронив из рук винтовку. Раза два он глухо простонал, тело вздрогнуло в предсмертных конвульсиях, потом осталось неподвижно лежать на полдороге между берегом лагуны и рощей. Струйка крови стекала из виска по правой щеке, окрашивая прибрежный песок.

Видя это, капитан второго ранга Спенсер, все так же лежа на земле, закричал своим людям:

— К шлюпкам, бегом марш! — и, подавая пример, первым вскочил на ноги и с быстротой, которой позавидовал бы настоящий спринтер, впереди своего войска кинулся к берегу.

В одну минуту все расселись в шлюпки, оттолкнулись от берега и что было сил стали грести в море. Два одиночных выстрела из кустарника подогрели энергию гребцов, поэтому они довольно быстро достигли канонерки. На берегу, медленно остывая в луже собственной крови, валялся труп Портера. Никому не пришло в голову, что агент, может быть, только ранен и что его надо бы взять с собою на корабль. Так он там и остался лежать до самого вечера, до наступления темноты, и потоки дождя весь день поливали его.

Проливной дождь был причиной тому, что судно заметили с острова только тогда, когда оно обошло северный мыс и стало приближаться к старой бухте островитян. Ако издали распознал в нем военный корабль и понял, что не ради удовольствия или торговых операций проделал он далекий путь на Ригонду. Ако стало ясно, что борьба уже неотвратима и надо действовать с величайшей решительностью в соответствии с ранее выработанными планами.

Все обитатели острова в этот момент еще находились в лагере, поэтому Ако не пришлось терять много времени на то, чтобы привести в движение и согласовать деятельность своего племени. Программа эвакуации уже давно была продумана во всех деталях, для всякого мероприятия назначен свой ответственный руководитель. Сейчас же после сигнала тревоги командиры групп поспешили к Ако, и он дал им ясные и исчерпывающие указания.

Прежде всего надо бы перевести всех, не способных к борьбе, в потайной лагерь, расположенный в ложбине между гор. Под водительством старого Таомо туда отправилось около двухсот человек — старики, женщины и дети. Каждый взял с собой кое-что из своего незамысловатого домашнего скарба, так что в хижинах лагеря после этого ничего ценного не осталось.

Следом за ними к новому лагерю на другом берегу острова — у потайной гавани возле Тростникового залива — отправились все остальные, кто не, вошел в войсковые группы. Их было не более ста человек. Предводителем этой группы назначили Ловаи. Его задачей было держать наготове всю спрятанную в Тростниковом заливе лодочную флотилию, чтобы, в случае надобности, большие плоты-лодки могли выйти в море и чтобы на каждой из них имелось достаточное количество продовольствия и питьевой воды на заранее рассчитанное количество едущих.

Когда и эта группа исчезла в чаще, в прибрежных кустах у опустевшего поселка осталось только ригондское войско в полторы сотни человек. В распоряжении Ако теперь имелись четыре винтовки, одно охотничье ружье и три револьвера. Оставив себе одну винтовку и револьвер, он раздал остальное оружие самым лучшим стрелкам из островитян. Одного стрелка с винтовкой он прикомандировал, на всякий случай, к группе слабосильных в потайном лагере, а охотничье ружье отдал в распоряжение Ловаи, чтобы было чем отпугнуть англичан от потайной гавани, если бы они нечаянно забрели туда. Таким образом, в распоряжении самой боевой группы осталось три винтовки и три револьвера, кроме того, еще луки, полсотни копий и при* мерно столько же увесистых палиц, которыми при известной сноровке можно было разmozжить череп любому захватчику. Разделенное на три подгруппы маленькое войско спряталось в кустах за первыми холмами невдалеке от берега: одна подгруппа в роще за бунгало Ако, откуда были эвакуированы все запасы со склада и домашняя утварь; другая — в центре против обычной стоянки лодок островитян, а третья — шагах в тридцати правее от

нее — в зарослях за по* кинутыми хижинами старого лагеря. Таким образом, позиция войска Ако образовала дугу длиной в полкилометра, фланги которой упирались в берег лагуны, а с суши полностью обнимали весь небольшой плацдарм, где можно было ожидать высадки десанта и развертывания к бою сил противника.

Только теперь можно было по-настоящему оценить результаты обучения военному делу в предшествующие месяцы. Эти результаты вполне удовлетворяли Ако. Маленькое войско действовало согласованно и быстро, без суеты, сутолоки и шума. Каждый воин знал свое место. Без ведома Ако не должно было раздаться ни одного выстрела — это он строго наказал своим стрелкам.

За рифом загремел якорь, падая в море. Через небольшой промежуток времени прогрехотал первый пушечный выстрел, и одна хижина в лагере островитян разлетелась вдребезги. Через минуту второй снаряд попал в самую середину посадка и там начался небольшой пожар. Остолбенев, стояли на своих местах ригондские мужчины и юноши и наблюдали происходящее. Все было так, как рассказывал Ако.

Как ужасно ни гремел чужой гром, какими страшными ни казались наивным детям природы первые разрушения, причиненные артиллерийскими снарядами, никто не поддавался малодушию и не поднял панику, понимая, что правильнее всего в такой обстановке — все делать так, как приказывает старейшина острова. Когда в поселке уже разорвались четыре-пять снарядов, но ни с одним воином из островитян ничего дурного не произошло, первое волнение улеглось, и в сердцах людей окрепла уверенность, что захватчики ничего не могут им сделать, — очевидно, их спасала от беды великая мудрость старейшины острова.

Еще некоторое время продолжали стрелять из пушек, потом все смолкло, и от корабля отвалили две лодки, полные вооруженных людей. Стиснув зубы, взирали островитяне на оргию разрушения, разыгравшуюся перед их глазами, но Ако успокаивал людей, говоря, что в этом нет ничего ужасного и непоправимого. Ведь все ценное и нужное переправлено в новые поселки. Вместо старых хижин, спаленных захватчиками, были построены новые жилища у Тростникового залива, вместо старых пирог, изрубленных и искромсанных английскими матросами, у островитян была целая флотилия новых, гораздо лучше прежних, ло» док, и враг не обнаружил их.

Глядя на опустошения, Леагу тихо подошел к Ако, погладил его руку и дружески улыбнулся.

— Ако... — шепотом заговорил он. — Не сердись на меня. Я был

глупец. Ты умный. Хорошо, что ты велел нам много работать. Теперь у нас есть все, а белые люди уничтожают то, что нам не нужно. Не сер» дись на Леагу...

Ако ответил ему сердечной улыбкой.

— Все хорошо и правильно, Леагу. Я не сержусь. Ты хороший человек.

Тут какой-то островитянин, забыв приказ старейшины острова, вдруг приглушенно вскрикнул и в испуге забился еще глубже в кусты. Товарищи сердитым шепотом цыкнули на него, но человек дрожал всем телом, а в глазах его застыл ужас.

— Там... он вернулся... теперь он отомстит нам... — шептал он и указывал сквозь листву кустов на белого человека, стоявшего на берегу среди своих соплемен*ников.

Услышав тихую возню, Ако приблизился к группе обеспокоенных воинов и спросил, что случилось. Тогда воины указали ему на белого человека, вселившего в их сердца непреодолимый суеверный страх.

Ако узнал Портера.

— Море отказалось его покарать... — шептали ост»ровитяне. — Он сильнее моря, сильнее всех бурь. Никто ничего не может ему сделать. Вот он опять здесь, и для ригондских мужей и жен снова наступит тяжелая жизнь. Что теперь делать, Ако?

Ако понял, что только быстрые и решительные действия могут предотвратить общую панику. Надо было, сейчас же на месте доказать островитянам, что Портер не сверхъестественное существо, а простой смертный — как л все прочие. Он начал действовать. Приказал всем лечь, прикинуться к земле, потом подошел к лучшему стрелку этой подгруппы и показал ему на Спенсера, в котором нетрудно было угадать командира захватчиков, так как он распоряжался всеми и все ему подчинялись. Спенсер как раз строил своих людей для нападения на роццу.

— Заметь этого человека, — сказал Ако. — Если белые начнут нападение на кусты, прицелься хорошенько и убей его. Но больше одного патрона ты не должен истратить.

Стрелок избрал удобную позицию и больше не выпускал из виду Спенсера. Ако вернулся на свое место, в центр расположения своей подгруппы, и приготовился к стрельбе.

Белые открыли огонь по кустам из легких пулеметов. Пули летели над головами припавших к земле островитян и обламывали ветви кустов. Потом стрельба прекратилась, и, развернувшись цепью, группа матросов под командой Портера стала приближаться к чаще.

Тогда свой единственный разрешенный ему патрон выпустил стрелок,

который получил задание снять Спенсера. В то мгновение, когда он, взяв на мушку командира белых, спускал курок, дождевая капля попала ему в глаз, и выпущенная пуля прошла мимо цели, однако белый человек сейчас же спрыгнул с обломков пироги на землю и заорал не своим голосом. В цепи нападающих произошло смятение. В этот момент Ако выстрелил в Портара, и агент, как подкошенный, рухнул на прибрежный песок.

Дальнейший ход «сражения» уже известен читателю, и нет надобности описывать его еще раз. Матросы бежали. С умопомрачительной поспешностью бросились они к своим лодкам и ушли в море.

Подхлестывая их прыть, Ако дважды выстрелил вслед удаляющимся лодкам. А тот, кто внушал некоторым островитянам суеверный страх, лежал теперь мертвый на берегу острова, и никто из ригондцев больше не боялся его.

До наступления темноты Ако со своими людьми оставался в прибрежных кустах. Как ни заманчиво было выйти на берег лагуны и подобрать оружие Портера и те две винтовки, которые матросы при бегстве бросили возле разбитых пироги, Ако совладал со своим нетерпением и дождался вечера. Только тогда он вышел из кустов и подобрал трофеи. Маленькое войско обогатилось тремя хорошими боевыми винтовками, двумя револьверами, найденными в карманах Портера, и несколькими сотнями патронов. В их положении это было очень ценно, но главное все-таки заключалось в одержанной победе: они успешно отбили первое нападение противника, не потеряв в рядах защитников острова ни одного человека. Это означало, что с белыми можно бороться, что они уязвимы, — в этом теперь убедилось все ригондское войско. Великая радость царила в тот вечер на острове.

Собрав трофеи и спрятав труп Портера у подножия холма, в промоине, образовавшейся от дождя, воины Ако отправились на ночлег в глубь острова, — в потайной лагерь для слабосильных. На побережье, у разбитого поселка и в некоторых других местах, где можно было ожидать нападения англичан, осталось несколько наблюдателей. Одного человека Ако послал к Тростниковому заливу известить спрятавшихся там товарищей об одержанной победе и пригласить Ловаи на совещание.

Мокрые и продрогшие сидели вокруг костра в пещере два десятка человек. Тем, кто не был очевидцем самой битвы и отдельных подробностей борьбы, Ако все рассказал. Он сам сегодня многому научился и понял, что только благодаря бестолковости нападавших, войско островитян не понесло потерь. Во-первых, неправильно, что воины-островитяне так близко расположились тремя большими группами, — если

бы враг пронюхал это, ему не составило бы труда изолировать одну часть войска от других и, принимая во внимание количество огнестрельного оружия в руках английских моряков, нанести островитянам тяжелые потери. Впредь надо делать так, чтобы вместе находилось не более десяти человек, а все ригондское войско раскре* доточить на возможно более широком пространстве, оставив треть его в резерве где-нибудь в тылу.

— Наша сила сегодня значительно возросла, — го* ворил Ако. — Теперь у нас на три винтовки и два ре* вольвера больше, чем было сегодня утром. Но не надо думать, что белые завтра повторят то же самое, что они делали сегодня. Так же, как мы, они теперь сове* щаются и стараются придумать какую-нибудь хит* рость, новые приемы, которыми они попытаются об* мануть нас. Поэтому ригондцы должны быть начеку и стараться еще лучше прятаться, чем сегодня.

Совещание командиров и старшин затянулось за полночь. Ако поручил своим помощникам и старшинам лагерей как следует объяснить всем жителям острова, что попасть в руки захватчиков означает заведомую смерть, но если, несмотря на все предосторожности, какой-нибудь островитянин попадет в плен, то надо уметь молчать, не говорить ни слова и ни за что не выдавать тайных убежищ своих соплеменников, — какие бы муки ни пришлось переносить.

Люди разошлись и отправились к своим группам, чтобы вместе с остальными вздремнуть несколько часов и набраться сил. Когда Ако остался один, возле него из темноты вынырнула женщина, которую он любил больше всего на свете.

— Ты жив и здоров, Ако... — сказала Нелима. — Я очень рада. Плохо, что я не могу всегда быть с тобой. Тогда мое сердце было бы совсем спокойно.

— Думай о нашем ребенке, Нелима, — ответил Ако. — Тебе во что бы то ни стало надо остаться в живых... ради него, Нелима.

Она прижалась к нему, грея свои озябшие руки на груди Ако. Тогда Ако взял руки Нелимы в свои пальцы и стал согревать их своим теплым дыханием. Оба они думали одну думу и не произнесли больше ни слова. Через несколько дней должно было появиться на свет новое существо... Это одно из самых значительных событий, может быть, самое значительное в жизни человека. Угроза смерти черной тенью носилась над островом, огромное бедствие тучей нависло над родиной Ако, муки и унижения сулил завтрашний день, и все же ни Ако, ни Нелима не поддавались слабости. Прислушиваясь к монотонному плеску дождя и тихим, полным таинственности ночным звукам, они думали о своем будущем и мечтали.

Зловещими предчувствиями и великими надеждами наполнились в эту ночь сердца всех мужчин и женщин их племени. С большей нежностью, чем обычно, укрывали матери своих малышей в легких хижинах, и глубокая задумчивость приветным огнем горела в глазах мужчин, когда они смотрели на своих жен. Все люди на острове стали сегодня ближе и дороже друг другу, и вместе с этим росла сила их коллектива.

Капитан второго ранга Спенсер в тот вечер долго оставался один в своем салоне. Он отказался принять старшего корабельного инженера Робинса, резко оборвал своего первого помощника Элиота, а когда кок спросил, что готовить на ужин, Спенсер пинком вышвырнул его из салона.

Его душил ужасный гнев и жгучий стыд. За все время, что Спенсер служил в королевском военном флоте, ни один человек не мог уличить его в малодушии. Как раз наоборот: все считали его сорвиголовой, отчаянным храбрецом и человеком, презирающим смерть. Сегодняшнее происшествие было темным, позорным пятном в биографии Спенсера — что-то нелепое и необъяснимое. В самом деле, чем объяснить, что такой бывалый и закаленный вояка, каким, без сомнения, был Спенсер, после первого же выстрела противника потерял голову и поддался панике, а после второго выстрела — вместо того, чтобы своей выдержкой показать образец мужества подчиненной ему воинской части, первый задал тягу с поля боя, вызвав общее бегство. Что теперь думают о своем командире его подчиненные? Как он будет смотреть в глаза офицерам и матросам?

Долго Спенсер ломал голову, силясь найти объяснение своему позорному поведению. В памяти он еще я еще раз перебирал все подробности события, анализировал свои настроения и ход мыслей на разных этапах сегодняшней битвы. Наконец он с большим трудом до чего-то додумался, что показалось ему более или менее верным. По мнению Спенсера, виною всему было убеждение лично его и всего экипажа в том, что со стороны островитян исключается какое бы то ни было сопротивление. В изображении Портера это были до крайности ограниченные, примитивные, суеверные людишки и все их вооружение состояло из нескольких старых луков и острог для ловли рыбы. Исходя из этого убеждения, была спланирована вся операция. Несколько пушечных выстрелов должны были вселить панический страх в сердца островитян, чувство своей неполноценности и бессилия перед белыми людьми, — а

потом и одного белого матроса за глаза хватит, чтобы гонять их по острову, как перепуганную отару овец. Начало операции будто бы подтвердило эти предположения: островитяне не осмелились пикнуть, когда матросы разрушали их хижины и лодки. Уверенность нападающих в совершенной безобидности противника после этого еще более возросла. В таком настроении Спенсер и послал тогда своих людей в наступление на рощу. Внезапный выстрел из кустов был до такой степени чудовищно неожиданным, что потряс Спенсера до глубины души, вывел из равновесия, вызвал чисто животное побуждение — во что бы то ни стало спасти свою шкуру. Если бы Спенсер знал, что у островитян имеется огнестрельное оружие и они умеют обращаться с ним, он бы соответственно настроил себя, мобилизовал свои душевные силы и приготовился к величайшим опасностям.

Теперь же ему оставалось лишь горько сожалеть, что не к месту пренебрег старой военной мудростью: никогда не следует недооценивать своего противника. Конечно, его ненависть к островитянам от этого ни на йоту не убавилась.

Если до сих пор Спенсер их ненавидел за то, что они посмели восстать против белой расы вообще, то теперь к этой ненависти добавилась звериная ярость, вызванная пережитым позором. Что может быть ужаснее, чем оказаться смешным! Сегодня это стало фактом. Смыть это пятно могли только потоки крови, которую должны пролить дикари, целая лавина мук и унижений, которыми Спенсер в ближайшие дни задушит мятежное племя.

Насладившись мыслью о мести и немного успокоившись, командир канонерки созвал офицеров корабля на военный совет. И пока Ако в пещере совещался со своими помощниками о том, как лучше оборонять остров, в салоне Спенсера в то же самое время разрабатывался план, как скорее и беспощаднее поставить на колени непокорное племя ригондцев. Ако знал, с кем имеет дело. Спенсер и его подручные могли только догадываться, на что способен их противник. По рао сказам Портера они знали, что на острове обретается какой-то цивилизованный туземец, владеющий английским языком, — но что он еще знал и чему мог обучить своих соплеменников, об этом никто не имел никакого представления. Ясно только, что он умеет обращаться с огнестрельным оружием, — в этом Портер нагляднейшим образом убедился в последний миг своей жизни. Значит, опять остался какой-то икс в планах Спенсера; чтобы еще раз не допустить ошибки, недооценивая противника, капитан второго ранга решил, что меньшим из двух зол будет, если переоценить его; так он и сделал.

На следующее утро началось наступление на остров. Так же, как и вчера, ему предшествовал непродолжительный артиллерийский обстрел. Стреляли по лесу, по горам, вели рассеянный огонь наугад, по разным видимым и невидимым целям. Теперь уж туземцы должны были понять, что ни в одном уголке Ригонды они не спасутся от артиллерийских снарядов. Пару снарядов Спенсер велел выпустить с таким расчетом, чтобы они разорвались на противоположном берегу острова. Потом на остров высадился десант, развернулся цепью и направился в глубь леса. Цепь была достаточно длинной, чтобы, прощупывая каждый куст и каждое дерево, «прочесать», скажем, отдельную рощу, банановую заросль или участок лесной чащи площадью до четверти квадратного километра. Больших массивов моряки Спенсера, к сожалению, не могли охватить, так как вывести на операцию одновременно более пятидесяти человек не позволяла численность экипажа канонерки. Учитывая, что остров занимает площадь примерно в двадцать четыре квадратных мили, нечего было и думать полностью обшарить его, так же, как нечего было надеяться пальбой на авось запугать островитян — об этом свидетельствовал весь ход вчерашней битвы. Спенсер вскоре убедился, что операция грозит превратиться в бесконечную войну в джунглях, в которой на стороне его противников одно большое преимущество: они всегда знают и видят каждый шаг своего врага и могут свободно маневрировать, в то время как войско Спенсера ничего не знает о своем противнике. Это была настоящая игра в жмурки: слепой охотник наугад, ощупью пробирается в темноте, стремясь сцапать добычу, а она, дразня и посмеиваясь над своим преследователем, вертится тут же под самым его носом и остается недосягаемой.

Когда люди Спенсера остановились у подножия какой-то горы, им на голову посыпались огромные камни, и многие после этого уже не поднялись. Был случай, когда небольшую группу моряков, оторвавшихся от главных сил нападающих, внезапно обстреляли из кустов, и никому не удалось уйти живым из опасного места. А когда подоспело подкрепление, они нашли только тругги своих товарищей — винтовки и патроны прибрали к рукам островитяне.

Таким манером Спенсер до полудня потерял семь человек, а островитяне захватили легкий пулемет, четыре винтовки и несколько сот патронов. После этого все чаще раздавались неожиданные выстрелы в лесу, в кустах, с горных круч — и несколько человек пришлось закопать, а кое-кого с забинтованной головой или рукой на перевязи эвакуировать на корабль.

— Если так будет продолжаться, то через несколько дней у нас не останется ни одного человека, — мрачно резюмировал положение первый помощник Спенсера Элиот. — Некому будет отвести корабль обратно в Сидней.

— А что же, по-вашему, нам теперь надлежало бы делать? — холодно спросил Спенсер. — Капитулировать, сняться с якоря и доложить адмиралу, что мы ничего не можем поделать с этими дикарями?

— Этого я не говорил, сэр... — взял официальный тон Элиот. — Очевидно, наши обычные методы здесь не годятся. Или же... — он запнулся и умолк, не досказав своей мысли. Разговор происходил в лощине между двумя холмами у Тихого залива.

— Что вы хотели сказать? — спросил Спенсер. — Если у вас есть какое-нибудь разумное предложение, не скрывайте его. Мне самому ясно, что здесь что-то не так, как везде. Одной храбростью и смелостью здесь не возьмешь.

Это уж была несомненная капитуляция со стороны Спенсера. Элиот понимал, что лишь исключительные обстоятельства вынудили Спенсера признаться в своей бессилии, и, не желая понапрасну портить и без того скверное настроение командира, он заговорил проще и сердечнее:

— Мне кажется, что старый принцип Британской империи — разделяй и властвуй — еще вовсе не уста* рел. Что, если нам попробовать применить его здесь?

— Чтобы место воина занял дипломат? Но что он может предпринять, когда никто из этих черномазых мерзавцев не вступает с ним ни в какие переговоры?

— Дать приказ нашим людям раздобыть «языка».

— Гм. Я подумаю об этом.

Спенсер думал, но не успел придумать, каким бы образом сделать так, чтобы действительно дельное предложение Элиота превратить в свое собственное, как вдруг подбежал нарочный и доложил, что матросы нечаянно наткнулись на главную жизненную артерию острова — источник, откуда островитяне черпают воду, — и взяли в плен одну семью туземцев, которая как раз в тот момент наполняла сосуды питьевой водой. Предложение Элиота моментально улетучилось из головы Спенсера. Взбешенный неудачами, он, как изголодавшийся зверь, поспешил следом за нарочным на побережье, где находились пленные островитяне. «Теперь вы вззоете, — думал Спенсер. — Уж я вам покажу, где раки зимуют... Теперь вы узнаете капитана Спенсера».

Пленных туземцев было четверо — довольно молодой мужчина со

своей женой и двумя детьми — мальчиками-подростками. Сбившись в кучу, плотно прижавшись друг к другу, стояли они, окруженные группой матросов, и струи дождя поливали их полуголые тела. Мальчики широко открытыми глазами пытливо, но спокойно смотрели на белых людей. Их родители, как бы защищая детей, стояли по обеим сторонам от них и руками обнимали ребят за плечи.

— Переводчика ко мне! — гаркнул Спенсер. Потом сунул кулаком в лицо главе семейства, а его жену пнул ногой. Один из мальчиков зарычал, как звереныш. Спенсер дал и ему затрещину.

Вскоре появился переводчик — какой-то моряк, несколько лет проживший среди полинезийцев и научившийся некоторым туземным наречиям.

— Пусть они расскажут и покажут, где спрятались жители острова, — обратился Спенсер к переводчику. — Скажи им, что в случае заперательства мы их живьем изжарим на огне.

Переводчик прежде всего знаками обратил на себя внимание пленников, потом заговорил сперва на одном, затем на другом и третьем из известных ему диалектов островитян. Но пленники молчали. По их поведению можно было заметить, что они кое-что понимают из речи переводчика, — иногда они переглядывались, будто глазами спрашивали что-то друг друга, потом опять утихали и продолжали спокойно смотреть на белых людей.

— Ну, хорошо... — задыхался Спенсер. — Если не будете говорить добром, мы вам поможем развязать языки.

Пленников били, драли за волосы и пинали ногами, но они по-прежнему молчали. Ни одного стога не вырвалось даже из груди мальчиков. В тот момент, когда их взяли в плен, они уже примирились с мыслью о скорой, неизбежной смерти, и никакие сомнения больше не терзали их простые, ясные сердца. Тогда Спенсер собственноручно застрелил обоих мальчиков. Глубокая скорбь и покорность перед неотвратимым — вот все, что захватчики прочли на лицах отца и матери. Они не причитали, не бросались на землю к трупам своих детей, лголько выше вздымалась от волнения их грудь и пальцы рук сжимались в кулаки. И это все.

«Что это такое — большая сила или тупая бесчувственность? — думал Спенсер, которого все больше разъяряло спокойствие островитян. — Может быть, это всего только ограниченность животного, неспособность понять ужас происходящего?» Он велел переводчику еще раз испробовать свое красноречие, еще раз принимался бить и пинать свои жертвы, но они

продолжали хранить молчание.

— Вот вам «языки»! — с издевкой сказал Спенсер Элиоту, который тоже вышел на берег и с живейшим интересом наблюдал экзекуцию. — На что годна вся ваша хваленая дипломатия?

Элиот пожал плечами и отошел в сторону.

Убедившись, что от пленников все равно ничего не добиться, Спенсер приказал повесить их на двух кокосовых пальмах на берегу лагуны — на открытом месте, хорошо видимом с гор в глубине острова. Вероятно, много глаз в ту минуту смотрели на это место из темной чащи и из невидимых укрытий в ригондских холмах. И много сердец сжималось от боли. Но остров безмолвствовал.

4

Баланс второго дня карательной экспедиции оказался весьма прискорбным: Спенсер потерял девять человек (в том числе одного лейтенанта и двух сержантов), один легкий пулемет, шесть винтовок, два револьвера и изрядное количество патронов. У капитана второго ранга была веская причина для раздумья. Элиот прав: если так будет продолжаться, то через несколько дней будет некому отвести корабль в Сидней. Элиот прав и в том отношении, что одной грубой силой здесь ничего не сделаешь, противник оказался гораздо умнее и находчивее, чем можно было ожидать от этих неотесанных людей.

Что делать? Признаться в своей бессилии и уйти, отказываясь тем самым от надежды на орден и повышение по службе, или же продолжать неудачно начатую авантюру до тех пор, покуда сделается невозможным даже ее продолжение? Провал предприятия был теперь очевиден даже для самого недалекого матроса канонерки.

Вернувшись на корабль, Спенсер не заперся в своем салоне, а пригласил к себе Элиота, к которому, несмотря на всю непреодолимую неприязнь, он чувствовал определенное уважение, и, поставив на стол бутылку рома, стал обсуждать с ним дальнейшие перспективы карательной экспедиции.

— Где, по-вашему, кроется наша основная ошибка? — спросил Спенсер. — Нет смысла отрицать, что мы допустили ошибку, но мы должны своевременно свернуть с ложного пути.

— По-моему, сэр, мы столкнулись здесь с необычным противником, а боролись с ним обычными средствами, — ответил Элиот. — Шаблонные

приемы тут не годятся, и чем скорее мы откажемся от них, тем лучше. Сегодня мы уже очутились в таком положении, что нам пора побеспокоиться о сохранении своей живой силы! а возможности противника значительно расширились и способствовали этому мы сами: в распоряжении островитян сегодня гораздо больше современного оружия, чем у них было вчера утром.

— Но мы ведь не можем посылать своих людей безоружными в джунгли острова! — воскликнул Спенсер.

— Простите, сэр, но мне кажется, было бы лучше, если бы вместо людей мы послали в джунгли свою хитрость... — продолжал Элиот. — Я не хочу критиковать вас — вы гораздо более опытный командир, нежели я, но тех четырех туземцев сегодня я непременно оставил бы в живых.

— Опять какие-то жалкие принципы гуманности... — пробурчал Спенсер. — Мы пришли сюда не затем, чтобы заниматься благотворительностью.

— Гуманность здесь совершенно ни при чем, — пояснил Элиот. — Но чтобы заронить семена сомнения и раскола в головы островитян, нужен человек, который занес бы им эти семена. Если бы мы с первого дня не начали с разрушения, то можно было бы обмануть этих пугливых людишек видимым добродушием и дружественными обещаниями. Теперь этот путь для нас отрезан и остается продолжать политику запугивания.

— А именно?

— Мы показали туземцам, как мы суровы, когда гневаемся на кого-нибудь. Мы можем дать им понять, что наша суровость может еще возрасти и полностью уничтожить всю их жизнь, весь остров и всех людей на нем, если они не исполнят наших требований. Но в то же время мы можем пообещать им свою милость, если они их исполнят. Не может быть, чтобы все островитяне до последнего человека думали и чувствовали одинаково. Как и во всяком обществе, так и в их среде наверняка найдутся скептики и эгоисты. Нащупать и активизировать этих сомневающихся и эгоистов — вот наша задача. Сделать это будет нелегко, но возможный исход стоит трудов. Именно поэтому было бы хорошо, если бы семья туземцев, попавшая сегодня в наши руки, осталась в живых.

— У меня другой план, — сказал Спенсер, когда Элиот умолк.. — Упомянув скептиков и эгоистов, вы мне подали великолепную идею, мистер Элиот!

— Я вас слушаю, сэр...

— Вполне согласен с вами, что все островитяне не могут думать и чувствовать одинаково. Так же как всюду на свете, и на Ригонде должен

быть свой небольшой привилегированный слой и масса угнетенных плебеев. Это два разных элемента, и у каждого из них свои интересы — классовые интересы, диаметрально противоположные интересам другого класса. Мы должны подойти к этому делу с точки зрения борьбы классов, Элиот, и успех будет обеспечен. Вы ведь знаете из истории Британской империи, как действовали наши предшественники и как действуют наши современники в подобных случаях. Если какое—нибудь племя слишком заупрямится и с ним не удастся договориться, и если у такого племени есть свой властолюбивый и корыстолюбивый вождь, мы обещаем такому пигмею свою поддержку, немножко золота, орден и королевский титул — и он становится нашим верным слугой. Но если такой вождь заносчив и не идет на сделку с нами, желая остаться независимым, мы становимся весьма радикальными, действуем заодно с его племенем, организуем революцию и свергаем его с трона, а потом назначаем такого короля, который пляшет под нашу дудку. Конечный результат всегда один и тот же.

Элиот с большим интересом выслушал Спенсера и должен был признать, что в конце концов этот солдафон вовсе не такой уж осел, каким он готов был его считать.

— Это очень правильная мысль, сэр, — сказал он. — Но нам еще остается выбрать верную карту, с которой пойти.

— Этот вопрос для меня вполне ясен, — продолжал Спенсер. — Насколько нам известно, на острове находится какой-то цивилизованный туземец — тот самый, что в свое время изгнал Портера. Он говорит по-английски и умеет стрелять. Совершенно естественно, что этот тип сделался теперь предводителем племени. Но пока он только так себе — непризнанный правитель, узурпатор и зависим от своего племени. Даю правую руку на отсечение, если он не мечтает о троне настоящего монарха, неограниченной власти над своими подданными и материальном положении, соответствующем достоинству короля острова. Все это мы можем гарантировать ему. Вот с этим человеком мы и должны завязать связь и найти общий язык, тогда победа нашего дела будет обеспечена.

— А что если он окажется из числа строптивых и несговорчивых? — вставил Элиот. — Мы ведь его совершенно не знаем.

— Если он окажется таким дураком, что откажется сотрудничать с нами, то мы споемся с его племенем, поднимем мятеж и прогоним его с трона.

— Правильно, сэр, — согласился Элиот.

После этого уже в несравненно лучшем расположении духа они опорожнили бутылку рома, выкурили по сигаре, потом принялись сочинять

письмо правителю Ригонды. Письмо написали в нескольких экземплярах на больших листах бумаги и на другое утро прикрепили на видных местах побережья острова. Содержание письма было следующее:

«Высокопочтимому предводителю племени Ригонды!

Именем и по поручению Его Величества короля Великобритании довожу до Вашего сведения следующее: мы согласны заключить с Вами договор и официально признать Вас правителем острова с титулом и властью короля. Мы обещаем обеспечить Вам большое жалованье, а Вашим потомкам право наследовать королевский трон, со всеми привилегиями, из этого вытекающими. Для этого Вы должны выполнить два условия: 1) Официально провозгласить, что Вы и Ваш народ признаете короля Великобритании своим верховным правителем, — этим Вы приобретете английское подданство, и вооруженные силы Его Величества возьмут Вас и Ваш остров под свою могущественную защиту; 2) Вы должны немедленно приказать своему народу вернуться к мирному труду, сложить оружие и начать нормальные торговые сношения с купцами нашей империи. Даем Вам сутки времени для ответа. Свой ответ можете вывесить около большого бунгало на берегу лагуны или же лично явиться для переговоров завтра утром на то же место — неприкосновенность Вашей личности, а также сопровождающих Вас лиц гарантируется нами в полной мере.

Капитан второго ранга Спенсер».

Оставив письма на берегу, Саенсер со своими людьми вернулся на корабль и весь день провел в бездеятельности. Назавтра утром у бунгало Портера на» шли ответ Ако. Спенсера поразила красивый почерк и правильный английский язык, на котором было напи* сано письмо старейшины острова.

«Капитану второго ранга Спенсеру!

Ваше письмо получил. Тщательно изучив Ваши предложения и обсудив их со своими соплеменниками, довожу до Вашего сведения нашу точку зрения по затронутому Вами, а также по другим вопросам, о которых Вы не упомянули в своем письме:

1) От королевского титула и большого жалованья отказываюсь, тад как прекрасно могу обойтись без всего этого.

2) Мое племя отказывается от столь любезно предложенного Вами английского подданства и от защиты со стороны вооруженных сил Великобритании. Мы сами являемся и хотим остаться хозяевами этого острова и строить свою жизнь по своему усмотрению. Чужеземные паработители ригондскому народу не нужны, потому что он не желает

впасть в рабство, в котором задыхаются многие другие племена Океании, поверившие посулам Ваших соплеменников или грубо поработанные при помощи вооруженных сил английского короля и некоторых других иноземных правителей.

3) Мы согласны вступить в торговые сношения с Вашими купцами и купцами других народов и заключать торговые сделки на обоюдных выгодных условиях, получая за свои товары и продукты равноценную стоимость. Мы согласны встречаться и вести переговоры с этими купцами, как равный с равным, но нам не нужны на острове никакие Портеры и подобные ему негодяи, воображающие, что они господа и могут распоряжаться имуществом и жизнью островитян, — такие люди всегда будут с позором изгнаны из Ригонды.

4) Мы требуем, чтобы канонерка «Шарк» со всей своей командой немедленно ушла отсюда или, по меньшей мере, убралась в нейтральную зону, так как пребывание корабля в территориальных водах Ригонды без ведома и согласия населения острова мы расцениваем как акт насилия, несовместимый с честью независимого народа и государства.

По поручению и от имени народа Ригонды старейшина острова Л/со».

Спенсер вернулся на корабль мрачный и потрясенный.

— Это наглость, смириться с которой не в состоянии даже самый миролюбивый и трусливый человек в мире! — вскричал он, оставшись вдвоем с Элиотом в своем салоне. — Он плюет на наши условия, плюет на английское подданство, королевский трон и на самого короля! Убирайтесь прочь — условия диктуем мы... Да разве таким тоном разговаривают с англичанами?

— Вся беда в том, что это дело значительно сложнее, чем нам казалось вчера, — сказал Элиот. — Тут исключается даже перспектива вбить клин между предводителем острова и его племенем. Создается впечатление, что у них на острове совсем нет двух классов, стало быть, нет и классового антагонизма. Ваша дипломатия может оказаться бессильной при таких обстоятельствах. Как раздробить камень, в котором нет трещин? Здесь может помочь только динамит — политика грубой силы.

— Мне нравится, что и вы, мистер Элиот, начинаете более здраво смотреть на этот вопрос, — сказал Спенсер с мрачной усмешкой. — Это значит, что у нас есть надежда прийти к взаимопониманию и по некоторым другим вопросам. — Он поставил на стол напитки, наполнил бокалы и пригласил Элиота составить компанию.

Они беседовали около часа, потом Спенсер написал новое письмо, а под вечер Элиот отвез его на остров и прикрепил к стене бунгало Портера.

Когда шлюпка вернулась обратно, на ней не хватало четырех матросов: пользуясь вечерними сумерками, они, с ведома Элиота, спрятались в прибрежных кустах. В темноте одна из корабельных шлюпок прокралась в лагуну и тихо пристала к берегу в условленном месте. Ночью из чащи вышло несколько воинов-островитян. Соблюдая величайшую осторожность, они приблизились к бунгалу, сняли со стены письмо Спенсера и повернули обратно к кустам. В этот момент на островитянина, замыкавшего шествие, навалились четыре белых великана, заткнули ему рот кляпом, связали и поволокли к лодке. Их отход прикрывал огонь нескольких винтовок и одного легкого пулемета из-за стен бунгалу. Ночь была слишком темна для прицельной стрельбы, поэтому островитяне отвечали только редкими выстрелами — должно быть, сэкономили патроны. Через не сколько минут шлюпка причалила к кораблю, и плен* ника сейчас же ввели к Спенсеру.

В салоне присутствовали также Элиот, старший корабельный инженер Робине и переводчик. На этот раз Спенсер был очень приветлив с пленником, дружелюбно похлопал его по плечу и предложил даже глоток сладкого вина, от которого тот, презрительно отвернувшись, отказался. Потом переводчик повел речь, как его научили Элиот и Спенсер.

— Темнокожий друг, тебе нечего бояться нас, — сказал он. — Мы не хотим делать ничего плохого ни тебе, ни твоим братьям. Белый начальник желает добра твоему племени, но старейшина острова Ако мешает ему сделать это. У белого начальника только одна задача, которую приказал ему выполнить король, самый великий и могущественный из всех владык мира. Ему нужно взять в плен Ако и отвезти к белому королю. Из-за Ако белые сердятся на твоих братьев. Если Ако больше не*будет на острове, белые оставят остров в покое и уедут, а вы сможете жить, как вам захочется. Пойди к своим братьям, поговори с ригондцами и скажи им, что Ако нужно связать и положить на берегу лагуйы, где его возьмут белые люди. Если сделаете так, то завтра мы уйдем отсюда, а тебе и твоей жене оставим много красивых подарков.

Спенсер разложил на столе всевозможные блестящие вещи — подзорную трубу, настольные часы с музыкой, серебряный кубок и книгу с цветными картинками.

— Все это будет твое, — продолжал переводчик. — Делай так, как тебе велят. Но если островитяне не свяжут и не отдадут нам Ако, то завтра на весь остров обрушится великое бедствие. Белые люди уничтожат весь остров, срубят кокосовые пальмы, хлебные деревья и бананы. Белый начальник сделает так, что вода в источнике будет приносить смерть всем,

кто выпьет ее, а в лагуне подохнет вся рыба, и твои дети умрут с голода. Понял, что я сказал тебе?

Пленник утвердительно кивнул головой в знак того, что понял.

— Тогда делай так, как я говорю. Тебя сейчас отвезут обратно на остров и отпустят на свободу. Утром, когда взойдет солнце, Ако должен быть на берегу лагуны. Мы будем ждать до утра. Если к тому времени Ако не будет связанным лежать на песке в том месте, где пристают наши лодки, белый начальник сейчас же приступит к уничтожению острова.

После этого пленника опять посадили в лодку и отвезли на берег. Очутившись на свободе, он через несколько мгновений слился с чернотой ночи и исчез в прибрежных кустах.

В письме, которое в ту ночь получил Ако, содержалось всего несколько строк:

«Старейшине острова Ако!

От тебя зависит участь острова. Если ты завтра, на восходе солнца, добровольно отдашься в наши руки, мы тебе не сделаем ничего дурного, а племя островитян пощадим. Если не сделаешь этого — смерть ждет тебя и весь народ Ригонды. Имей мужество сдаться — не обрекай на уничтожение свой народ.

Капитан второго ранга Спенсер».

Мрачной, страшной была эта ночь — с плеском дождя, завыванием ветра и тревожным шумом в лесных чащах. И напряженным, неослабевающим бодрствованием на обеих сторонах — там, на берегу, во тьме леса и кустарника, и на корабле — в освещенных каютах за столами, уставленными бутылками.

В углублении пещеры вокруг костра опять сидели двадцать мужчин — те, кому ригондское племя больше всего доверяло и кому поручило решать все вопросы защиты острова.

Попавший в плен островитянин вернулся и сейчас же разыскал Ако. Рассказав все, что ему говорили на корабле белые люди, он спросил:

— Что мне делать, Ако? Белые люди коварны, я им не верю. Говорить мне с людьми?

— Говори, друг... — ответил Ако. — Люди должны знать, чего хотят белые.

Он велел созвать командиров групп и отделений и старшин лагерей

острова на совещание. Когда все собрались, Ако зачитал им письмо, которое прислал ему белый командир сегодня ночью, потом предоставил слово человеку, попавшему в руки англичан.

Островитяне молча выслушали его. Некоторое время стояла тишина. Пламя костра мрачно отсвечивало в глазах островитян, но лица ничего не выражали, будто застыли. Потом пошевелинулся Лова и, поворошил костер сухой веткой и облизал пересохшие губы.

— Белые люди убедились, что силой с нами ничего не сделаешь, — начал он. — Поэтому пускаются па хитрость. Если бы у белых хватило сил уничтожить нас, они бы так и сделали, а не говорили бы любезных слов и не обещали бы невесть чего. Я не верю ни одному их слову.

Он умолк. Через минуту заговорил Леагу.

— Почему белые ничего не могут нам сделать? Потому, что мы слушаемся Ако и поступаем, как он учит. Пока Ако с нами, мы будем сильнее белых и они ничего с нами не сделают. Ако не должен покидать своих братьев и слушать белых. Мы не должны выдавать Ако нашим врагам.

Леагу умолк. Тогда начал говорить старый Таомо.

— Почему белым так нужен Ако? Потому, что они знают, как много он может, и они боятся Ако. Когда Ако попадет к ним в руки, они убьют его, а потом придут и истребят всех нас. Тогда им легче будет это сделать, потому что Ако не будет руководить нами. Белым нужна только наша кровь. Я им не верю. Ако должен оставаться вместе с нами.

Когда все высказали свое мнение, поднялся Онеага, брат Ако, и сказал:

— Белые не видели Ако, не знают, как он выглядит. На хитрость надо ответить хитростью. Я могу на восходе солнца выйти на берег лагуны и отдаться в руки белых людей. Не скажу, что я Онеага, скажу, что меня зовут Ако. Тогда увидим, лгали белые или говорили правду. Если белые убьют Онеагу, это для ригондцев небольшое несчастье — Ако останется и будет руководить борьбой. Если же белые убьют Ако, мы лишимся мудрого вождя. Разрешите мне пойти на берег лагуны, когда станет всходить солнце.

Предложение Онеаги вызвало горячие споры. Многим оно понравилось, они хвалили Онеагу за отвагу и готовность пожертвовать собой ради блага племени. Тогда Ако встал, приблизился к брату и крепко обнял его.

— Ты хороший брат и храбрый мужчина, но этот твой шаг ничего не даст твоему племени, — сказал он. — Ты ведь не знаешь английского языка, а я писал им письмо на их языке. Они сразу узнают, что ты не Ако.

Так их не проведешь.

— Я буду молчать, — упорствовал Онеага. — Только приложу руку к сердцу и скажу: Ако... и больше не скажу ни слова. Пусть бьют, пусть мучат, пусть убьют меня — я буду молчать. Тогда они не узнают, что я не Ако.

— А вдруг они не станут ни бить тебя, ни убивать, а начнут хитро и ласково говорить, пошлют тебя обратно на остров что-нибудь передать племени? Ты будешь молчать и ничего не сделаешь. Неужели и тогда они поверят, что ты Ако?

Онеага опустил голову и вздохнул.

— Жаль. Я ничем не могу помочь. Тогда Ако обратился к присутствующим.

— Ловаи прав — белые убедились, что силой с нами ничего не сделаешь, поэтому пытаются нас взять хитростью. Хотят обмануть и запугать. Мы не верим их лжи и не боимся их угроз. Нет у них такой силы, чтобы уничтожить весь остров. Они не могут срубить все хорошие деревья и кусты на Ригонде — им пришлось бы рубить весь свой век и еще другой век человека, но за это время вырастут новые деревья и кусты. Нельзя сделать так, чтобы вода в источнике приносила смерть всем, кто выпьет ее, так как вода не стоит на месте, а течет — вместо испорченной воды скоро натечет новая, и ее мы можем пить без страха. Вы видите — все, что они нам рассказывают, — сплошная ложь.

Обдумав слова Ако, люди начали смеяться. Исчезла подавленность, и они разошлись в гораздо лучшем настроении, чем пришли на совещание.

Занималось утро. Сквозь дождевой туман пробивались солнечные лучи, но самого солнца не было видно, только светлое пятно позволяло догадываться, где оно находится. Из своих убежищ островитяне видели, как много лодок, полных людьми, отделилось от корабля и приблизилось к берегу Ригонды. Высадившись на берег, англичане некоторое время еще ничего не предпринимали, вероятно, ожидая чего-то, но когда ожидаемого не случилось, принялись за дело. Стучали топоры, шипели пилы. Одна за другой никли к земле величественные кокосовые пальмы. Где недавно шумела зеленая роща, там теперь виднелись поваленные стволы и голые пни. Островитяне со жгучей болью в сердце наблюдали, как гибли бананы и старые хлебные деревья. К вечеру захватчики опустошили все побережье близ старого лагеря.

Утром опустошение продолжалось в другом месте. Англичане несколько раз пробовали поджечь лес и кустарник, но все было слишком мокрое — огненные языки вспыхивали и скоро потухали. Около полудня,

когда люди Спенсера заявили на Тихий берег и принялись рубить самую большую из ригондских пальмовых роць, в кустах вдруг заговорил легкий пулемет и несколько винтовок. В самом начале пал первый помощник командира канонерки Элиот и несколько матросов. Остальные прекратили работу и, отстреливаясь, отступили на побережье, где стояли их лодки. По пути до того места островитяне сразили еще четырех матросов. Вскочив в лодки, англичане ушли обратно на корабль и после этого на побережье больше не появлялись.

Поздно вечером, когда с берега не стало видно корабля, Спенсер приказал поднять якорь, и канонерка «Шарк», потеряв в борьбе за остров треть своего экипажа, пустилась в обратный путь в Сидней. Капитан второго ранга был мрачен, как осенняя ночь. Не повышение по службе и обещанная высокая награда, а нагоняй ожидал его в конце пути. Спенсер понимал, что на его карьеру теперь можно поставить крест: он оказался неспособным справиться с каким-то небольшим туземным племенем— таких людей не производят в адмиралы. Единственным утешением для него была смерть Элиота: он уже не сможет донести начальству о неумелых действиях своего командира на острове. Когда мертвые молчат, живой может рассказывать все, что ему вздумается. Может статься, адмирал поверит и не всему, о чем ему станет докладывать Спенсер; возможно, будет произведено официальное расследование и допрос всех оставшихся в живых членов команды, но этого Спенсер боялся меньше, чем одного Элиота. Просто повезло, что этого молодчика вовремя уложили пули островитян.

Как ни тихо снялась «Шарк» с якоря, как ни темна была дождливая ночь, ригондское племя узнало об этом в тот же вечер. Наблюдатели проводили взглядом исчезающие сигнальные огни и свет в иллюминаторах, послушали, как вдали замирает монотонный гул машин канонерки, и поспешили сообщить своим товарищам радостную весть. И всю ночь ликовал народ острова, счастливый тем, что сохранил свою свободу и независимость.

На следующее утро ригондское племя вышло из лесных чащ, вернулось к разрушенным очагам, окинуло печальным взглядом вырубленные роци и банановые заросли и принялось за работу. Вместо разбитых хижин построили новые; лодочные мастера принялись долбить новые пироги. Делалось все, чтобы возобновить жизнь на месте старого лагеря на восточном побережье. Если враги еще раз нападут на остров, племя опять уйдет в горы, а часть воинов спрячется в новом лагере у Тростникового залива.

В то утро, когда Ако призвал свое племя вернуться в старый поселок, у Нелимы родился сын. Своего первенца они нарекли Мансфилдом — именем того человека, который одарил Ако своей мудростью и сделал его могучим и сильным.

Когда на острове улеглось волнение после пережитого, Ако вернулся к своей любимой работе. Снова он обучал детей и взрослых, приумножал мудрость своего племени и сноровку во всякой работе. Еще больше, чем прежде, люди доверяли ему и без колебаний следовали каждому его совету, ибо теперь каждый человек на острове доподлинно знал, что значит Британская империя и чего можно ждать от ее короля, — разрушенный поселок, вырубленные рощи и умерщвленные дети наглядно показывали их истинную сущность.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Вполне естественно, что вершители судеб Британской империи не могли примириться с неудачей своих представителей на острове Ригонда. Обстоятельный и красочный рапорт капитана второго ранга Спенсера о провале экспедиции досконально изучили и на заседании правления Южноморского торгового Общества, и у генерал-губернатора, и в Лондоне — в продолговатом кабинете премьер-министра на Даунинг-стрит. Министерство иностранных дел приняло все меры, чтобы отголоски ригондских событий не просочились в прессу и ничего не стало известно общественности. Принимая во внимание тайный характер карательной экспедиции, это отчасти и удалось. Канонерку «Шарк» по возвращении из Сиднея отправили на какой-то дальний, расположенный на отшибе архипелаг, пока матросы не успели еще разболтать в сиднейских кабаках ничего нежелательного о своих приключениях на мятежном острове.

Письмо Ако капитану Спенсеру фигурировало в качестве официального документа и в Боду сопровождало рапорт начальника экспедиции — в Сиднее остались две копии, а подлинник попал даже на стол к королю Англии, и «высочайшие» очи самолично прочли его несколько раз. Смелый, независимый тон письма и категорические требования, которые Ако поставил Спенсеру, заставляли кровь кипеть в жилах августейшей особы и ее верных министров. Один престарелый адмирал, у которого пошаливало сердце, чуть не отдал богу душу от волнения — его пришлось немедленно положить в больницу и долго лечить.

Лордам мерещилось, что тут, верно, дело не обошлось без большевиков. Отзвуки Великой Октябрьской социалистической революции далеко разнеслись по всему миру, не было теперь такого уголка на земном шаре, где не знали бы о событиях в России, — имена Ленина и Сталина стали известны угнетенным и простым людям всех стран. По мнению лордов, Ако был воспитанником большевиков и действовал по их заданию; тем опаснее он был и с ним следовало разде* латься во что бы то ни стало.

Генерал-губернатору и командующему военно-морскими силами Австралии был отдан приказ любой ценой и всеми средствами подавить

бунт на острове Ригонда, истребить всех туземцев, которые окажут хотя бы малейшее сопротивление; оставшихся в живых развезти по другим островам на принудительные работы, рассеять по разным архипелагам, а на Ригонде поселить прирученных, покорных рабов двадцатого века.

На Ригонду отправилась новая экспедиция. Это была уже не какая-нибудь захудалая канонерка во главе с капитаном второго ранга, а полдюжина мощных военных кораблей, и на флагмане — крейсере — находился некий вице-адмирал, имя которого пользовалось известностью во всей Британской империи. Об истинных задачах экспедиции был осведомлен лишь узкий круг высших офицеров, все же прочие полагали, что военные корабли отправляются на обычные маневры.

Период ливней окончился. Снова сияло солнце над океаном и островами, снова пели птицы и дивными цветами красовались ригондские рощи, холмы и долины, когда в море за рифом, против старого поселка, шесть военных кораблей отдали якоря и повернули жерла своих орудий по направлению к острову. И началась вакханалия. С утра до полудня гремела канонада. Артиллерийские снаряды рвались в поселке островитян, разворачивали рощи, чащи, склоны гор. Волна смерти неумолимо катилась над островом, с юга на север, расплескиваясь по всем его уголкам. Конечно, не каждую пядь ригондской земли мог накрыть этот артиллерийский шквал, всюду оставались на ней нетронутыми значительные пятна, но не было больше на острове места, где человек мог бы чувствовать себя в безопасности.

Когда умолкла канонада, на побережье острова высадился десант — не горстка матросов, с которыми Ако мог, как в прошлый раз, затеять игру в жмурки, а настоящее войско — более тысячи вооруженных людей, которым под силу обшарить каждую пядь Ригондской земли.

Захватчики были жестоки, как звери. От их рук гибли женщины и дети, немощные седовласые старцы и полные сил юноши. Свинцовые пулеметные очереди крошили кустарники и тростниковые заросли. А когда спустились вечерние сумерки, мощные прожекторы обратили ночь в день и освещали путь войску. Птицы взмывали в воздух со своих гнезд и с громкими криками кружились над чащей, выползшие на мель крабы пускались наутек обратно в лагуну, а если иному случалось замешкаться, его расплющивал окованный железом каблук солдатского сапога. Казалось, будто вся сила гнева империи сосредоточилась в этом месте, а в удар бронированного кулака заложены весь гнет, вся жестокость и пламя мести королевской власти. Грохотали залпы, рвались гранаты, кровью окрашивалась тучная земля Ригонды. Со стоном боли на устах умирали

добродушнейшие люди, которые ни единому человеку на свете не хотели причинить зла.

Задета была гордость насильников и их державы, какое-то племя чинило препятствие произволу угнетателей, — поэтому должна была литься кровь, раздаваться стоны, иначе лорды и адмиралы будут страдать по ночам бессонницей.

С самого начала вторжения Ако понял, что о сопротивлении нечего и помышлять, — превосходство противника было очевидным. Следовало позаботиться о спасении людей, об эвакуации острова. Тотчас же после того как прозвучал тревожный сигнал, Ако приказал слабосильным, женщинам и детям направиться к потайному селению в горной долине, которое так хорошо скрывало их во время первого нападения. Некоторые пали жертвой шальных артиллерийских снарядов, так и не достигнув поселка. Одну семью такой шальной снаряд уничтожил уже в поселке, угодив прямо чуть ли не в самую хижину.

К середине дня, когда артиллерийская канонада смолкла и десантники, рассредоточившись широким фронтом, начали продвижение в глубь острова, стало ясно, что потайной стан на этот раз не спасет ни одного человека, — его расположение оказалось прямо на пути войска. Ако велел перебраться всем в другой поселок у Тростникового залива; судя по тому, в каком направлении шагали цепи десантников, они могли выйти к противоположному берегу острова примерно на километр севернее Тростникового залива, — пока они доберутся туда, уже свечерееет и лодки-плоты с беженцами успеют беспрепятственно выйти в море.

Когда все племя собралось, наконец, в одном месте, в новом стане, у южного мыса Ригонды показался светло-серый силуэт легкого крейсера. Тихим ходом, держась примерно в километре от берега, плыл он вокруг острова, и офицеры с палубы корабля в сильные подзорные трубы тщательно рассматривали побережье.

Каждому островитянину предоставлялось на выбор: либо пуститься в чреватое опасностями путешествие по морю к неведомым островам, либо остаться здесь и ожидать участи, уготованной врагами. Большинство пожелало уйти, считая гибель в открытом, океане менее ужасной, нежели смерть от руки захватчиков; только около трети людей — по большей части престарелые, больные и раненые, матери с малыми детьми, потерявшими отцов, — решилось остаться на месте.

В вечернем полумраке отъезжающие взошли на плоты-лодки и приготовились к отплытию. Легкий крейсер, прожектором ощупывая побережье, медленно плыл обратно. На какой-то лодке уже был натянут

парус, и яркий луч света нащупал его. Крейсер еще больше замедлил ход и на всякий случай выпустил несколько орудийных снарядов по подозрительному месту. Снаряды разорвались в Тростниковом заливе, в самой гуще лодок, разнеся в щепки три самых больших плота. Затем крейсер продолжал свой путь, то и дело словно бы оглядываясь на это место чудовищным глазом своего прожектора. По счастью, к моменту обстрела в разрушенных лодках еще не разместились люди — те, кто должны были отплыть в этих лодках, стояли на берегу и в отчаянии взирали на разметанные обломки. На одной из этих лодок предназначалось место и для Ако с Нелимой.

— Что же нам теперь делать? — спросила Нелима, глядя, как уцелевшие лодки пересекали лагуну, уплывали по узкой расселине в рифе и сливались с темной ширью океана. — Теперь нам не уплыть.

Маленький Мансфилд сладко дремал, прижавшись к ее груди.

— Мы все-таки поплывем, — ответил Ако. — Сядем в какую-нибудь пирогу, привяжем ее к последнему плоту и двинемся в путь.

Так он и сделал, так же поступили и некоторые другие семьи. К каждому плоту привязали по пироге, в которую садились по два-три человека, и под прикрытием темноты люди отправлялись в путь. Ако со своей маленькой семьей самым последним вышел на просторы океана искать убежище и новую родину, хотя хорошо знал, что всюду, к какому бы берегу он ни пристал, его ожидало такое же самое рабство, какое сегодня принесли на своих штыках на Ригонду чужеземные солдаты.

Окидывая прощальным взглядом опустошенный остров, Ако думал: «Тираны сумели одолеть нас и навязать нам свою волю только потому, что они имели дело лишь с нами — с одним островом и одним небольшим племенем. Но если бы однажды восстали на борьбу за свободу и справедливость все угнетенные племена и народы, — у насильников не хватило бы военных кораблей, пушек и солдат, чтобы и дальше держать нас в рабстве. Сегодня я во второй раз потерял свою родину, и только упорной борьбой смогу вернуть ее — ни один, а вместе со всеми угнетенными и униженными. Отныне задача всей моей жизни: пробуждать жажду свободы, поднимать на борьбу всех, кто сегодня томится в ярме рабства. И пока в груди моей бьется сердце, — я буду делать это. Да, буду делать, это станет великой целью моей жизни. И настанет день, когда им больше не помогут ни военные корабли, ни пушки, — наш день!»

Путь был далек и море беспокойно. Многие лодки погибли, не достигнув других островов, но некоторые все же пробились к чужим берегам и принесли тамошним людям весть об Ако и его племени, которое

осмелилось подняться на открытую борьбу против Британской империи.

Оставшихся на острове на другой же день после отплытия Ако постигла горькая участь. От штыков английских солдат умирали старые мужчины и женщины, которых не стоило перевозить на принудительные работы на другие острова. Захватчики насильовали девушек и женщин, а потом всех, кто остался в живых, согнали в темные зловонные корабельные трюмы и увезли далеко на чужбину — в рабство к владельцам плантаций и рудников. Никогда ни один из них не увидел больше своей родины. Через некоторое время Южноморское торговое Общество поселило на Ригонде несколько сот меланезийцев, которые теперь под командой белых надсмотрщиков создавали ценности для Генри П. Кука. У главного надсмотрщика всегда имелось в запасе несколько плетей и хлыстов, ибо эти предметы изо дня в день пускались в ход и быстро приходили в негодность.

2

Два дня и две ночи маленькую лодчонку Ако тащил за собой на привязи большой плот с парусом. Потом поднялся сильный ветер и ночью оборвался буксир — ненадежная плетенка из травы, которая заменяла канат. Всю ночь в темноте Ако боролся со стихией, а когда наступило утро, плота нигде уже не было видно. Ако ни на минуту не решался выпустить весло из рук, чтобы маленькая шаткая пирога не опрокинулась в волнах. К вечеру ветер утих, и океан постепенно успокоился.

Плакал маленький Мансфилд, слабыми ручонками уцепившись за мать. Белые птицы пролетали над лодкой, спеша на северо-запад — в ту же сторону, куда Ако направлял свою пирогу.

На четвертый день мимо них прошел какой-то военный корабль, должно быть, один из тех, которые принимали участие в карательной экспедиции на Ригонде. Может быть, он торопился в Сидней известить генерал-губернатора об одержанной победе, может быть, искал на морских просторах беженцев-островитян. Не заметив одинокой пироги, он спешил — так же, как Ако и белые птицы — на северо-запад и вскоре исчез за горизонтом.

На седьмой день Нелима выпила последний глоток пресной воды — Ако от своей доли уже давно отказался. Плач маленького Мансфилда с каждым часом становился все тише и слабее. Потом он совсем перестал плакать, не цеплялся маленькими ручонками за мать, а тихий и недвижимый покоился на руках Не* лимы. Придвинувшись к ним и

предоставив лодке некоторое время свободно колыхаться на затихших волнах, Ако гладил руки Нелимы и шептал ей слова утешения и бодрости. Она не плакала, только все смотрела остановившимся взором на исхудалое, застывшее личико ребенка и думала о чем-то ей одной ведомом.

— Мансфилд счастливый... — говорил Ако. — Он умер свободным человеком, не изведав горьких мук рабства. Ему никогда больше не придется страдать. Чужеземным насильникам не удалось схватить его своими хищными руками. Крепись, Нелима, друг мой, мы должны еще жить и бороться...

Но Нелима молчала, не выпуская из рук угасшее тельце своего ребенка. Только на другой день после смерти Мансфилда она вняла увещаниям Ако и позволила отдать своего первенца морю. И лодка медленно плыла дальше. Солнце пылало над океаном, у бортов пироги с легким бульканьем плескалась вода, в волнах нет-нет да и проплывал пучок тростника или ветка с куста, возвещая о близости земли, а взгляд Нелимы, как зачарованный, был прикован к одному месту — далеко-далеко от лодки, в открытом море, где осталось ее дитя.

Дни сменялись ночами, но ничто не изменялось в однообразном ландшафте океана. Только весло в руках Ако теперь поднималось медленнее и тяжелее, и все ниже опускалась на грудь голова Нелимы. И в одну из ночей, когда на потемневших небесах ярко заблистали мириады звезд, будто желая осветить путь одиноким морским скитальцам, угасла прекрасная островитянка Нелима — умерла среди моря, свободным человеком. Когда Ако понял, что остался на свете один, он сел у ног своей жены и долго смотрел в ее лицо, на котором больше не было ни радости, ни горя, ни гнева, ни нежности — только великое спокойствие и ему одному понятная неповторимая красота, которую даже сама смерть не смогла уничтожить. Тяжело ему было. Пересохшими потрескавшимися губами тихо шептал он нежные слова, которые когда-то говорил Нелиме; потом умолкал, будто ожидая, что она ему ответит. Ничего не дождавшись, он шептал их снова и снова, все еще не в силах свыкнуться с мыслью, что утрата безвозвратна и что в его жизни и в сердце образовалась пустота, которую ничто и никогда не сможет заполнить.

Всю ночь и весь следующий день они вдвоем блуждали по океану, и только поздним вечером в волшебный час заката Ако отдал морской пучине своего самого близкого друга. Он так устал, что едва мог поднимать весло. На другое утро, когда Ако увидел на горизонте верхушки пальм, у него даже не хватило сил радоваться этому. Будто во сне, он весь день работал веслом и направлял свою пирогу к земле. Была уже ночь и месяц рассыпал

серебряные лучи над пальмовой рощей и чужой спокойной лагуной, когда Ако вышел на берег. Он так ослаб, что не мог удержаться на ногах. Ползком добрался он по берегу до ближайшей кокосовой пальмы и тотчас же заснул.

Прошло немного времени и с острова на остров пошли слухи об одном полинезийце, который рассказывал островитянам о правде и несправедливости на земле, и всюду, где бы он ни появлялся, он пробуждал в сердцах людей мечты о свободе, отвагу и дух протеста. Он свободно изъяснялся на английском языке, много читал и книг и газет и потому постоянно был в курсе всего, что происходило в разных уголках земного шара. И хотя то, что он рассказывал и разъяснял людям, была сущая правда и хотя целью его усилий было только одно — добиться, чтобы людям лучше и счастливее жилось на свете, — в безопасности он мог чувствовать себя только среди простых и угнетенных людей, от остальных же ему приходилось скрываться.

О его деятельности вскоре стало известно губернаторам островов и другим администраторам пониже рангом, и они усмотрели в его действиях не только помеху, но и определенную опасность для себя и своей деятельности. Они стали охотиться за ним, гоняться по его следам и объявили Ако вне закона. Не оказалось, что схватить этого человека не так-то легко. Когда Ако в каком-либо месте грозила опасность, островитяне всегда вовремя предупреждали его, прятали в джунглях или увозили в своих лодках на другие острова и другие архипелаги. Тогда колонизаторы объявили, что заплатят много денег тому, кто передаст его в руки властей или будет способствовать его поимке. Обещанное вознаграждение было достаточно велико, чтобы прельстить негодяя или заставить призадуматься какого-нибудь несознательного человека, но слишком мало для того, чтобы смутить простых и честных людей — друзей Ако.

Пролетали месяцы, проходил год за годом, но Ако по-прежнему не был схвачен. Его враги лезли из кожи вон от злости, во второй, в третий и четвертый раз увеличивали суммы вознаграждения за поимку Ако, по его следам пускали хитрых и опытных сыщиков — некоторые из них были специально для этой цели выписаны из Европы, — но все их усилия оставались бесплодными.

Не помогла неограниченна?! власть австралийского генерал-губернатора, не помогли миллионы Генри П. Кука — идея, которой Ако посвятил свою жизнь, оказалась сильнее, непреоборимее и оценивалась дороже, чем все капиталы Южноморского торгового Общества.

Ако знал об опасностях, подстерегавших его на каждом шагу, но ничто не могло удержать его или заставить из предосторожности хотя бы на

время отказаться от работы. Бесконечно широк был район его деятельности и на удивление плодородна почва, на которую он сеял свое драгоценное семя. Полными пригоршнями посеяв его в одном месте и убедившись, что первые всходы уже пробиваются, он отправлялся дальше, на другое место, и неустанно продолжал свой благородный, героический труд — неуловимый, неустрашимый, неугомонный, как сам дух свободы. Повсюду ему сопутствовали любовь и дружба угнетенных племен; эта любовь и дружба и были той силой, которая спасала Аюо от его врагов и от всех опасностей.

С течением времени немного ссутулилась статная фигура Аюо, неторопливее и тяжелее стала упругая походка островитянина, но не угасло его вечно юное душевное беспокойство. Много стран и людей повидал он за эти годы, странствуя из одного места в другое. С каждым днем везде появлялось все больше людей, не желавших жить по-старому. После длившегося веками сна пробуждался на борьбу за свободу и свои права весь огромный колониальный мир, как свежий утренний ветер, неслись из страны в страну идеи свободы и справедливости, и миллионы угнетенных и униженных людей в Азии, Африке и Океании перекликались между собой через моря и континенты. Всюду, где происходила борьба народов за свое освобождение или где только накапливались силы для этой борьбы, Аюо был желанным гостем. Когда ураган второй мировой войны свирепствовал над земным шаром, Аюо находился в Индонезии; он был вместе с ее революционерами, когда они поднимали свои народы на «борьбу против японских империалистов. Он знал, что происходило в Китае и Вьетнаме. Аюо сражался вместе с туземцами против голландских захватчиков в джунглях Суматры. Победа Советского Союза во второй мировой войне наполнила сердца угнетенных надеждой и уверенностью — это был залог победы справедливости во всем мире.

Еще лилась кровь, еще грохотали пушки и горели города и села, еще захватчики всеми средствами старались продлить дни своего господства, но новая заря уже занялась и для народов колоний — они знали, что свобода близка, и понимали, что ее можно завоевать только в борьбе.

Много было у Аюо хороших и бесстрашных товарищей, с которыми он делил свою судьбу, вместе работал и вместе боролся. Уча и воспитывая новую смену борцов, Аюо рос сам, становясь настоящим народным вождем в полном смысле этого слова. Потерявший родину, оторванный от своего народа, ни одного дня он не чувствовал себя изгнанником или чужим среди тех людей, с кем его связывали узы борьбы — самые прочные и неразрывные из всех уз. У кого была такая цель, как у Аюо, и кто мог до

такой степени без остатка пожертвовать собою для ее достижения, тот не зря жил на свете.

Несколько часов продолжалась битва в лесной чаще. Трещали пулеметы, длинными очередями лаяли автоматы, временами раздавались взрывы гранат и полумрак джунглей вдруг озарялся вспышками, как будто невидимая рука на мгновение включала и сейчас же выключала сильную электрическую лампу.

Потом снова наступала тишина, и чаща понемногу наполнялась своими обычными звуками: криками птиц, голосами зверей, шорохом осторожных шагов невидимых животных и мерным шумом невозмутимых девственных лесов.

Батальон голландского экспедиционного отряда, осмелившийся глубоко сунуть свой нос в джунгли большого острова, был разбит и почти полностью уничтожен — может быть, только какой-нибудь полсотне солдат удалось выскользнуть из окружения, и, спасая свои шкуры, они теперь скрывались, разыскивая дорогу, которая привела бы их обратно на полковую базу. Остальные лежали, разбросанные на площади в половину квадратного километра, и над их телами уже жужжали и гудели рои насекомых. Воины-индонезийцы, собрав трофеи и подобрав своих убитых и раненых, тоже ушли с поля боя. Их лагерь находился в лесу, неподалеку от берега моря.

Одного раненого в очень тяжелом состоянии на носилках несли четыре воина, и самый главный их командир, молодежавый мужчина, с четкими, словно из бронзы отлитыми чертами лица, — следовал за носилками. Часа через два они достигли берега моря, где под защитой густого кустарника стояло несколько небольших палаток. В одной палатке работал врач и несколько санитаров. Раненого сейчас же осмотрели и оперировали, но когда после операции командир отозвал врача в сторону и, не говоря ни слова, глубоким вопрошающим взглядом посмотрел ему в глаза, тот вздохнул и тихо произнес:

— Мало надежды. Разве только переливание крови могло бы помочь, но... ты же знаешь, сейчас это невозможно.

— Возьми мою кровь, всю до последней капли, — сказал командир. — Возьми у меня полжизни, возьми всю мою жизнь, если нужно, но спаси его... если это в твоих силах.

Врач в смущении снял и протер очки.

— Это уже не в моих силах... — шепотом проговорил он. — Можешь мне поверить, я не пожалел бы и своей жизни, если бы это помогло Ако...

Они оба замолчали.

Через час к Ако вернулось сознание. Открыв глаза, он встретился с немым проникновенным взглядом командира и улыбнулся ему.

— Панди, друг мой, чем окончилось сражение? — спросил Ако. Его голос звучал так глухо, что Панди должен был совсем низко склониться над Ако, чтобы расслышать его слова.

— Мы победили, Ако... — ответил он. — Противник уничтожен. Теперь они так скоро не сунутся сюда.

— Хорошо, Панди... мы должны победить. Мы их всех когда-нибудь победим.

Немного погодя он спросил:

— У тебя есть какое-нибудь желание, Ако?

— Пусть меня вынесут на берег моря, Панди... — отвечал Ако. — Хочу посмотреть на юг... туда, где моя родина.

Панди подозвал нескольких воинов, и они отнесли Ако на берег моря. Под тенью старого ветвистого дерева устроили мягкое, удобное ложе, и Панди сел возле него; Ако долго смотрел вдаль, его мечтательный взор, казалось, порывался перелететь через необъятную морскую ширь туда, где за голубыми далями скрывалась его родина — Ригонда... самый несчастный и самый дорогой из всех островов Южного моря.

— Панди... — прошептал Ако через некоторое время.

— Да, друг... — тихо отозвался тот.

— Как прекрасна будет жизнь... когда великая последняя битва будет выиграна окончательно... когда народы перестанут воевать между собой, а все вместе дружно примутся строить новый, счастливый мир. Поработители будут изгнаны, поджигателей войны заставят замолчать, злые и темные силы обуздают. Дружба и радость свободного труда будут господствовать в мире. Я этого не увижу, но знаю, что так будет... и мне не трудно умирать, сознавая, что и я кое— что, самую малую толику, сделал для достижения этого.

Они говорили о настоящем и будущем, мысленным взором проникали в радужные картины завтрашнего дня, когда все континенты и все моря, все океаны и все острова будут свободны; когда будет уничтожена тирания во всем мире, когда больше не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, когда великой дружной и братской семьей все белые, черные, коричневые и жел*тые люди построят замечательную жизнь — такую прекрасную,

счастливую и зажиточную, что сегодня это даже трудно себе представить. За это стоило бороться, за это стоило и умирать.

И когда солнце почти склонилось к горизонту и в извечной игре света и теней на всей западной стороне небосклона стал распускаться будто огромный великолепный цветок, Ако попросил своего друга Панди принести ему из палатки простую солдатскую блузу, которая была на нем в последнем бою. С одной стороны блуза была залита кровью. Ослабевшими пальцами Ако вытащил из внутреннего кармана небольшую записную книжку. Он раскрыл ее, вынул небольшой сложенный листок бумаги, который хранился в отделении записной книжки, и долго взволнованный смотрел на него.

— Панди... — через некоторое время промолвил Ако. — У меня нет красивых и дорогих вещей, мне нечего оставить на память своим друзьям, когда меня больше не будет на свете. У меня была только большая, прекрасная мечта, которую не удалось осуществить до конца. Но я знаю: наступит день, когда осуществится и она... когда моя несчастная родина станет свободной и призовет к себе свой народ, рассеянный по чужим островам. Панди... у меня к тебе просьба... Если ты доживешь до того дня, то стань на мое место и сделай то, что сделал бы я. Разыщи людей с моей родины и отвези их обратно на Ригонду. Возьми этот листок бумаги — это карта моего родного острова. Теперь будет нетрудно его найти. А «здесь, в этой книжечке, записаны все те острова, где в неволе томятся люди с Ригонды.

Взволнованный Панди принял у Ако записную книжечку и некоторое время рассматривал вырезанную из какого-то журнала маленькую географическую карту.

— Хорошо, Ако... — прошептал он. — Я тебе обещаю это. Пока сердце бьется в моей груди, я останусь на твоём посту и сделаю все, что сделал бы ты.

Их руки соединились в крепком пожатии.

— Благодарю тебя, Панди... — едва слышные слова, слетели с уст Ако. — Привет... Ригонде...

Все море горело, и багрянцем полыхало небо в той стороне, где заходило солнце. Со стороны океана неслись стаи морских птиц, спеша до наступления темноты вернуться в свои убежища на побережье. Зашло солнце. Но вверху, на быстро темнеющем небосводе, уже замерцали звезды, их становилось все больше и больше с каждым мгновением — скоро все небо засияло светом миллионов далеких миров.

В кустах за палаткой врача, где расположились воины Панди, кто-то

затянул песню. Это была новая песня, одна из тех, которые только в последние годы начали раздаваться в густых зарослях больших островов. Простые слова песни рассказывали о вчерашних муках, о сегодняшней великой борьбе и о завтрашнем счастье. К одинокому голосу вскоре присоединилось множество других голосов. Будто затаив дыхание, прислушивались к этой песне борьбы и великих мечтаний притихший девственный лес, спокойное море и сама звездная ночь.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)